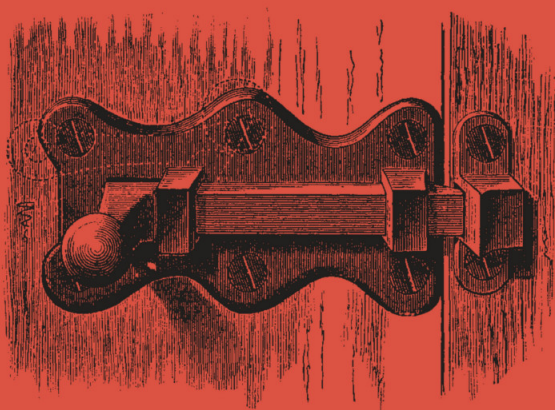

Дерек Смит

ВЫЗВАТЬ
ДЬЯВОЛА

1953.

Whistle Up the Devil

1997.

Come to Paddington Fair

2014.

Model for Murder

2014.

The Imperfect Crime
(расказ)

ДЕРЕК СМИТ

ВЫЗВАТЬ ДЬЯВОЛА

перевод с английского

2020

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)
С50

Derek Smith

Whistle Up the Devil

*Перевод с английского
Николая Баженова*

Роджер Кверрин умер один в запертой и охраняемой комнате, вне досягаемости человеческих рук. Олджи Лоуренс, человек с сонными глазами и ленивой улыбкой, отказывается верить в призраков. Все же, несмотря на обширные знания о преступлениях в запертых комнатах, он не смог объяснить тайну этого «чудесного» убийства. А затем, столкнувшись со вторым преступлением, которое просто невозможно было совершить, он, наконец, начал задаваться вопросом, не вызвал ли кто-нибудь невидимого демона, который способен открывать запоры и проходить сквозь плотные стены... «Вызвать дьявола» — изобретательная головоломка, в которой с читателем играют абсолютно честно.

Смит, Дерек Хау

С50 Вызвать дьявола : [детективный роман] / Дерек Смит;
пер. с англ. – 2020. – 240 с.

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

© Перевод. Н.Баженов, 2020

© Перевод предисловия и послесловия. Д.Шаров, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Джон Диксон Карр общепризнан как маэстро загадок запертой комнаты и, конечно, всего поджанра невозможного преступления. Его первая книга, интригующе названная “Оно ходит по ночам”, вышла в 1930 году, а на протяжении дальнейших примерно сорока лет за ней последовал целый каталог новых книг, многие из которых входят в число лучших, хитрейших и атмосфернейших тайн, когда-либо сошедших с кончика пера.

Естественно, он не возделывал эту ниву в одиночку: вокруг было много других замечательных писателей, среди которых некоторые, подобно Карру, специализировались на поджанре невозможного преступления. Такие авторы, как Клейтон Роусон, Хейк Талбот, Джозеф Коммингс, а позднее Эд Хоч и Билл Пронзини, также внесли первостепенный вклад в него.

Но интерес Карра к невозможному преступлению не ограничивался его собственными книгами; его также увлекало само развитие этой формы от её самых ранних образцов у По и Ле Фаню через Зангвилла, Леру и Фатрелла до тех книг, что вышли к моменту его смерти в 1977 году. Разнообразие решений, придуманных для этой самой вызывающей слюнотечение из проблем, также немало занимало его ум. И, будучи Джоном Диксоном Карром, он не обратился к этой теме, публикуя сухой её анализ в стиле университетской диссертации; он вложил эти слова в уста одного из двух своих самых известных сыщиков, доктора Гидеона Фелла.

В “Человеке-призраке” (в Америке выходившем как “Три гроба”), изданном в 1935 году и признанном одним из шедевров Карра, загадки двух убийств, в которых “убийца должен был быть не только невидим, но и легче воздуха”, ввели сыщика и его коллегу-полицейского в такие затруднения, что Фелл решил, наконец, изложить и разъяснить все возможные способы, которыми можно пренебречь герметичной, по-видимому, запертостью комнаты (он перечислил всего семь вариантов), либо так манипулировать дверями и окнами запертой комнаты, что преступник сможет ускользнуть из неё (Фелл выделил пять вариантов).

Карр был не первым автором, попытавшимся предложить для невозможного преступления множество разных решений, из которых только одно будет верным ответом. Ещё в 1892 году в “Тайне Бог-Бой”, в сценах, местом действия которых служил не только

коронерский суд, но и местная пресса, Израэль Зангвилл (чей брат Льюис написал в 1897 году ещё более изобретательный роман с невозможным преступлением, “Чудо девятнадцатого века”) предложил ряд различных теорий, объясняющих, как могло быть совершено убийство в запертой комнате, с которым он столкнул своих сыщиков. Эту формулу к настоящему моменту использовали многие романисты, включая гуру раннего детектива Кэролайн Уэллс в её вышедшей в 1932 году книге о Флеминге Стоуне “Сломанное О”, но никто не проиллюстрировал её изысканнее Лео Брюса в “Деле для трёх детективов” (1936), где три искущённейших знаменитых сыщиков предлагает три разных решения - и все они неверны! Да и Карр, под именем Картера Диксона, заставил своего другого знаменитого сыщика сэра Генри Мерривейла порассуждать на эту тему в “Убийствах Белого монастыря” в 1934 году, за год до Фелла.

Но лишь очень немногие писатели после Карра предпринимали подход более аналитический, нежели у доктора Фелла в “Человеке-призраке”. Прежде всего, это Клейтон Роусон (писавший также как Стюарт Таун) и Энтони Баучер (писавший также как Х.Х.Холмс). Оба они стали старейшинами детективного жанра, а Баучер ещё и одним из самых сведущих и чутких критиков многих видов жанровой литературы.

В превосходном дебютном романе Роусона, “Смерть из цилиндра” (1938), его сыщик, Великий Мерлини, фокусник по профессии (подобно своему создателю), вместе с соратниками обсуждает проблему запертой комнаты, с которой они столкнулись, и не только отдаёт дань лекции Фелла, но и предлагает её детальную альтернативу с гораздо большим количеством вариаций метода, чем описано добрым доктором, а в качестве бонуса выделяет до сих пор не учтённую категорию.

В 1940 году Баучер представляет читателю свою сыщицу, сестру Урсулу, в чудесном, питательном “Девятью девять” с убийством в запертой комнате, где её полицейский соратник, лейтенант Маршалл, вместе с репортёром Мэттом Дунканом обсуждают между собой некоторые детали лекции Фелла и реорганизуют выделенные им категории, связывая их с различными преступлениями, но в остальном не добавляют к этой лекции ничего нового.

В этот звёздный список детективных романистов следует внести ещё одну, последнюю, запись о некоем лице, чья работа, возможно, сильно уступает в качестве уже упомянутому, но известна гораздо меньше, чем того заслуживает. В 1953 году издательский

дом Джона Гиффорда (в то время выступавшего правой рукой издательской сети семейства Фойлов) выпустил “Вызвать дьявола”, детективный роман, в котором имела место серия убийств в запертых комнатах и великолепная дискуссия между сыщиком Олджи Лоуренсом и его друзьями на тему невозможных, по-видимому, убийств и их анализа, предпринятого Карром с компанией. Книга показывала великолепное знание запертых комнат и была, несомненно, написана прилежным учеником в этой области. Его звали Дерек Смит.

Первая статья, когда-либо мной написанная в силу моей страсти к запертым комнатам, появилась в своеобразном скромном фанатском издании Этель Линдсей, “The Mystery Trader”. Она имела название “Запертокомнатомания” и прочно закрепила мой флаг на мачте, вызвав, к моей радости, немалое количество заинтересованных откликов. Но для меня наиболее важным стало то, что я получил первое письмо от самого Дерека Смита. Начав с более формального “дорогой мистер Эйди” и быстро перейдя к “дорогой Боб”, он начал переписку, продолжавшуюся более двух десятилетий, прервавшись лишь на ряд лет в начале 1970-х, когда мы с моей женой Сью жили неподалёку от Кингстона-на-Темзе, и Дерек регулярно навещал нас, избавившись от необходимости писать.

В своём самом первом письме Дерек сообщал детали более чем двадцати загадок запертой комнаты, не включённых мной в список в “Mystery Trader”, и я сразу понял, что наладил контакт с, возможно, самым сведущим исследователем этой области детектива. Посещая меня, он неизбежно приносил книги или экземпляры рассказов, к которым следовало привлечь моё внимание, а когда мы в 1972 году уехали из окрестностей Лондона, то Королевская почта взяла на себя труд следить, чтобы я находился в курсе последних сведений Дерека, зачастую сопровождавшихся целыми томиками.

Движение это было не совсем односторонним. Я смог указать Дереку на несколько вещей, о которых он не знал, и, посещая вместе со Сью Америку, доставить ему экземпляры книг, в частности, одного из его любимых авторов, Кэролайн Уэллс, которые он ни за какие коврижки не мог достать в Англии. Но широта его познаний в области детективной литературы вообще и проблемы запертой комнаты в частности была поистине феноменальной. Лишь составляя это предисловие и просматривая мою переписку с Дерексом, где последнее письмо датируется 7 августа 1992 года, я

понял, насколько всеобъемлющими были его познания. Он почти ничего не упускал из виду. Унаследовав, по всей очевидности, любовь к книгам от родителей (в одном письме он иронично жаловался на то, как его отец вырвал у него недавно приобретённого Джеральда Вернера, прежде чем он сам успел его прочитать!), он регулярно посещал такие учреждения, как Национальный кинотеатр, Британская библиотека и Центральная справочная библиотека Вестминстера; фактически, он мог отыскивать новые графы детективного жанра где угодно.

Безвестные рассказы из ещё более безвестных журналов; тома, изданные забытыми и тщеславными деятелями печати; множество советов относительно того, где на большом или маленьком экране можно открыть ещё больше невозможностей - это лишь немногие из предметов и фактов, сообщённых мне Дерекком. Кто бы ещё мог заметить непостижимые преступления в столь разных по времени выхода и стилю фильмах, как "Последний спектакль" с Конрадом Фейдтом 1920 года, "Альфавиль" по Питеру Чейни, "Человек-макинтош", "Смерть - это женщина", чешская "Адела ещё не ужинала" (а вариант названия "Ник Картер в Праге" способен просто заколдовать), "Трансатлантик", "Мёртвая точка" (основанная на известном рассказе Барри Пероуна), юмористический "Человек из компании Fuller Brush" (рассказ, лежащий в основе, написан Роем Хаггинсом) и, несомненно, самый невероятный, по крайней мере, в перспективе поиска невозможного преступления, источник, немецкий фильм 1956 года "Лианна, богиня джунглей"?

На телевидении он приметил серии "Макмиллана и жены" и "Маклауда" (обоими наслаждался и я), а также весь цикл о Баначеке с Джорджем Пеппардом, но превзошёл сам себя, вспомнив умный трюк, который он видел в одной серии, сценарий которой написал Джек Роффи, судебной драмы "Адвокат Бойд" (с Майклом Денисоном в главной роли). Что касается радио, большим поклонником которого многие годы был Дерек, он пускал слюнки от забытых пьес Аллингем и Кристи, подробно описывал работу Карра в годы войны и с большой нежностью вспоминал пьесу Филипа Левена с запертой комнатой "Запредельное убийство". Интересно, сохранилась ли где-нибудь её запись?

Он также был страстным любителем театра и однажды прислал мне афишу комедийного триллера "Умереть легко", который отправился посмотреть в Уимблдонский театр. На обороте (ти-

пичный Дерек) он набросал трюк с замком, использованный автором, но велел не смотреть, если мне покажется, что пьеса может появиться в одном из театров неподалёку! Само собой, этого не произошло. Он даже наткнулся на рассказ Джона Слейдека с невозможным преступлением в театральной программке шоу Дебби Рейнольдс, ради которой отстоял очереди!

И он не ограничивал свои интересы англоязычными текстами, упоминая многих франкоязычных авторов, таких, как Пьер Буало и Жан Рей, раннюю немецкую загадку запертой комнаты “Нана-Сахиб” (написанную сэром Джоном Ретклиффом!). Он даже послал мне экземпляр “Кто убил мадам Скроф?”, французского перевода финского детектива, написанного в 1939 году Микой Валтари, более известным в Англии своим историческим романом “Египтянин”. Он был очень взволнован, прочитав в обновлённой версии моей библиографии запертых комнат в 1991 году о появлении молодого французского специалиста по запертым комнатам, Поля Альтера, и у него явно текли слюнки от перспективы перевода этих книг на английский.

Он также долгое время собирал издания клуба “Old Boys” и смог найти для меня примеры непостижимых преступлений из много лет выходившей “Библиотеки Секстона Блейка”, “Юнион-Джека” и “Магнита”. У него было множество журналов вроде “The Thriller” с рассказами Вернера, Гвина Эванса, Чартериса и многих других его любимых авторов. Он даже заметил проблему запертой комнаты в особом выпуске “Розовой пантеры” на ITV и оплакивал тот факт, что колонка Пола Темпла из “Evening News”, сохранившая очень аккуратно решённую проблему запертой башни, никогда не переиздавалась.

Увлекали его и криминальные дела из реальной жизни, не в последнюю очередь, те, где метод, каким было совершено преступление, не поддавался логическому объяснению. Особенно его занимало убийство, совершённое во Франции в 1830 году. Жертвой была парижанка Роза Делакур, убийство которой в запертой комнате, возможно, самое раннее из известных, так никогда и не было удовлетворительно разрешено. Дерек был рад, обнаружив, наконец, достаточно полное описание этого дела в “От улики до скамьи подсудимых” К. Л. Макклюра (1927).

Круг интересов Дерек был настолько широк, что в своих письмах он редко находил время, чтобы уточнить, что в детективе особенно нравится ему самому. Но он заметил, что больше всего ему

доставляют удовольствие два сценария - убийство во время сеанса или на сцене на глазах у зрителей. Он также признался, что находит Гарри Стивена Килера трудным для чтения, хотя и восхищается его изобретательностью; боролся, как и я сам, с “Книгой перемен” Дилларда, но очень высоко оценивал Мелвилла Дэвиссона Поста, Жака Фатрелла и Томаса Хэншью. Может удивить, что он ценил слегка комичного Пата Росситера (в его единственном выступлении в “Отравлении в шутку”) даже больше, чем остальных сыщиков Карра. Не выходили за рамки его компетенции также друдиана и рипперология, хотя в них он полагал себя чистым любителем. Ещё одной его скромной страстью было коллекционирование пазлов всех типов и времён.

Что до его собственных произведений, то в этом он был в высшей степени скромен вплоть до самоуничижения. Когда издатель приняли к печати “Вызвать дьявола”, он был, конечно же, абсолютно счастлив, как и любой автор, надеющийся опубликовать свою первую книгу, хотя с сожалением отмечал, что хотел бы тщательно пересмотреть её перед выходом. Он называл свою лекцию о запертой комнате в главе 5 этой книги “полу-пародией на Карра”, что, на мой взгляд, было суровой оценкой. Она гораздо лучше этого.

Контракт, составленный для Дерек Джоном Гиффордом, был вполне типичен для обращения, которого столь часто достаиваются новые авторы. Ему не так уж много заплатили за первое издание, вышедшее очень малым тиражом (что и объясняет неувомимость этой книги), и чисто номинальную сумму за второе издание, вышедшее под лейблом “Thriller Book Club”, а также за право на перевод. В самом деле, хотя он, в конце концов, смог получить от Гиффорда экземпляр итальянского перевода, лишь через сорок с лишним лет он получил подтверждение от известного французского составителя антологий и специалиста по невозможным преступлениям Ролана Лакурба, что французский перевод “Вызвать дьявола” вышел в серии “Le Masque” в 1953 году, и в итоге смог получить в свою коллекцию его экземпляр.

Ещё в начале 1970-х Дерек сообщил мне, что написал ещё два романа о невозможных преступлениях - второе дело его сыщика Олджи Лоуренса и приключение Секстона Блейка. Но их отвергли как Гиффорд, так и “Amalgamated Press”, причём Дерек остался разочарован провалом Блейка гораздо больше, чем Лоуренса, поскольку, будучи многолетним читателем и почитателем подви-

гов этого сыщика с Бейкер-стрит, он чувствовал, что точно знал, как написать книгу для этой серии. По причинам, которые он так и не смог понять, “Amalgamated Press” ему отказало.

Роман о Секстоне Блейке до сих пор не опубликован, но в 1997 году японский друг Дерека, Хидэтоши Мори, вместе со своим партнёром С. Кобаяси опубликовали в английском оригинале и очень ограниченным тиражом второе расследование Олджи Лоуренса “Приходите на Паддингтонскую ярмарку”. Но теперь, когда встаёт вопрос о том, как найти экземпляр столь редкого издания в бумажной обложке, на ум приходит фраза “кабы у курицы были зубы”. Сама эта книга длиннее и усложнённое в плане сюжета, чем “Вызвать дьявола”, но Лоуренс в отличной форме, а невозможная головоломка хороша, как и её действительно умное решение.

Увы, Дерек больше нет с нами, но я не сомневаюсь, что будь он здесь, он бы пускал слюни от сериалов “Джонатан Крик” и “Монк”, пожирал переведённые, наконец, романы Поля Альтера и гонялся за другими невозможными историями с прежним энтузиазмом. Он был бы рад видеть появление новых авторов, таких, как Кристофер Фаулер с его лондонским Отделом аномальных преступлений, Шиван Дауд, связавшей свою тайну с колесом обозрения “Лондонский глаз”, и только что появившийся ирландец Эдриан Маккинти с первоклассной книгой “Утром я уеду”. Ему бы понравился учтивый Энтони Хопкинс в “Переломе”. И он был бы не менее горд видеть, как все три его книги, наконец, появляются вместе в одном великолепном сборнике.

Роберт Эйди

– Телефоны, – сонно пробормотал про себя Олджи, – порождение дьявола. – Он протянул руку из-под одеяла к черному эмалированному аппарату, остановил непрерывный трезвон и вместо приветствия зевнул в микрофон.

– Мистер Лоуренс? – оживленно поинтересовался металлический голос.

– Ммммм, – Олджи поудобнее устроился на подушках.

– С вами хочет поговорить старший инспектор Касл.

– Стив! – Олджи резко подскочил, полностью изгнав сон из голубых глаз в предвкушении разговора со старым другом из Скотланд-Ярда. – Алло... Стив?

– Привет, Олджи. – В трубке раздался приятный баритон пожилого человека: дружелюбный, но все же с неким оттенком напряженности. – Вы где?

Лоуренс убрал со лба взъерошенные светлые волосы и усмехнулся.

– В кровати, конечно. Где же еще посреди ночи?

Касл засмеялся:

– Так я и думал, ленивый щенок. Что ж, уже девять утра. Время бодрствовать.

– Не утомляйте меня, Стив. – Олджи в голос зевнул. – Так или иначе, – добавил он, спохватившись, – что вы делаете в Лондоне? Я думал, вы в отпуске за городом.

– Я и был: в Кверрин-Хаусе. – Снова возникла та же легкая напряженность. – Но вы же знаете Ярд, Олджи. Меня внезапно вызвали. И у меня есть для вас работа.

– Так я и знал! – простонал Лоуренс, но это было скорее для вида. В голосе моментально появился интерес. – Кто убит?

– Никто... Пока.

– О! – Он замялся. – Слушайте, Стив. Не думаю, что от меня много толку как от телохранителя.

– Нет, но... – Казалось, инспектор с трудом подбирает слова. – Роджер Кверрин – мой друг. Мне не хотелось бы видеть, как его... то есть, все настолько неопределенно...

– Это конечно, – вежливо согласился Олджи. – Слушайте, Стив, вы, может быть, и знаете, о чем говорите, но я нет. Чего вы от меня хотите?

– О! – Касл вздохнул с явным облегчением. – Ладно! Здесь у меня брат Кверрина. Поговорите с ним?

– Если хотите. Дайте ему трубку.

– Нет, – решительно отрезал инспектор. – Я пошлю его к вам.

Олджи вздохнул:

– Хорошо. Но не забывайте вы, старый погонщик мулов, что я – всего лишь неофициальный детектив, и если я не захочу заняться этим чертовым делом...

– ...то не займетесь. Знаю. – Ироничная нотка в голосе Касла позволила предположить, что он и раньше слышал нечто подобное. – Все, чего я прошу, это выслушать молодого Кверрина. – Затем более серьезным тоном: – Он переживает, Олджи. И я тоже.

Трубка щелкнула и замолчала. Лоуренс вернул ее на рычаг, глубокомысленно уставился на нее, а затем откинул одеяло и опустил длинные ноги на пол.

Это был высокий, худощавый, атлетически сложенный молодой человек лет двадцати пяти, светловолосый, с приятным лицом и хорошей осанкой. Он неизменно пребывал в прекрасном настроении и, несмотря на добродушное и простецкое выражение лица, в ленивых голубых глазах его светился живой ум. Но сейчас Лоуренс выглядел просто сонным.

Он сунул ноги в поношенные удобные шлепанцы и накинул на лазурную пижаму старый серый халат. Напра-

вился в ванную, открутил краны, готовя утреннюю ванну, и принялся машинально бриться перед большим зеркалом. Усевшись в ванну и рассеянно намыливаясь, он принялся обдумывать просьбу инспектора.

Означала ли она новое дело?

Лоуренс пожал голыми плечами. Не впервые он принимал участие в таких расследованиях. Скотланд-Ярд высоко ценил способности молодого человека как детектива. «Неофициально, конечно», – как сказал бы Касл, прищуриваясь и потирая подбородок, но высокая оценка оставалась реальностью.

Короткий период работы в разведке на просторах послевоенной Европы обострил аппетит Лоуренса к расследованиям. После увольнения из армии он, как и очень многие другие предприимчивые и молодые идеалисты, стал безнадежным нонконформистом в потрепанном мире. И принялся бесцельно дрейфовать по жизни.

К счастью, его родители, помимо хорошего здоровья, острого ума и романтического характера, наградили его приличным личным доходом.

И у него имелся хороший друг в лице старшего инспектора Стивена Касла. Великодушный проникательный мужчина, угадав глубокое разочарование молодого человека, направил таланты и интересы Олджи в подходящее русло. Лоуренс быстро доказал свою ценность.

Он был любителем, но кроме того – специалистом. Он никогда не смог бы заниматься рутинной с тем молчаливым совершенством, которое является признаком профессионала, но мог заняться запутанным и фантастическим делом с хваткой настоящего эксперта.

Итак, в течение двух лет он успешно дрейфовал в море преступлений, а если у него и была более глубокая цель, чем оправдать свое существование, помогая полиции...

Как сказал инспектор:

– Результаты его работы весьма удовлетворительны.

Лоуренс оделся и позавтракал прежде, чем резкий звонок объявил о прибытии возможного клиента. Он слегка усмехнулся собственному отражению в зеркале прихожей и серьезно сказал себе:

«Сосет под ложечкой? Покалывает в висках? Я называю это детективной лихорадкой».

И продолжая цитировать сержанта Каффа, он устремился вниз по лестнице к одному из самых странных приключений в своей жизни.

Питер Кверрин медленно шел вдоль тихой улицы в Кенсингтоне, и от угла его рта протянулась резкая морщина, свидетельствующая о сильном волнении. Внезапно он остановился, нашарил в кармане сигарету и зажег ее чуть дрожащими пальцами. Глубоко вдыхая в легкие успокоительный дым, он вновь мрачно зашагал.

На нем сильно сказывалась напряженность последних нескольких недель. Пребывание в Кверрин-Хаусе Касла давало некое чувство защищенности, хотя он прекрасно понимал, что у него не будет никакого настоящего отдыха, пока со всем этим делом не будет покончено раз и навсегда. Но теперь Касл так неожиданно уехал... Он бросил размышлять.

В это холодное серое утро, когда он медленно шел по тротуару, а ветер устилал листьями грязь, ему вдруг пришло в голову, что теперь его последней надеждой остается неизвестный человек по имени Лоуренс.

Это объявил Касл всего лишь час назад. «Питер, я хочу помочь. Но сейчас не могу. Это не полицейский вопрос, – он замялся, – пока... – Это крошечное словечко неприятно повисло в тихой комнате на набережной. – Но Лоуренс – хороший человек и мой друг. Если вам удастся убедить его поехать...»

«Я должен», – решительно ответил Кверрин. Но теперь, когда он стоял у двери квартиры молодого человека, то больше не был уверен ни в чем. За исключением того, что от ответа Лоуренса зависит жизнь его брата.

Он отбросил наполовину выкуренную сигарету и нажал пальцем на звонок. После звука шагов на лестнице дверь приоткрыл приятный молодой человек с ленивой улыбкой.

– Мистер Лоуренс? Меня зовут Питер Кверрин.

– Входите. Стив... м-м, инспектор Касл... предупредил, что вы придете.

Они направились вверх по лестнице. Олджи проследовал впереди в комнату, переполненную книгами:

– Что-нибудь выпить?

– Да, пожалуйста.

Под прикрытием гостеприимных манипуляций с графином Лоуренс внимательно изучал посетителя. Он увидел хорошо сложенного молодого человека среднего роста, возможно старше себя, но это старшинство никак не проявлялось. Его лицо оказалось приятным, не будучи солидным, взволнованным, но каким-то слабым.

Он взял бокал из рук Олджи и быстро выпил. Алкоголь, попав в горло, заставил гостя закашляться, но благодаря разлившемуся теплу он почувствовал себя лучше.

Лоуренс приподнял бровь.

– Еще?

– Н-нет, спасибо. – Кверрин очень осторожно поставил бокал на подлокотник кресла. Олджи сел напротив, достал серебряный портсигар и гостеприимно раскрыл его. Питер нетерпеливо, хотя и не грубо, отверг предложение и резко сказал:

– Мне н-нужна ваша помощь. – Его голос дрогнул от волнения. Опасение, что он может провалить свою мис-

сию, заставило его немного запинаться. – Инспектор сказал в-вам почему?

– Нет, он говорил довольно неопределенно. Вероятно, боялся, что все им сказанное может быть записано и использовано в качестве доказательств. Начните с самого начала.

– Касл гостил у нас в Кверрин-Хаусе, – нерешительно начал Питер. – Он – друг Роджера.

– Вашего...

– Моего старшего брата. – Кверрин нервно глотнул и выпалил:

– Мистер Лоуренс, вы верите в призраков?

Удивленная усмешка Олджи подчеркнула грубую ошибку. Питер громко стукнул пустым бокалом и устало закрыл глаза:

– Я ужасно неловок. – Он вновь уронил руку и грустно улыбнулся. – Полагаю, я слишком хотел произвести правильное впечатление.

Лоуренс успокоил его:

– Давайте, вы прекратите переживать по поводу впечатления и просто дадите мне факты.

Кверрин кивнул.

– Да. Хорошо! – Он с усилием взял себя в руки. – Боюсь, мне придется рассказать вам кое-что из нашей семейной истории.

– Давайте.

Питер приступил к нестройному рассказу:

– В течение многих лет Кверрины жили в небольшой деревне под названием Бристли недалеко от Лондона. Мы всегда поддерживали Кверрин-Хаус на высоком уровне, но были большую часть времени слишком бедны, чтобы жить в нем, если говорить начистоту. Так или иначе, Роджер недавно вновь открыл его. Брат – довольно удачливый бизнесмен, и у него есть деньги. Можно сказать, мой

брат более или менее восстановил семейное состояние. В прошлом у нас случались непростые времена... но это не имеет отношения к моему рассказу.

Теперь слова лились из гостя значительно живее. Лоуренс молча наблюдал за ним из кресла.

– Как у очень многих старых семей, у нас имеется своя собственная легенда, традиция или тайна – называйте как хотите. Наша – достаточно умеренная, как я считаю, но деревенские сплетни привнесли в нее некое искусственное очарование и таинственность. – Он сделал паузу и с некоторым беспокойством осознал, что именно в таких словах этот рассказ прозвучал несколько недель назад в начале всего этого ужаса. Он тяжело вздохнул и отогнал видение.

Говорят, что Кверрины передавали эту тайну от отца к сыну в течение нескольких поколений. И это действительно была тайна. Никто никогда не знал ее кроме главы семьи и его наследника.

Внезапно Лоуренс сделал движение, словно собирался заговорить, но передумал и вновь расслабился.

Питер медленно продолжал:

– В течение многих лет существовало нечто вроде ритуала. За месяц до того, как наследник Кверрина должен был жениться, его отец передавал ему эту тайну. Всегда один на один, – замялся он, – всегда в полночь и всегда в одной и той же комнате. Мы называем ее Комнатой в проходе.

Ладно! Так продолжалось в течение многих лет. Ничего особенного не происходило, разве что мы обычно считали все это довольно мрачной нездоровой традицией, пока в середине девятнадцатого века история не приняла более неприятного оборота.

В то время главой семьи был старый поборник дисциплины с суровым характером по имени Томас Кверрин. У

него имелся сын Мартин, который был в равной степени диким и беспринципным. Он был более чем достоин старика по всем статьям, хотя они оставались довольно в хороших отношениях, пока молодой человек не решил жениться.

Глаза Питера чуть закатились. Он, казалось, мысленно блуждал где-то далеко, лишь наполовину осознавая, что рядом его терпеливо слушает другой молодой человек.

– Они прошли обычную церемонию, но на сей раз что-то пошло не так, как надо. Трагично не так!

Слуг разбудил шум сильной ссоры в той старой Комнате в проходе. Хорошо зная старого Томаса, они не решились вмешаться, пока...

Кверрин замолчал и пожал плечами.

– Ну, они слышали довольно дикий крик, а затем наступила тишина. Когда они наконец набрались смелости войти в комнату, то обнаружили молодого Мартина на полу с кинжалом между лопатками, а его отца растянувшимся в углу – с ним случился удар.

Повисло недолгое молчание. Лоуренс нарушил его:

– Что же там произошло?

Кверрин вздрогнул. Именно этот вопрос уже задавал ему тот, другой.

Он тихо сказал:

– Никто так никогда и не узнал причины ссоры. Старик умер не приходя в себя, и тайна умерла с ним.

Род продолжился через младшего сына, но та старая тайна исчезла навсегда. Кверрины стали просто обычными людьми.

За исключением одной вещи. Вокруг той Комнаты стали расти довольно гадкие, но ожидаемые сплетни. Деревенские болтают, что дух старика задержался там навсегда, ожидая, когда на традиционную встречу придут сле-

дующие Кверрины. Если они примут тайну смело и с почтением, все будет прекрасно. Если нет...

Он остановился.

– Да?

– Они умрут, как Мартин.

И Питер Кверрин, закончив рассказ, вновь увидел себя рядом с братом и девушкой и вновь услышал это предсказание смерти.

– Как ужасно! – с дрожью сказала Одри Крэйг.

Роджер Кверрин рассмеялся.

– Ты хорошо рассказываешь, Питер. Словно сам веришь в эту историю.

Питер удивился:

– А ты разве нет?

Взгляд брата, освещенный нежной улыбкой, вновь остановился на девушке. Он ответил уклончиво:

– У меня слабость к этим старым традициям.

Одри наклонилась и нежно сжала его руку, а затем обратилась к Питеру:

– Но все это, конечно же, сплетни старых бабушек. Я имею в виду, здесь ведь не было никаких необъяснимых смертей?

Пристальный взгляд молодого человека тревожно обещал комнату. Неясное ощущение зла, пока еще неопределенное, казалось начало превращаться в предчувствие:

– Насколько я знаю, нет. Хотя в Бристли считают иначе.

Роджер встал:

– В любом случае это хорошая история. Было бы интересно... ее проверить! – глубокомысленно добавил он.

Серо-зеленые глаза Одри округлились, и Роджер вновь улыбнулся ей. Он выглядел в точности как брат, но более крепкого сложения, кроме того, он излучал силу и уве-

ренность, которых явно не хватало младшему. И он был влюблен.

– Итак, дорогая, имеется проклятие Кверринов. Ты все еще хочешь выйти за меня?

– Больше чем когда-либо, – ответила она с восхитительной улыбкой. – Кроме того, на самом деле это не проклятье. И я не верю ни одному слову.

– Что ж, – Роджер положил руку на каминную полку. – Вот история. А вот комната. Возможно даже, – и он посмотрел вверх, – что это именно тот кинжал.

Питер, казалось, рассердился:

– Остановись, Роджер! – Он закончил почти извиняясь: – Ты пугаешь Одри.

Она засмеялась:

– Нет, не пугает. То есть, не совсем. – Она посмотрела туда, где над каминной полкой висел кинжал: – Хотя он выглядит достаточно угрожающим.

Роджер протянул руку и достал кинжал из ножен. Пальцем попробовал лезвие:

– И он достаточно острый.

Питер негромко попросил:

– Убери эту проклятую вещь!

Роджер уставился на него:

– В чем дело?

– Н-не знаю. Но этим вечером меня бьет дрожь. Убери его, старина.

Старший брат щелчком вставил кинжал в ножны.

– Спасибо, – пробормотал Питер.

Одри улыбнулась:

– Вы рассказали эту историю слишком хорошо. Сами испугались!

Молодой человек чуть улыбнулся в ответ:

– Возможно. Так или иначе, меня не интересует эта комната. Сегодня я здесь впервые с тех пор, как дом вновь открыли.

Роджер с нежностью посмотрел на него:

– У тебя слишком богатое воображение. – И добавил с ложным упреком: – И ты не очень-то лоялен. Ты должен гордиться нашим семейным призраком!

– Не понимаю, почему! – возразила Одри: – Вы не могли считать его уж очень симпатичным скелетом в шкафу Кверринов.

– Осторожно, дорогая. Хочешь, чтобы старик невзлюбил тебя? – Роджер стоял спиной к огню: традиционная поза, которая ему нравилась.

– Интересно, – легкомысленно прощептала Одри. – Как думаешь, он одобрил бы меня?

Роджер закрыл глаза и медленно произнес:

– Я положительно настроен спросить его об этом прямо.

Потребовалось несколько секунд, чтобы смысл этого небрежно-ужасного замечания достиг сознания девушки. Она побледнела и зашептала:

– О, нет, дорогой, я не имела в виду...

Но еще более резко отреагировал Питер, поскольку именно в этот момент неопределенное чувство зла словно прояснилось и это ощущение с внезапной силой навалилось на него.

Он яростно воскликнул:

– Будь все проклято! Ты с ума сошел?

Это было ошибкой, и он тут же это понял. Брат отличался сильным упрямством, и возражения часто лишь утверждали его в принятом решении.

Роджер ответил с опасной вежливостью:

– Я так не думаю.

Одри придвинулась ближе и положила руку ему на плечо. Он улыбнулся ей, наклонил голову и поцеловал ее пальцы.

Она, запинаясь, спросила:

– Но ты же не имел в виду того, что сказал? Seriously?

Его брови взлетели:

– Дорогая. Скоро мы будем женаты. Я должен прийти на свою встречу со старым Томасом, если он собирается сюда явиться. – Он засмеялся. – В чем я сомневаюсь!

В ее голосе слышались слезы:

– Но почему, почему ты должен это делать?

– Эти старые байки – своего рода вызов. Я чувствую, что должен принять его... – Он вновь рассмеялся, а сзади него, заливая алым светом, жарко пылал огонь.

– Кроме того, это может быть забавно: вызвать дьявола!

– Забавно, – согласился Олджи Лоуренс, – но опасно.

Кверрин вздрогнул. Он так живо вновь переживал эту сцену в памяти, что тихий комментарий странным образом потряс его. Он, конечно, говорил громко и описал эпизод очень точно. Теперь же он почувствовал себя настолько выжатым эмоционально, что не мог ясно выразить того, что последовало затем, и сознание полной неудачи вновь охватило его. Но он продолжал бороться ради помощи, которую просто обязан получить.

– Мы... мы попытались отговорить его. Но Роджер – упрямый человек. Он считает, что согласиться – значит проявить трусость или слабость... Он лишь смеется над нами – говорит, что не понимает наших волнений, поскольку нет никакой реальной опасности...

– Так, – тихо сказал Лоуренс. – А она есть?

Питер уставился на вежливое непроницаемое лицо и печально ответил:

– Не знаю. Просто у меня такое тяжелое чувство: страх и злость... – Даже себе самому слова казались неправильными и неубедительными. Он попытался скомпенсировать это, стараясь говорить громче, но с отвращением понял, что дошел до грани театральщины.

Лоуренс не мог не заметить борьбы, идущей в голове потенциального клиента, но, не будучи психологом, не пытался ее понять. Как и любого на его месте, его это немного раздражало: ему не нравилась, когда в расследуемых делах тайна возникает повсюду.

Кверрин продолжал:

– Инспектор Касл – друг моего брата, и, к счастью, пару недель назад он приехал к нам. У меня с ним сразу состоялся разговор, и он обещал помочь. После этого я чувствовал себя... спокойнее. – Он с облегчением понял, что голос звучит нормально. – Но теперь он вынужден уехать и... и...

– И вам нужен новый ангел-хранитель, так? – спросил Лоуренс.

– Более или менее, – согласился Питер.

Олджи кивнул весьма сочувственно, но было совершенно очевидно, что он уже принял решение.

– Послушайте, Питер, то, что вы мне рассказали, настоящая проблема, но, если честно, я не понимаю, как смогу помочь. – Он встал, подошел к окну и стал смотреть вниз на тихую улицу. – Понимаете, я всего лишь любитель. И говорю вам откровенно: я бесполезен как телохранитель.

Он повернулся и уперся плечом в раму. Затем медленно произнес:

– Если один человек собирается убить другого – то есть, настроен решительно, – все шансы за то, что ему это удастся. И никакие мои действия его не остановят. – Внезапно он улыбнулся, чтобы как-то смягчить сказанное: – Это звучит жестоко, но это правда. Вы хотите, чтобы я присматривал за вашим братом. Питер, это работа не для любителя. Я могу рекомендовать дюжину хороших частных детективных агентств, которые могли бы взяться за эту работу. Но, – он беспомощно пожал плечами, – вы не можете попросить их поймать призрака!

– Именно поэтому, – отчаянно воскликнул Кверрин, – я прошу вас!

Лоуренс покачал головой и мягко сказал:

– Сожалею. Вам придется найти кого-то еще.

– Нет времени искать. Роджер... все назначено на сегодняшней вечер, – хрипло сказал Кверрин.

Повисло молчание. Затем Лоуренс повторил:

– Сожалею.

Это был окончательный отказ, и Кверрин принял его почти равнодушно. После окончательного краха надежд он обрел странное спокойствие.

Он лишь сказал:

– В полдень мой поезд отправляется с вокзала «Виктория». Если передумаете, – его голос дрогнул, – мы можем встретиться там.

Лоуренс хотел было возразить, но затем наклонил голову в знак согласия.

Двадцать минут спустя после ухода Кверрина Лоуренс все еще сутулился в мягком кресле, пристально глядя на то место, где сидел посетитель.

Он громко произнес: «Но как могло бы...» И: «Почему Стиву взбрело...» И наконец вырвалось: «О, проклятье!»

Он схватил плащ и шляпу и торопливо сбежал вниз по лестнице.

К тому времени, как Олджи Лоуренс прошел через открытые ворота мимо высоких каменных столбов на входе в Нью-Скотланд-Ярд, он вновь полностью обрел равновесие.

Когда он вошел в здание, дежурный полицейский приветливо улыбнулся ему. Высокий молодой человек в сером плаще и помятой зеленой шляпе нравился сотрудникам C.I.D.¹

1 C.I.D (Си-Ай-Ди) – Управление уголовных расследований.

Олджи задал вопрос.

Ответ пришел тут же:

– Да, мистер Лоуренс. Старший инспектор здесь, но я не уверен, свободен ли он. Если подождете, я позвоню и спрошу.

Олджи благодарно кивнул и раскачивался с носков на пятки, пока констебль тихо говорил по телефону.

– Он примет вас, сэр. Вы знаете дорогу?

Лоуренс вновь кивнул. Когда он шел по бесконечным голым коридорам и бесконечным лестницам, то благодарил судьбу за то, что его дружба с Каслом освободила его от тирании заполнения бланка, что приходилось делать обычным смертным, просящим о подобной встрече.

Выбив пальцами веселую мелодию на стандартной, но знакомой двери, он открыл ее после резкого, но дружелюбного ответа изнутри.

– Привет, Стив.

– Привет, Олджи. – Касл повернулся на вращающемся кресле – любовно приобретенном и самим по себе красноречиво свидетельствующем о высоком ранге хозяина кабинета – и кивнул молодому человеку в сторону стула.

Инспектор был крупным мужчиной, вежливым, но с пронизывающим взглядом. У него всегда был добродушный вид, который вводил в заблуждение, пока вы не узнавали инспектора получше, и, хотя у инспектора часто случались приступы раздражения, в целом его терпение было поистине неистощимым.

Он был прекрасным семьянином, но одновременно безжалостным охотником на людей.

Сейчас казалось, что он несколько смущен. Олджи вспомнил смутное впечатление, которое создалось у него ранее этим утром.

Касл без всякой преамбулы выпалил:

– Значит, вы отшили молодого Кверрина.

– Правильно. – Лоуренс бросил шляпу на вешалку в углу. Она пристроилась на выдавший виды старый плащ, который был почти визитной карточкой инспектора.

Олджи обосновался на стуле и укоризненно посмотрел на старого друга.

– Я отказал ему, – повторил он. – Вы ожидали от меня чего-то другого?

Инспектор ответил на этот вопрос другим вопросом:

– В чем дело? Разве вы не верите в призраков?

– Я живу, – осторожно ответил Лоуренс, – держа ум открытым и холодным. Призраки возможно есть, а возможно и нет. Но не в этом дело, и вы это прекрасно знаете. Я – детектив, а не специалист по психическим исследованиям.

– О! – Касл начал набивать табак в чашу уродливой трубки. Затем спокойно произнес: – Я прошу вас как о личном одолжении поехать сегодня в Бристли.

Лоуренс сонно посмотрел на него:

– Я поеду.

Инспектор склонил голову в безмолвной благодарности.

– А теперь скажите мне почему.

Касл угрюмо сдвинул тяжелые брови:

– Дьявол его заберит! Я действительно не знаю.

– О, прекрасно, – сардонически улыбнулся Лоуренс. – Скажите, Стив, вас беспокоит сверхъестественное или расстройство желудка?

Стив утробно усмехнулся:

– Не старайтесь так казаться неприятным, Олджи, вы переигрываете. – Он положил в пепельницу обугленную спичку, и с наслаждением затянулся трубкой. Затем спокойно продолжил: – Мы здесь имеем дело с фактами, а не с фантазиями. И если бы комиссар слышал нас сейчас, меня, вероятно, немедленно уволили бы. Но я говорю вам без каких-либо фактов, – и его голос громко зазвучал в тихой комнате, – в Кверрин-Хаусе чувствуется запах смерти!

Олджи лениво усмехнулся:

– Давайте не будем играть в призраков, Стив. Если вы почувствовали запах смерти и зла, вы подумали о *человеческом* разуме.

Касл медленно кивнул. Лоуренс продолжал:

– Если и есть одна бесспорная вещь в этом деле, то это тот факт, что Питер Кверрин до смерти боится. Можно волноваться, но он почти потерял голову.

– Это его брат, – ответил Касл.

Вежливая неопределенность в глазах его молодого друга сменилась абсолютной пустотой. Голова Олджи усиленно работала. Он пробормотал:

– Давайте все проанализируем. Кверрин считает, что его брат в опасности. Почему? Он что, действительно верит в этого призрака, о котором рассказал?

Вопрос не был совсем уж риторическим. Касл задумчиво ответил:

– Я не очень хорошо знаю этого паренька. Мне трудно в точности понять его чувства. Не уверен даже, что сам он их понимает. Я сказал бы, – он задумчиво почесал подбородок, – сказал бы, что он одержим чувством всепроникающего зла.

– Это не слишком нам помогает. Если вы так сильно реагировали на него, – сказал он, подавляя зевок, – это потому, что он реагировал на кого-то еще.

Касл тихо повторил:

– Кого-то?

– Конечно. – Уголок рта Лоуренса дернулся вверх, обнажая верхние зубы. – Давайте оставим в мире бедного мертвого старого Томаса Кверрина. Не создает ли... гм... намерение Роджера прекрасный случай для убийцы из плоти и крови, чтобы нанести удар и исчезнуть...

Он сделал паузу, а затем весело закончил:

– ...со вспышкой огня и запахом горячей серы.

Он неопределенно взмахнул рукой, и в комнате вновь повисла тишина. Старший инспектор мягко улыбнулся.

– Конечно, – сказал он. – Я это понял с самого начала.

Двое мужчин посмотрели друг на друга с мягким укором.

– Вы не могли, – попенял Лоуренс, – сказать мне об этом сразу? Вместо того, чтобы напускать на меня Питера со своими сенсациями о семейных проклятиях и призраках-убийцах?

Касл протестующе поднял руку:

– Не хотел вводить вас в заблуждение, юный Олджи. Если я начинаю думать об убийстве, это потому, что я – прокисший старый полицейский и поэтому, естественно, подозрительный. У меня нет ничего, чтобы приступить к расследованию. Иначе я тут же поставил бы на уши местную полицию. Хотя в некотором смысле, – добавил он несколько застенчиво, – я уже сделал это.

– Дьявольщина, – буркнул Олджи (и подумал, что его сатанинское величество упоминается в этом деле слишком часто): – Я надеюсь, главный констебль – человек широких взглядов?

– Бог ты мой, – всплеснул руками Стив, изображая испуг. – Я сделал это совершенно неофициально. Хорошим бы дураком я выглядел! У меня и без того хватает проблем, а Хардиндж в последнее время стал так странно поглядывать на меня.

– Хардиндж?

– Местный полицейский сержант. Мне пришлось ему довериться.

– Давайте вы просто расскажете мне все, что уже сделали. А то я все еще тыкаюсь в тумане.

– Хорошо. – Касл энергично запыхтел трубкой, и вокруг его сидящей шевелюры закружился синий дым. – Хорошо! Когда я приехал в Бридли (а я поехал туда ради тишины и покоя, пожалей меня Господь), то что я обнаруживаю? В

доме царит вполне приличная, но отчаянная суматоха, и все потому, что мой набитый предрассудками друг Роджер Кверрин настаивает на том, чтобы провести ночь в комнате с привидениями.

– Чтоб меня! – вырвалось у Лоуренса. – Вы подразумеваете, что вместо коврика под дверью со словами «Добро пожаловать» вас встретил молодой Питер со всеми своими проблемами?

Его легкомыслие казалось теперь напускным.

– Не только Питер. Мисс Крэйг, невеста Роджера, тоже волнуется. Хорошая девушка и чертовски привлекательная. – Он искоса глянул на Олджи. – Вам она понравится.

Лоуренс почувствовал, что его пульс участился, и рассердился.

– Если она столь волнуется, – сказал он с оттенком раздражения, – почему не убедит Роджера отменить все это? Она же должна иметь на него больше влияния.

– Все не так просто, – хмуро ответил Касл. – Кверрин – мой друг и хороший парень, но чертовски упрям. Железная воля или ослиное упрямство, – что почти одно и то же. Черт возьми, я сам просил его бросить это дело, а он смеется над моими страхами.

– Не думаю, что мне нравится ваш Роджер, – сухо заметил Лоуренс. – Возможно, он считает себя единственным нормальным человеком среди малодушных дураков.

Касл покачал головой:

– Это не совсем справедливо, Олджи. Он считает, что Питер поднимает шум на пустом месте (и, возможно, он прав) и нет никакой опасности, поэтому отступать сейчас – признак слабости. – Стив крутанулся на своем кресле, которое протестующе скрипнуло. – Это всё характер, могу вас заверить. Роджер достаточно сильно чтит традиции, чтобы гордиться семейной легендой, у него слиш-

ком слабое воображение, чтобы бояться сверхъестественного, и достаточно бравады, чтобы бросить ему вызов.

– Я, слава Богу, трус, – бодро заявил Лоуренс. – Продолжайте.

– Хорошо. Питер рассказал мне всю историю и попросил помочь. Уж не знаю, на что именно он рассчитывал. Теперь, реагировал ли он подсознательно на скрытую угрозу в самой атмосфере *или* в некоем человеке, было очевидно, что он видел опасность или смерть, приближающуюся к брату, как нечто физическое... Чёрт возьми, он убедил *меня*! Так или иначе, скорее чтобы вернуть душевное спокойствие Питеру, чем по какой-либо иной причине, я согласился.

– И что же вы сделали?

– Что ж, – инспектор выглядел смущенным, – не так уж много я мог сделать, если речь идет о призраке. Но, по крайней мере, я мог позаботиться, чтобы не было никакой нечестной игры.

– Полагаю, – пробормотал Олджи, – вы запланировали охрану Роджера на роковую ночь?

– Каковая, между прочим, выпадает на сегодня. Да. Мы с Питером разработали план. Итак, – Касл глубокомысленно забарабанил пальцами по столу, – с нами в доме была девушка и ее дядя, который пригласил себя сам по случаю обручения племянницы. Очевидно, я не мог использовать их. Эта работа не для женщины, а что касается Рассела Крэйга, – Стив сделал рукой неопределенный жест, – я не доверил бы ему охранять выбоину на дороге. Однако мне нужен был помощник, причем обладающий силой и хладнокровием. Поскольку Питер слишком нервный, чтобы на него положиться, я решил, что нужен кто-то со стороны.

– И именно здесь, – догадался Лоуренс, – вы обратились к местному полицейскому.

– Да. К счастью, – продолжал старший инспектор, – местный сержант – приличный парень. Полагаю, Питер также уже думал о нем; хотя ему никогда не хватило бы духу рассказать все. Мне самому с трудом удалось это сделать. Однако Хардиндж не сказал мне, что я выжил из ума, хотя, вероятно, так подумал. Вот что мы решили сделать...

Касл сообщил подробности. Лоуренс иногда кивал. А злосчастная трубка догорела и незаметно погасла.

Наконец, инспектор откинулся в кресле и вздохнул.

– Вот так. – Он хлопнул ладонью по столу. – Теперь ваша очередь.

– Хорошо, Стив. – Лоуренс встал, прошел к вешалке, снял шляпу и надел ее на затылок. – Теперь в дело вступаю я.

– Спасибо, Олджи. – Инспектор замялся. Наконец, когда молодой человек уже собрался выйти, Касл задал вопрос, который собирался задать в течение двух лет:

– Но что все это дает *вам*?

Лоуренс замер, положив ладонь на ручку двери. Он обернулся через плечо, и лицо его было лишено всякого выражения. Он вежливо сказал:

– Возможно, мне просто нравится играть в детектива.

Касл покачал головой:

– Это не причина. По крайней мере, не вся. Вы не похожи на молодого шалопая Викерса. – и инспектор нежно улыбнулся, когда подумал о другом своем друге, имеющем тягу к расследованиям. – Для него все это игра. Но ваш случай – совсем другое. Если бы я не боялся показаться высокопарным, – он замялся, – я сказал бы, что вы считаете это вашим долгом перед обществом.

– Ваша проблема в том, – ответил Лоуренс, – что вы ханжа. – Затем он растянул губы в легкой и приятной улыбке. – А я неизлечимый романтик. Счастливо, Стив!

Дверь за ним захлопнулась.

Питер Кверрин с напряженным лицом глядел вдоль платформы. Высоко наверху стрелки на циферблате подчеркивали тщетность его исчезающих надежд. До отхода оставалось лишь пять минут. Тем временем шум и напряженность заполняли вокзал до самых сводов крыш – вокзал казался столь же нетерпеливым, как он.

Новый шум перекрыл этот фон: громкие хлопки дверей, закрываемых в вагонах вдоль всего состава. Питер беспомощно пожал плечами. Лоуренс не приехал. Все закончилось прежде, чем начаться. И Роджер... Питер поднялся назад в свое купе.

Невидящими глазами он смотрел в окно, едва замечая, что поезд уже отошел от станции.

Дверь купе отъехала в сторону, и кто-то вошел из коридора. Питер не повернул головы. Он не в том настроении, когда рад компании. Но голос тихо сказал:

– Я чуть не разминусь с вами.

Голова Кверрина медленно повернулась, фактически настолько медленно, что Лоуренс на мгновение подумал, что Питер не узнал его голоса. Затем их глаза встретились, и он понял, что ошибся.

– Я рад, что вы пришли, – сказал Кверрин срывающимся голосом.

– Надеюсь, что так, – улыбнулся Олджи. Он бросил рядом с собой сумку на молнии, вытянул длинные ноги, вздохнул и развалился в углу.

Казалось, он решил, что дополнительные комментарии излишни, но смесь облегчения и благодарности вызвала у Питера эмоциональный подъем, который требовалось разрядить в разговоре. Он спросил:

– Что, передумали?

– Ммммм? О, Стив умеет убеждать!

Питер замялся:

– Я должен п-поблагодарить вас...

– Подождите, – сухо ответил Олджи, – пока я не сделаю что-нибудь полезное. До этого я никогда не встречал призраков.

Кверрин вспыхнул.

– Я знаю, это кажется смешным. Но я волнуюсь.

Лоуренс внимательно наблюдал за ним. Затем наклонился вперед и сочувственно похлопал по колену:

– Знаю. Поверьте, я не стал бы рисковать сломать себе шею, вскакивая на этот чертов поезд в последнюю минуту, если бы это было не так. Я сделаю все, что смогу, чтобы вам помочь.

Он вновь откинулся назад и положил руку на сумку рядом с собой. Кверрин посмотрел на него и вежливо спросил:

– Надеюсь, у вас было время, чтобы упаковать все, что нужно.

– Мне не нужно много больше, чем зубная щетка, – усмехнулся Олджи и тихо добавил: – И это.

Он расстегнул молнию на сумке и стал в ней шарить. Затем в руке его что-то тускло заблестело. Питер Кверрин испытал небольшой шок, увидев перед собой автоматический пистолет.

Лоуренс вытащил обойму и осмотрел ее. Затем со щелчком загнал ее назад в рукоятку и с довольным блеском в глазах обвел глазами купе.

– Не слишком эффективно против призрака, – заметил он. Ствол оружия описал плавную дугу. – Но у него свои достоинства.

Питер Кверрин издал тихий горловой звук.

Лоуренс спокойно продолжил:

– Давайте поговорим откровенно. Вы действительно сказали мне всё?

– Уберите эту штуку! – попросил Кверрин.

– Он вас беспокоит?

– Мне не нравится оружие, – решительно заявил Питер.

– Мне тоже. – Олджи опустил рычаг предохранителя и засунул пистолет в карман. – Но убийцы мне тоже не нравятся. Это главная причина, почему я ношу его с собой.

– Весь вопрос в том, – сказал Питер с ноткой юмора, – используете ли вы его?

Олджи улыбнулся:

– Не часто. Стиву не нравится, когда я стреляю в людей. Его веки опустились. – Я задал вам вопрос, Питер.

Кверрин странно и отчаянно взмахнул рукой:

– Я сказал вам всё, что знаю.

Лоуренс покачал головой:

– Нет. Не берите в голову семейного призрака. Я – детектив, не забывайте. Я хочу знать, есть ли у вашего брата какие-либо враги среди *людей*.

Что-то промелькнуло в глазах Кверрина, и его рот чуть дернулся. Но он лишь очень спокойно произнес: «О!»

Лоуренс вновь улыбнулся:

– Понимаете, что я имею в виду? В небольшой деревне трудно хранить тайны. У вас, полагаю, есть слуги? Они могли бы заговорить. – Улыбка Олджи погасла. Он мрачно закончил: – О намерениях вашего брата мог услышать любой. И в Бристли не удивились бы, услышав завтра, что Роджер пострадал. У старого Тома плохая репутация.

Он понизил голос:

– Сегодня вечером Роджер будет один. Он представляет привлекательную цель. Моя задача, чтобы никто не нанес ему удар.

Питер казался расстроенным:

– Инспектор тоже так думает?

– Конечно. Зачем же еще привлекать сержанта Хардинджа?

Кверрин медленно кивнул.

– Ладно, – сказал Лоуренс, – давайте искать мотив. Кто заинтересован в смерти вашего брата?

Впервые между ними прозвучало это слово и прозвучало очень неприятно. Неожиданно паровоз громко свистнул, и Питер поспешно заговорил:

– Тернер, – с трудом выдавил он, словно это имя причиняло ему боль. – Саймон Тернер. Он – единственный. Единственный человек, которого можно назвать врагом Роджера. – Он сделал паузу, затем добавил: – Насколько я знаю. – Он укоризненно посмотрел на Лоуренса: – Мне не хотелось вам это говорить. Всё это как-то несерьезно.

– Не имеет значения. Кто такой Саймон Тернер?

– Помните, я сказал вам, что Кверрин-Хаус был закрыт в течение многих лет. Ну, старый Саймон был смотрителем, который следил за домом для нас. Он – странный, тощий старик, упрямый как дьявол и больше, чем немного тронутый, если хотите знать мое мнение. Он прожил в доме почти всю свою жизнь и считает его практически своим.

Питер нервно пожал плечами:

– Думаю, вы можете догадаться, к чему это привело. Мы вновь открыли дом и столкнулись с его противодействием с самого начала. Роджер сделал полный ремонт и реставрацию, но Тернеру это не понравилось. Так или иначе, он стал настолько невыносим, что нам пришлось от него избавиться. Роджер, конечно, назначил ему приличную пенсию, но настоял, чтобы Саймон немедленно покинул Кверрин-Хаус.

– Могу догадаться об остальном, – пробормотал Олджи. – Старик пришел в ярость?

– Да. До этого, как я сказал, он казался не более, чем досадной помехой. Но теперь он направо и налево заявляет, что Роджер отнял его неотъемлемое право... или подобную ерунду. Полагаю, что его отец был старым слугой –

своего рода членом семьи. Не то, чтобы это имело какое-нибудь значение.

– Разве что для сумасшедшего, – ответил Лоуренс. – Он угрожал вашему брату?

– И да, – осторожно сказал Питер, – и нет.

– Хороший ответ. И что это означает?

Кверрин слабо улыбнулся.

– Извините. Это прозвучит так глупо. – Он замялся. – Саймон Тернер угрожал моему брату... призраком.

– В самом деле? – Лоуренс, казалось, засыпает. – Как именно?

– Он сказал, что Роджер может делать все, что хочет, но ему никогда не убежать от гнева старого Тома Кверрина.

– Это может ничего не означать, – спокойно заметил Олджи. – Тернер может верить тому, что говорит. Но желание может навести на определенные мысли.

Питер устало произнес:

– Все это звучит очень глупо в пересказе. Вы не видели холодную ненависть на лице старика.

Олджи Лоуренс молча смотрел на него. Затем засмеялся, наклонился и дружески похлопал Кверрина по руке.

– Не стоит унывать, Питер. Сегодня вечером мы представим к Роджеру такую охрану, что никакая человеческая рука его не достанет.

Их поезд прибыл в Бридли еще в первой половине дня. Лоуренс уже решил, каким будет его первый шаг. Ему нужен надежный союзник, и самым очевидным человеком для этого был местный сержант.

Питер ожидал этого. Он повел своего гостя в деревенское отделение полиции.

Оно соответствовало приятной традиции, напоминая переделанный сельский дом, каковым и являлось. Только решетки на окнах с матовыми стеклами портили его мирный привлекательный вид.

Двое мужчин остановились снаружи.

Питер нерешительно спросил:

– Вы хотели бы поговорить с Хардинджем с глазу на глаз?

– Да, думаю, так будет лучше, – согласился Лоуренс.

При этом ответе лицо Кверрина выразило явное облегчение. Хотя он в значительной степени способствовал решению Касла пригласить сержанта, он не горел желанием присутствовать еще на одном заседании тройки для обсуждения способов и средств. Как у Хардинджа, так и у Лоуренса нервы были намного более крепкими, чем у него, и ближайший разговор, который может оказаться непростым, лучше предоставить им одним.

Олджи считал так же, хотя и по другой причине. Он ненавидел почти невозможную задачу убедить прагматичного полицейского, что нужно защитить человека от призрака. «Тем не менее, – весело подумал он, – я всегда смогу свалить ответственность на Стива».

Питер предложил:

– Я возьму вашу сумку и отнесу в дом. – Он сделал паузу. – Или мне подождать здесь...

– Не беспокойтесь, я найду кого-нибудь, кто покажет мне дорогу, – с улыбкой перебил его Лоуренс. – До свидания.

Кверрин кивнул. Он пошел по улице с беспечным видом, помахивая сумкой.

Лоуренс повернулся спиной к деревенской почте на противоположной стороне дороги и направился в отделение полиции. Войдя в вестибюль, он открыл внутреннюю дверь с надписью «Расследования», и оказался в комнате для допросов.

Сидящий за столом мужчина в форме вежливо спросил:

– Да?

– Сержант Хардиндж?

– Правильно.

– Меня зовут Лоуренс, – несколько застенчиво начал Олджи. Большая уверенность в своих интеллектуальных способностях все еще не придавала ему традиционного нахальства детектива-любителя.

Хардиндж улыбнулся, встал и вышел из-за стола, чтобы обменяться рукопожатием.

– Ну конечно, сэр. Старший инспектор Касл звонил мне и предупредил о вашем приезде.

Успокоившись, что его друг подготовил почву, Олджи с вежливым интересом рассматривал своего нового союзника. Хардиндж был невысоким коренастым человеком приблизительно сорока лет. Седые, коротко подстриженные волосы, щеголеватые усы и прекрасная выправка придавали ему несколько военный вид. У него были острые голубые глаза (более бледные, чем у молодого человека) и голос с приятной хрипотцой: Лоуренс сразу испытал к нему большое уважение.

Они обменялись дружеским и энергичным рукопожатием. Хардиндж провел гостя в жилые помещения. Так как они примыкали к отделению, из квартиры ему нужно

было лишь открыть разделительную дверь, чтобы оказаться за рабочим столом или выйти на улицу.

– Удобно, – заметил Олджи, – и компактно.

Возможно почувствовав некий оттенок патронажа в комментарии лондонского гостя, сержант сухо заметил:

– Это не Ярд. Но камеры достаточно надежны. – Затем, смягчившись, предложил: – Хотите чашку чая, сэр?

– Не беспокоитесь, пожалуйста.

– Никаких проблем, сэр, – весело сказал Хардиндж. – Чайник кипит.

Непрерывный свист из крошечной кухни подтвердил его слова, и сержант исчез.

Когда чуть позже он вернулся, то увидел, что Олджи Лоуренс комфортно расположился на удобном стуле. Ставя поднос, Хардиндж спокойно сказал:

– Военный совет, сэр?

Лоуренс не стал запираяться:

– Да. Но признаюсь, что нахожусь в невыгодном положении. Вы знаете этих людей, сержант, а я нет. Начнем с Питера Кверрина. Что вы о нем думаете?

Хардиндж пожал плечами:

– Молодой мистер Кверрин? Симпатичный парень. Но впечатлительный и нервный. А когда молодые джентльмены становятся нервными, – объявил он с добродушным презрением, – у них начинаются галлюцинации.

Лоуренс коротко рассмеялся глубоким горловым смехом. Взяв предложенную чашку с чаем, он сказал:

– Значит, вы не верите в призрака Кверринов?

– Скептицизм, – вежливо ответил сержант, – это то, что ценится в полицейском.

Некоторое время они молча пили чай, крепкий почти до черноты. Затем Хардиндж резко сказал:

– Старший инспектор Касл сделал на сегодняшний вечер определенные приготовления, сэр. Вас они удовлетворяют?

– Думаю, да. Стив – хороший организатор. Но я еще не изучил место.

– Конфигурация достаточно проста, – заметил сержант. – Как увидите, к той комнате есть только два подхода. Вы и молодой Кверрин можете занять этот, а я буду охранять другой. – Он поглядел из окна на низкое дождливое небо. – Моя позиция вне дома будет не слишком комфортной, в этом я уверен.

– Я возьму ее, если хотите.

– Нет, спасибо. – Хардиндж покачал головой. Слабая улыбка заиграла под щеголеватыми усами. – Вы лучше следите за молодым мистером Питером. Иначе он будет видеть призраков в каждой тени.

Лоуренс усмехнулся:

– Это дело будет выглядеть чертовски странно, когда войдет в отчет.

– В этом никакой необходимости, сэр. Сегодня вечером я не на дежурстве: свободен. Частное лицо, можно сказать.

– Это очень мило с вашей стороны.

– Нисколько. Рад помочь.

После этого вежливого обмена последовала немного смущенная пауза. Затем Лоуренс задумчиво сказал:

– Вы поняли... то есть, я имею в виду... – он колебался, – призрак не всё, по поводу чего мы беспокоимся.

Он всмотрелся в пронизательные голубые глаза сержанта и прекратил суетиться. Хардиндж спокойно сказал:

– Конечно, я понимаю, сэр.

Олджи облегченно рассмеялся:

– Вас не проведешь, не так ли?

– Нас учат пользоваться головой, сэр. – В голосе сержанта проскользнула усмешка. – И глазами. Тот пистолет, например...

– А?

– Тот пистолет, мистер Лоуренс, который оттягивает карман вашего пальто. Надеюсь, у вас есть на него разрешение?

Олджи рассмеялся:

– Ваша взяла, сержант. Да, есть. И извините, что я попытался учить вас вашей работе. – Он выпрямился на стуле. – Хорошо. Вопрос в том, есть ли у Роджера Кверрина какие-нибудь враги среди людей? – Он медленно добавил: – Питер предложил некоего Саймона Тернера.

– Старого Саймона Тернера? – Хардиндж поднял брови.

– Вас это удивляет, сержант?

– Да уж. Они ругались, я знаю. Но Саймон – безвредный старый болтун. Сомневаюсь, хватит ли него храбрости или мозгов сыграть призрака.

Лоуренс глубокомысленно кивнул:

– Ага. Но не мог бы я с ним все-таки поговорить?

– Могли бы, – согласился Хардиндж, – но не поговорите. Старик исчез.

– Что? – поразился Лоуренс.

– Извините. Мне не хотелось казаться мелодраматичным. – Сержант встал и начал собирать поднос. Затем направился в кухню, бросив по пути: – Тернер покинул деревню. Со вчерашнего дня о нем ни слуху ни духу.

Лоуренс задумался, что может означать отсутствие бывшего зрителя. Он нашел в кармане серебряный портсигар, затем позволил ему вновь выскользнуть из пальцев... Табак помогал ему думать, но он любил, чтобы мысли были конструктивными, а фактов не хватало.

Вернулся Хардиндж. Молодой человек задал вопрос.

Сержант ответил:

– Нет, не думаю, что это что-то значит – что-то злое, я имею в виду. Я говорил, что он оставил все свои вещи дома? Ну, говорю сейчас. – Он опустился на стул. – Такое, знаете ли, случалось и прежде. Вероятно, запил и ушел куда-нибудь.

Лоуренсу передалось спокойствие сержанта.

– Это все?

– Все. Нам не о чем волноваться, поверьте, – твердо заявил Хардиндж. – В Бристли *ничего* не происходит.

Олджи усмехнулся:

– Вы говорите так, словно сожалеете.

– Так и есть, – сказал сержант. На мгновение тень глубокого внутреннего недовольства нарушила спокойствие его глаз. – Поверьте мне, сэр, это не место для честолобивого человека.

Он замолчал, но Лоуренс знал, что тот имеет в виду. Никакого шанса на громкое дело, которое означает быстрое продвижение... Хардиндж улыбнулся.

– Тем не менее – признал он, – в тихой жизни есть свои преимущества. – Он сменил тему. – Я приду в Кверрин-Хаус этим вечером. Сразу же, как сменюсь и поем.

Олджи с благодарностью кивнул:

– Спасибо. – Он встал. – При небольшой удаче, – добавил он, обращаясь наполовину к себе, – завтра я буду дома. – Он повернулся к двери, а затем внезапное воспоминание заставило его развернуться назад. – Стив будет ждать новостей еще до того, как я вернусь в Лондон. Могу я звонить ему из Кверрин-Хауса?

– О, да. – Хардиндж усмехнулся. – Только если у вас есть секреты, будьте осторожны.

Лоуренс приподнял бровь.

Восприняв это как вопрос, сержант продолжал:

– Хозяйка почтового отделения нашей деревни принимает все звонки. Что ж, мисс Уотсон – приличная старая дева, одна из лучших, но у нее есть некая привычка...

– Забывает повесить трубку?

– Именно.

– Возможно, мне следует говорить иносказаниями.

– Не думаю, что это имеет хоть какое-то значение, – вежливо сказал сержант. – Держу пари, к вечеру весь Бристли узнает, почему вы здесь.

Олджи широко открыл глаза.

– Почтовое отделение мисс Уотсон, – напомнил ему Хардиндж, – напротив отделения полиции.

– О! – улыбнулся молодой человек. – И я пришел сюда с Питером.

– В самом деле? Тогда никакой тайны больше нет. Она, должно быть, видела вас. И есть только одна причина, почему Кверрины должны сегодня принимать незнакомцев.

– Она знает о намерении Роджера?

– Вся деревня знает.

– Полагаю, – заметил Лоуренс, – эта леди способна сложить два и два?

– И получить сорок четыре!

Олджи Лоуренс медленно направлялся к Кверрин-Хаусу, расстегнув серый плащ и удобно, если не изящно, засунув руки в карманы брюк. Мягкая зеленая шляпа, как обычно сдвинутая на белокурый затылок, придавала ему несколько залихватский вид. Даже его автоматический пистолет, настойчиво напоминающий о себе постукиванием по бедру во время ходьбы, почти не нарушал вновь обретенного душевного равновесия.

Спокойствие и эффективность сержанта Хардинджа произвели на него очень сильное впечатление. Теперь у него есть, сказал себе Олджи, по крайней мере один надежный союзник. Что касается Питера... Лоуренс самодовольно подумал, что страхи младшего Кверрина были явно невротическими. Хладнокровный лондонец никогда им не уступит...

Олджи бодро продолжал путь.

Он не стал врывать в логово получившей такую нелестную характеристику мисс Уотсон, но мельком увидел ее,

когда выходил из отделения полиции. Сверкание очков за поспешно задвинутой шторой в почтовом отделении напротив убедило его, что официальные обязанности леди не препятствуют ей держать полицейское отделение под самым строгим постоянным наблюдением.

Он не возражал. Если вся деревня узнает, что он прибыл охранять Роджера Кверрина, то праздные недоброжелатели могут передумать. Тем лучше, подумал Олджи. Мне не нужны проблемы.

После изгиба дороги Лоуренс обошел высокую группу кустов, вынул руки из карманов и остановился в некотором изумлении.

Очень привлекательная молодая женщина, казалось, пятилась, приближаясь к нему.

Это, как он сразу понял, была лишь иллюзия. Фактически женщина смотрела назад на дом.

У Олджи Лоуренса было как раз достаточно времени, чтобы с одобрением отметить, что ее волосы были тщательно уложены, имели приятный каштановый оттенок и просто напрашивались на поцелуй, когда она сделала еще один рассеянный шаг назад и очутилась в его руках.

– О!

Она развернулась и чуть не упала, но он удержал ее. На него уставились круглые серо-зеленые глаза, и он почувствовал, как его сердце тревожно забилося.

Он улыбнулся ей.

– Приветик!

Тревога мигом исчезла с ее лица, и она улыбнулась в ответ.

– И вам приветик. – Ее губы очень притягательно изогнулись. – Теперь можете отпустить меня, – добавила она.

– О, да. – Она явно услышала в голосе незнакомца сожаление и была польщена. Он поставил ее на ноги, и они вновь улыбнулись друг другу.

Лоуренс, который по молодости отличался впечатлительностью, решил, что она прекрасна.

Ее длинные волосы волнами спадали на плечи. Серо-зеленые глаза, острые и смешливые, смотрели чуть вверх, а густые ресницы весело изгибались в уголках. Форма ее лица не имела классической красоты, но линии были чисты, откровенны и свободны. Волосы были убраны за уши, не закрывая их.

Она привлекала живостью и была совершенно восхитительна.

Засунув тонкие руки в карманы шикарного пальто, она серьезно спросила:

– Мистер Лоуренс, полагаю?

Он поклонился и с равной торжественностью поинтересовался:

– Мисс Крэйг, надеюсь?

Оба рассмеялись. Одри сделала шаг, оперлась ладонью на его руку, а другой указала на дом.

– Вы – детектив, – сказала она. – Какой вывод вы делаете из этого?

Олджи посмотрел, но не увидел ничего необычного.

Стоя, она была ему по плечо; он вопросительно взглянул в ее лицо.

– Те кусты, – сказала она. – Там, около дома. Они шевелились.

Никакого ветра не было.

Олджи Лоуренс, который до этого испытывал только удовольствие от ее прикосновения, внезапно почувствовал холод.

Рассердившись сам на себя, он спокойно сказал:

– Сейчас они неподвижны.

Его тон подразумевал вопрос. Она покачала головой, и один из локонов очаровательно упал ей на лоб.

– Нет, я это не придумала. Те кусты шевелились. Как будто кто-то... – Она замолчала.

– Возможно, браконьер, – предположил Лоуренс.

– Так близко к дому?

Олджи вынужден был признать, что это маловероятно.

– Какое это имеет значение теперь? Если это был бродяга, он уже ушел.

Она кивнула, и ее щеки покраснели:

– Наверное, я слишком нервничаю.

– Конечно. Вы волнуетесь за Роджера.

– Да. – Ее затрясло. – Он настроен довести это глупое дело до конца. – Она попыталась рассмеяться. – Только представьте: свидание с призраком! Смешно, не так ли? И все же я готова на все, лишь бы заставить его передумать.

Лоуренс посмотрел в ее полные тревоги глаза и решил, что Роджер Кверрин – упрямый идиот, который не ценит своего счастья.

– Неважно, – спокойно сказал он. – Мы позаботимся о нем ради вас.

Она взяла его под руку, и ее лицо вновь засияло счастьем:

– Вы просто душка, и вы мне нравитесь.

– Спасибо, – с чувством сказал Олджи.

– Пойдемте, – сказала Одри. – Я представлю вас остальной части семьи.

– Разве вы не выходили?

– Просто шла в деревню. Не волнуйтесь об этом.

Они пошли в ногу. Лоуренс подумал, что она двигается с превосходной, чисто кошачьей грацией, и ему нравилось давление ее ладони.

Он пробормотал:

– Вы сказали семьи?.. – слова звучали как вопрос.

Она чуть вздрогнула, затем покраснела.

– О! Я имела в виду в основном Роджера. – Она засмеялась. – Вообразите. Я уже разговариваю как жена.

– Роджеру повезло, – искренне произнес Олджи.

– Спасибо. – Она всмотрелась в его лицо, и ей понравилось то, что она увидела. Она продолжала: – Еще есть дядя Расс.

Олджи вспомнил, что описание Рассела Крэйга старшим инспектором было далеко от восхищения. Кроме того, он услышал нотки неуверенности в тоне девушки, когда она упомянула это имя.

Это была практически смесь привязанности и раздражения. Затем Одри весело сказала:

- Надеюсь, вы не станете плохо к нему относиться?
- А должен был бы?
- Боюсь, большинство людей именно так и относится.
- Почему?

Юмор в ее голосе стал более явным.

- Он оказывает нездоровое влияние.

Лоуренс сказал, что ему нравятся нездоровые влияния.

К этому времени они подошли к дому. Одри отпустила руку Олджи и пошла по ступеням, но затем с задумчивым видом обернулась к молодому человеку:

- Нам не обязательно делать официальный вход.
- Нет?
- Нет.

Она колебалась. Лоуренс вежливо предложил:

- Я – подозрительный тип. Проведите меня через черный ход.

Она засмеялась.

- Я не грубила. Просто подумала, что вы захотите осмотреть место.

Олджи понял:

- Хардиндж упоминал про два подхода к Комнате.

(В голове у обоих помещение явно писалось с большой буквы, поэтому специальное определение было бы лишним.)

- Правильно. Из прохода и снаружи от дома. Сюда, – она сделала паузу. – Мне хотелось бы показать ее вам прямо теперь.

– Тогда давайте пойдем туда.

Лоуренс отступил на шаг, и девушка грациозно сбежала по ступеням к нему.

Она пошла впереди по мощеной плиткой дорожке, которая огибала дом и шла примерно параллельно его несколько прихотливому контуру. Между дорожкой и зданием лежали широкие, пока еще пустующие клумбы: целое пространство мягкой коричневой земли, нарушенное лишь прямоугольным продолжением дорожки, доходящей до боковой двери.

Одри сказала:

– Сейчас все это выглядит совершенно голым. Но дело в том, что из старого Саймона Тернера садовник никакой!

Олджи поглядел на нее. Она произнесла это имя совершенно равнодушно. Следуя своим мыслям, он спросил:

– Очевидно, вы не разделяете подозрений Питера.

Она выглядела озадаченной, затем лицо ее снова разгладилось. Олджи Лоуренс с удовлетворением отметил, что она так же умна, как и красива.

– Относительно Тернера, вы имеете в виду? Питер упомянул разговор с вами. – Она сделала паузу. – Нет, не думаю, что угрозы старого Саймона хоть что-то значат... Он довольно глуп, – добавила она.

– Чтобы быть злым, много ума не надо, – тихо сказал Олджи.

Повисло молчание.

Они повернули за угол. Мощеная дорожка бежала перед ними, частично затененная листвой деревьев. Слева от них ее ограничивали плотно стоящие кусты, но справа до самого дома было обычное пространство голой коричневой земли.

Лицо Одри чуть изменилось. На шее пульсировала жилка.

– Вот эта Комната, – тихо сказала она.

Он посмотрел туда, куда был устремлен ее взгляд.

Большие французские окна, сейчас закрытые, вели в дом. Позади них смутно виднелся человек. У Лоуренса мгновенно создалось тревожное впечатление о животном, попавшем в ловушку.

Он бросил быстрый взгляд на девушку, а затем пристально и с удивлением посмотрел на нее, поскольку ее лицо снова изменилось, а глаза засияли любовью.

Она нежно сказала:

– Это Роджер.

Лоуренс кивнул и улыбнулся, хотя сердце защемило от беспричинной зависти.

Они сошли с дорожки, и Олджи почувствовал, что его обувь стала проваливаться в мягкую почву.

– Мы запланировали расширить дорожку, – сказала Одри, извиняясь.

– Ведущую к дому?

– Да. Но такие вещи требуют времени.

Она говорила рассеянно. Всем ее вниманием завладел крепкий мужчина, открывающий французские окна, чтобы приветствовать их.

Олджи Лоуренс с внутренним вздохом позволил себе быть представленным жениху мисс Крэйг.

Роджер Кверрин был крепко сбитым мужчиной приблизительно на десять лет старше Питера. На приятном, хотя и некрасивом лице сверкали внимательные карие глаза. Линия подбородка говорила о целеустремленности, а широкие плечи – о силе и решительности.

Лоуренс глядел на него предвзято и поэтому решил, что Роджер может быть упрямым, как осел.

Двое мужчин обменялись рукопожатием. Пожатие Кверрина было сильным и дружеским.

– Хелло, Лоуренс. Очень мило с вашей стороны приехать. Хотя могу честно сказать, – добавил Роджер с улыбкой, – вы тратите свое время впустую.

Олджи улыбнулся:

– Надеюсь, что да... ради вас.

Кверрин уставился на него. Затем откинул голову и засмеялся.

– Браво! Входите.

Лоуренс вошел через открытые окна.

Он остановился на пороге, стиснув губы, и улыбка сбежала с его лица.

Возможно, это был скрытый страх на лице девушки, когда она пошла перед ним, возможно, вид Питера Кверрина, нервно стоящего в тени. Возможно, это была лишь игра его собственного воображения.

Но ему показалось, что он из царства простора и здравомыслия попал в логово чудовищного зла.

С некоторым удивлением Лоуренс увидел, что один только Роджер Кверрин совершенно не чувствует опасности. Его смех казался сейчас странным, но звучал совершенно естественно.

Его брат, однако, выглядел более нервным, чем когда-либо. Уголок его рта периодически подергивался в нервном тике.

– Хелло. Значит, нашли дорогу?

– Точно, – спокойно ответил Олджи. Он видел, что другой молодой человек пытается скрыть глубокое беспокойство за банальными фразами.

Питер продолжал:

– Я отнес сумку в вашу комнату. – Он сделал паузу. – Вы все согласовали... с Хардинджем?

– Спасибо... Да, согласовал. Он придет этим вечером.

– О, что такое? – Роджер Кверрин услышал их и с улыбкой отвернулся от невесты. – Вы же не собираетесь притащить сюда и старого доброго сержанта?

Лоуренс наклонил голову.

– Таков наш план, – признал он.

– Дьявол его заberi, – сказал Роджер с видимым презрением. – Питер, ты просто осел. Ты всех вогнал в панику!

– Всех, – сухо заметил Олджи, – кроме вас.

Кверрину, возможно, и не хватало воображения, но у него не было недостатка в чувствительности. Он пристально посмотрел на Лоуренса, а затем спокойно спросил:

– Вы считаете меня неблагоразумным?

– Возможно.

Одри подошла поближе и положила руку на плечо Роджера: он рассеянно похлопал по ней, но продолжал пристально смотреть на Лоуренса.

– А вам не кажется, – сказал он беззлобно, – что я просто не создаю суеты вокруг всего этого и что я – фактически единственный, кто, кажется, сохранил голову?

– Я предпочел бы, – довольно холодно ответил Лоуренс, – чтобы вы сохранили свою жизнь.

Кверрин почувствовал, как пальцы девушки вцепились в ткань его пиджака, и в наступившей тишине все услышали, как в горле Питера что-то заклокотало.

Роджер повернулся к брату с явным облегчением, словно найдя козла отпущения.

– Питер! – Он заговорил почти грубо. – Ты весь побелел. Возьми себя в руки. Ты просто дурачок! – припечатал он в конце.

Питер Кверрин вспыхнул, открыл было рот, чтобы заговорить, а затем молча вышел из комнаты.

У Роджера хватило совести немного устыдиться. Когда он повернулся к Лоуренсу, в глазах уже не было гнева.

– Простите, – сказал он, – но Питер всем действует на нервы, включая меня.

– Он волнуется за вас.

– Знаю, – добродушно проворчал Кверрин. – Но, черт возьми, я *не просил* его об этом. – Он внимательно посмотрел на Олджи. – Скажите честно, Лоуренс: если бы не

истерия Питера, вы уделили бы этому делу хоть секунду внимания?

Лоуренс не стал врать:

– Скорее всего, нет. Но при текущем состоянии дел мы все предпочли бы, чтобы вы не ходили на эту, гм, встречу. Чего вы этим хотите добиться?

– Чёрт возьми, парень, – возмутился Кверрин, – я не рассчитываю получить ничего. Где ваше уважение к традициям?

Лоуренс знал, что задел в более старшем мужчине жилку упрямства, но предпринял последнюю попытку его отговорить.

– Вы не передумаете?

Роджер вновь почувствовал давление пальцев Одри на плече и заколебался.

Затем медленно произнес:

– Нет.

Надежда, внезапно вспыхнувшая было в глазах девушки, медленно потухла.

Лоуренс спокойно сказал:

– Хорошо. В конце концов, это ваши похороны.

Рот Кверрина искривился в шуточном протесте:

– Вы могли бы выразиться более тактично. Послушайте, – и он взмахнул рукой, указывая на комнату, – вы же не думаете всерьез, что здесь таится опасность?

Лоуренс к этому времени уже мысленно отбросил все фантомы. Его воображение уступило поле боя рассудку, и теперь он рассматривал только угрозу физического насилия. Которая, как он допускал и надеялся, могла и не существовать.

Он оглядел комнату с обманчивой небрежностью. Не отвечая прямо на вопрос Роджера, он пробормотал:

– Вы не сильно переделали эту комнату.

– Нет. – Кверрин пожал плечами в легком замешательстве. – Мы переделали весь дом, но все же...

Он замолчал и улыбнулся невесте:

– Одри меня не одобряет. Но я не мог допустить переделки этой части здания. Именно поэтому нет никакого электрического освещения: ни здесь, ни в наружном проходе.

Лоуренс поглядел на старинную масляную лампу на столе и подумал о ценах, которые платят любители древностей.

Роджер прочитал его мысли.

– Вы тоже этого не одобряете?

Олджи заявил, что ему нравятся блага цивилизации.

– Мне тоже, – тихо пробормотала Одри.

Кверрин улыбнулся ей.

– Ты ненавидишь эту комнату, не так ли? Тебе хотелось бы ее разрушить.

Она кивнула и прошептала:

– Она так подавляет...

Это было так, но было и что-то еще. Лоуренс уставился на старинную мрачную мебель, длинные старомодные шторы на французских окнах, которые были единственным источником дневного света в комнате, и на кинжал, который висел над каминной полкой.

Он подошел к камину и протянул руку к кинжалу.

Лезвие, выскользнув из ножен, тускло сверкнуло. Олджи испытал непонятное отвращение.

– Опасная игрушка, – тихо пробормотал он.

Позади него Одри сдавленно вскрикнула.

Кверрин спокойно попросил:

– Положите его, Лоуренс.

Олджи задвинул кинжал назад. Слабый щелчок лезвия о ножны почему-то показался очень громким.

Одри Крэйг с плохо скрываемым ужасом воскликнула:

– Дорогой Роджер, неужели ты не избавишься от этой ужасной вещи?

Кверрин успокоил ее:

– Возможно после того, как наш призрак упокоится сегодня вечером. А пока, – закончил он с улыбкой, – я не считаю себя вправе распоряжаться собственностью старого Тома.

– Это действительно тот кинжал, которым убили молодого Мартина много лет назад? – спросил Лоуренс.

– Может быть. Хотя... – Роджер пожал плечами, – мы не знаем наверняка. Так или иначе, кинжал достаточно стар.

– Давайте сменим тему! – дрожащим голосом перебила его Одри.

Лоуренс отошел от камина. На его лице было обычное выражение вежливой лени, но Одри было не провести. Она знала, что он внимательно осматривает комнату, имея в виду защиту Роджера.

Светловолосый молодой человек подошел к французским окнам и тщательно их осмотрел. Они закрывались сверху и снизу на две крепкие задвижки. «Отсюда опасность не грозит», – одобрительно подумал он.

Он взгляделся через стекла в непрерывную линию следов, которые он и девушка оставили за собой. Итак, не было никакого способа попасть в комнату снаружи дома, не оставив разоблачительных следов... Все лучше и лучше. Он почувствовал себя веселее.

Не было никаких других окон, а единственным оставшимся выходом была дверь в противоположном углу.

Лоуренс подошел к ней.

На двери не было никакого засова, но замок был крепким и новым.

Олджи выпрямился и задал вопрос.

– Как видите, – сказал Роджер Кверрин вместо ответа, – я не совсем невменяем. Стив Касл предложил поставить новый замок, поэтому сегодня ко мне приезжал человек из Лондона. Имеется только один ключ. Вот он.

Он вытянул из кармана брюк связку ключей и показал Лоуренсу блестящий новый ключ.

Олджи одобрительно пробормотал:

– Хорошо. Держитесь за него, и нам не придется волноваться, что кто-то сделает дубликат.

Роджер удивленно вскинул брови.

– Этого ведь не стоит опасаться?

Лоуренс ответил банальностью:

– Никогда не знаешь.

– Нет, – резко отчеканил Кверрин. – Я знаю. – В его тоне сквозило раздражение.

Олджи сонно произнес:

– Давайте взглянем на проход.

Он распахнул дверь и выглянул из комнаты.

Прямо от него между обшитыми панелями стенами шел длинный коридор к закрытым двойным дверям в конце. На полпути во внешней стене имелось единственное окно, которое практически не рассеивало мрак.

Оставив Роджера Кверрина наедине с невестой, Лоуренс вышел из комнаты и направился вдоль прохода.

Его шаги полностью заглушались толстым новым ковром: тишина, казалось, подавляла.

Дойдя до окна, он внимательно его осмотрел. Затем поднял раму и выглянул.

Сразу под ним и в обе стороны лежали широкие незасеянные клумбы. Прямо перед ним параллельно дому шла мощеная дорожка, по которой недавно он шел вместе с Одри Крэйг.

Было просто невозможно попасть в эту часть здания, не оставив на земле четких следов.

Он вновь закрыл окно и задвинул защелку. Теперь оставалось лишь проверить безопасность комнаты снаружи.

Его мысли нарушил голос. Он повернулся и увидел рядом Питера Кверрина.

– М-могу я вам помочь?

– Если хотите.

Лоуренс объяснил, что хочет удостовериться, что закрытое окно невозможно открыть снаружи.

Питер нетерпеливо кивнул, а затем вновь вышел через двойные двери.

Немного спустя он появился на дорожке снаружи. Очень осторожно пройдя по голой коричневой земле, он взял старый деревянный ящик, лежащий поблизости и поставил его под самым окном. Используя его как импровизированную лестницу, он поднялся до удобного уровня и с энтузиазмом начал дергать раму.

– Хорошо, – сказал Лоуренс через стекло.

Питер, однако, еще не закончил. Взобравшись на широкий подоконник, он удвоил усилия.

Олджи, подавив невежливое желание рассмеяться, махнул ему рукой спускаться. Импровизированная комедия в исполнении молодого Кверрина, по крайней мере, убедила Лоуренса, что окно защищено от любого нападения, если не считать грубого разрушения.

Питер спустился вниз. Олджи пошел вдоль коридора, чтобы встретить его, когда он вернется в дом.

Открыв двойные двери, Лоуренс отдернул в стороны шторы, которые загораживали дорогу, и оказался в главном холле.

Широкая лестница вела вверх к спальням. С правой стороны от него короткий проход вел к боковой двери, которую он заметил во время прогулки с Одри.

Дверь открылась, и из сада вошел Питер Кверрин. Он нервно спросил:

– Вы удовлетворены?

– Вполне, – ответил Олджи.

– Оно не имело бы значения – я имею в виду окно, – продолжал Кверрин рваными фразами, – только Роджер

не позволит нам стоять на страже в самом проходе. Он говорит, что должен быть один.

Олджи усмехнулся:

– Вы что, предполагали просидеть на корточках на циновке всю ночь?

– Там нет циновки, – с тревогой возразил Питер.

– Я говорил фигурально, – терпеливо ответил Лоуренс. Он надеялся, что нервная лихорадка Кверрина не возьмет над ним верх. – Мы можем стоять на страже здесь. Хардиндж будет смотреть из сада. Нет никаких причин для волнений.

Питер кивнул, достал сигарету из помятой пачки и вставил ее в дрожащие губы.

Лоуренс достал зажигалку и щелчком зажег ее. Кверрин глубоко затянулся и почувствовал, как успокоительный дым проникает в легкие. Его нервы были все еще на пределе, но приближение решительного часа приносит странное спокойствие, и он знал, что сможет выдержать все.

Он сказал:

– Вы можете положиться на меня, Лоуренс. Я выполняю все, что вы скажете.

Олджи ободряюще похлопал его по плечу.

– Молодец, так держать! – Еще один штамп, подумал он. Все же банальности неплохо успокаивают.

Шторы за ними всколыхнулись, и из прохода вышли Роджер и Одри. Девушка увидела, что Лоуренс наконец освободился от плаща и рассеянно вертит в руке помятую зеленую шляпу. Стив Касл решил бы, что он ищет подходящую цель, куда ее можно набросить... У Лоуренса был вид человека, который любит использовать классический бюст как вешалку для шляп.

– Я провожу вас наверх, мистер Лоуренс, – предложила Одри. – Вы, наверное, хотите распаковать вещи.

– А? – Роджер Кверрин вспомнил про свои обязанности хозяина. – О, конечно. Не беспокойся, Одри. Я провожу вас в вашу комнату, Лоуренс.

Олджи последовал за ним вверх по лестнице.

Комната, в которую его ввели, была просторной и удобной. Он одобрительно похлопал по кровати. Постель была мягкой и упругой. Не то, чтобы пришлось провести в ней много времени, – с сожалением подумал он.

Роджер сказал:

– Вы, наверное, проголодались. Хотите сэндвичей?

– Да, пожалуйста.

– Вам их принесут. – Роджер остановился, положив ладонь на ручку двери. Чуть замешкавшись, он сказал: – Я был не очень-то вежлив. Думаю, вы тратите свое время впустую, и я так прямо и сказал. Но все равно, – закончил он смущенно, – я хочу, чтобы вы знали: я вам благодарен!

Лоуренс вежливо кивнул. Кверрин вышел.

Олджи небрежно положил на стул пальто и шляпу, переложил оружие в пиджак, а затем лениво вытянулся на кровати.

В конце концов все оказалось довольно просто, удовлетворенно решил он. Его глаза закрылись.

Кто-то постучал в дверь. Лоуренс лениво произнес:

– Войдите.

Заманчиво зазвенел поднос, и ноздрей коснулся аппетитный аромат кофе. Олджи открыл один глаз, увидел тонкие руки и быстро опустил ноги на пол.

– О, это вы. Извините, – пробормотал он.

Одри Крэйг лучезарно улыбнулась ему.

– Это, – прокомментировала она, – очень личное обслуживание. Надеюсь, – добавила она, подмигнув, – вы это оцените.

– Уже! – сказал Олджи Лоуренс и с восхищением уставился на нее.

На нее действительно было приятно посмотреть. Больше не скрытая веселым, но плотным пальто, ее фигура смотрелась восхитительно. Мягко поднимающаяся грудь и округлости ее красивых бедер и икр были невинны, но вместе с тем откровенны и абсолютно обольстительны.

– Вы очень красивы, – искренне признался Лоуренс.

– Спасибо. – Одри попыталась казаться серьезной, но выглядела явно довольной. – Налить?

– Ммм?

– Кофе. Налить?

– Да, пожалуйста.

Одри поставила поднос на кровать и осторожно села рядом. Она вручила молодому человеку дымящуюся чашку, затем наклонилась и для безопасности поставила кофейник на ночной столик.

Приятно взволнованный ее близостью, он заметил, что непослушный локон вновь выскочил из гладко уложенных каштановых волос. Он протянул руку и нежно отвел его с ее лба.

Это мимолетное прикосновение заставило вздрогнуть обоих.

Одри, в серо-зеленых глазах которой читалось удивление, тихо сказала:

– Не пролейте кофе.

– Не буду. – Он осторожно поставил чашку на стол рядом с собой.

Затем положил свою ладонь на ее руку, лежащую на покрывале.

Явно смущенная, девушка быстро сказала:

– Я хотела поблагодарить вас за заботу о Роджере...

– Не благодарите меня.

Она продолжала лепетать какую-то чепуху:

– И я хотела спросить, почему вы стали детективом...

– Не спрашивайте меня, – пробормотал он, а затем, подчиняясь внезапному импульсу, который он не мог объяснить, наклонился и крепко поцеловал ее в губы.

Ее губы были совершенно пассивны.

Он оторвался от нее и встал, чувствуя горечь. Девушка осталась, где была, глаза округлились, а щеки чуть порозовели.

Лоуренс сердито сказал:

– Вы должны были дать мне пощечину.

Голос Одри был тихим-тихим:

– Разве это не было бы слишком... по-викториански?

– Я вел себя как хам. – Он улыбнулся без всякого веселья. – Это тоже по-викториански.

– Но это же всего лишь поцелуй, – неуверенно сказала девушка.

– В этом-то и проблема, – туманно ответил он.

Одри встала:

– Я должна идти!

Дверь за ней закрылась. Олджи подошел к окну и с сердитым и хмурым видом выглянул в него.

Грубая ошибка, в ярости подумал он. Из наихудших.

Но постепенно на лицо вновь вернулось былое спокойствие, а глаза наполнились ленивым равнодушием.

– По крайней мере, – пробормотал он вслух, – я ответил на ее вопрос.

Поскольку Одри Крэйг не меньше, чем Стивен Касл задавалась вопросом, почему Олджи Лоуренс тратит свою жизнь, исследуя запутанные способы преступлений.

Он следовал своей дорогой, которая иногда была опасной, часто утомительной и всегда одинокой. И все же он жил ради цели и постоянно искал.

Лоуренс искал свою Прекрасную даму.

3

Однако, когда ранним вечером Лоуренс спускался по лестнице, все мысли о романтическом приключении он выбросил из головы.

Он понимал, что Одри Крэйг – добрая и веселая девушка и вряд ли рассердилась на него. Инцидент в спальне может быть вежливо забыт ими обоими.

Однако легкий безумный порыв, который привел к грубой ошибке, лишь подчеркнул его отвращение ко всему этому делу. Он с неприязнью подумал о недостатках Кверринов: невротических страхах одного брата и упрямстве другого.

Да заberi их всех дьявол, зло подумал он, но затем рассмеялся над собственной непоследовательностью. Ведь его главной задачей, по крайней мере в настоящий момент, было обеспечить их безопасность.

Он не считал, что имеется какая-либо реальная опасность, но все равно решил усилить средства защиты.

Он уже изучил слуг и отбросил их как слишком незначительных: и как врагов, и как возможных помощников.

Был, однако, один домочадец, с которым он еще не побеседовал, и он решил исправить это упущение.

Руководствуясь чутьем, он открыл дверь гостиной и понял, что ему повезло.

У огня под слабым светом стандартной лампы сидел пожилой джентльмен с большим носом и серебристыми волосами. Он с явным удовольствием курил одну из лучших сигар Роджера и сквозь огромные очки в роговой

оправе уставился в книгу, лежащую на колене одной ноги, изящно перекинутой через другую.

При приближении молодого человека он поднял голову, дружелюбно кивнул, положил книгу страницами вниз на ручку своего кресла и рывком поднялся на ноги.

– О, мистер Лоуренс, не так ли? Меня зовут Рассел Крэйг.

Они обменялись рукопожатием. Олджи пристально и с большим интересом разглядывал дядю Одри.

Он уже знал, что мистер Крэйг пригласил себя в Кверрин-Хаус под предлогом помолвки своей племянницы – номинально в качестве ее компаньона, и фактически ни в чем тут себе не отказывал.

Несмотря на явную антипатию Касла и полусерьезные намеки Одри, старый жулик Олджи понравился.

Он носил (и этим демонстрировал легкую смесь комфорта и формальностей) мягкую рубашку с черным галстуком и смокинг. Что касается возраста, он, казалось, балансировал где-то между серединой шестого десятка и началом седьмого. В синевато-серых глазах прыгали искорки юмора, и в целом его манеры демонстрировали учтивость и достоинство. Если у него была тенденция к полноте, она в значительной степени маскировалась одеждой, сшитой опытным портным. Но у Крэйга был довольный вид человека, который забыл заплатить портному.

– Итак, мой мальчик, – сказал Рассел Крэйг, – что бы вы хотели выпить перед обедом?

Лоуренс задумался. Он пил очень и очень умеренно.

– А вы случайно, – начал Крэйг с внезапным подозрением, – не трезвенник?

Олджи улыбнулся.

– Нет. Не совсем.

– Хорошо! – Дядя Расс облегченно вздохнул. – Неприятные люди, эти трезвенники. Обуреваемы всеми возможными недостатками, я считаю.

Он подошел к графину на буфете.

Олджи поглядел на книгу, которая осталась на кресле. С радостным удивлением он отметил, что это был первый выпуск «Человека с сорока лицами».

Рассел Крэйг вернулся, держа в каждой руке по бокалу. Вручая один Олджи Лоуренсу, он сказал:

– Прекрасная вещь, мой мальчик. Не боюсь сознаться, что это – опора моих тающих лет. Когда я был молод, – тут он скорчил ужасно хитрую физиономию, – у меня были и другие... недостатки. Но теперь, – он вздохнул, – я нахожу утешение в хорошем виски и плохих детективных романах.

– Плохих детективных романах? – насмешливо переспросил Олджи.

– Да, – искренне сказал старый жулик. – И я считаю это комплиментом. У меня не хватает никакого терпения с детективами современных концепций: обычными молодыми людьми с вежливыми манерами и слабостью к цитатам. Мне нравится сыщик старой школы: своенравный, высокомерный, эксцентричный и не ошибающийся.

Несколько распаляясь, дядя Расс поднял роман и помахал им перед носом Лоуренса.

– Вы никогда не слышали о Гамильтоне Клике, – гремел он. – Или Хэнши. Скажите мне, – продолжал он с похвальным усердием, но несколько запутывая логику, – что их язык никуда не годится, их сентиментальность мешает, а их драматизм дик и странен. Скажите мне все это, и я соглашусь с вами. Но, ей-богу, у них есть мысли!

Человек шел в комнату и исчез без следа. Или умер в одиночестве от взрыва, случившегося непонятно от чего. Изобретательность, мой мальчик! Не какая-то там полусырая фрейдистская теория!

У них можешь встретить исчезающего взломщика и найти девятипалый скелет, отпечаток ноги монстра, уви-

дети выстрел сосулькой из арбалета или камеру, которая делает снимок убийцы по сетчатке глаза мертвеца.

Хэнши, Томас и Мэри, – он называл эти имена с любовью, – знали, что истинный детективный роман держится лишь на хорошем сюжете.

Он сделал паузу, чтобы перевести дыхание.

Олджи Лоуренс, в ленивых голубых глазах которого запрыгали искорки, задумчиво произнес:

– Ммм... Конечно, я не эксперт. Но вижу, что у вас – первый выпуск, изданный Касселом в 1910 году. А вы знаете, что книга была переиздана в 1913 году как «Клик, Человек с сорока лицами», куда вошло три ранних рассказа, первоначально не вошедших в сборник, и один новый? В США, что достаточно странно, исправленный текст был издан за пять лет до того, как оригинал наконец появился под заглавием «Клик, – детектив-мастер».

– Мой мальчик, – сказал Рассел Крэйг с явным уважением, – вижу, что недооценил вас. Выпьем еще!

– Я еще не закончил первый, – торопливо возразил Лоуренс.

– Пустяковое возражение, – отмахнулся Рассел Крэйг. Он взял свою сигару из пепельницы и яростно затянулся.

Олджи Лоуренс собрался было ответить, когда его глаза заметили движение в кустах снаружи. Дядя Расс с похвальной британской силой духа оставил одну половину французских окон немного приоткрытой, и в меркнувшем свете дня Лоуренс мог ясно видеть шевеление листвы, странно ограниченное одним местом.

Почему оно приковало его внимание, молодой человек не мог сказать. Возможно, он вспомнил о нервозности Одри немного раньше.

Олджи проглотил остаток своего напитка и как будто небрежно подошел к окнам.

Да, вновь все повторилось: кусты вне дорожки зловеще шевелились. Подхваченный во второй раз в этот день импульсом, который он едва мог объяснить, Лоуренс с мягким стуком поставил бокал на пол, широко распахнул обе половинки окна и выскочил в сад.

Двигаясь по наитию, он коснулся длинными ногами земли и бросился к кустам – кровь стучала в ушах, а мелкий дождь бил в лицо.

Сотрясение кустов стало сильным и явным. Олджи ворвался туда, и влажные листья протестующее зашлепали по нему.

Там действительно был человек, который бросился наутек. Лоуренс устремился за ним. Его пальцы ухватились за пальто бродяги, и они, сцепившись, покатались в грязь.

Беглец сгруппировался лучше. Проворный как кошка, он уже привстал на одно колено, прежде чем у Лоуренса хватило времени удивленно приподняться на локте.

Олджи мельком увидел лицо бродяги, испуганное и пылающее отчаянной яростью, прежде чем тощая рука поднялась и вновь опустилась и он провалился в темноту.

Через некоторое время пульсирующие приступы боли прекратили терзать голову, оставив лишь постоянную боль в висках.

Лоуренс открыл глаза и увидел близко от себя лицо Одри.

Он попытался заговорить, но со стоном снова закрыл глаза. Пальцы девушки – очень холодные – легли ему на лоб.

– Мистер Лоуренс! С вами все хорошо? – с тревогой спросила она.

– Я... думаю, да.

Его голос звучал по-новому и показался чужим даже ему самому.

Он с трудом сел. Новая волна боли вновь почти затопила его, но он упорно переждал, пока она схлынет.

– Аааа... – он неуверенно подвигал головой. Тонкая струйка крови ярко выделялась на бледном лице. Над ним и вокруг него шелестели мокрые листья кустов.

– С вами все хорошо? – повторила Одри.

– Да, – слабо ответил он.

Она положила руку ему на плечо:

– Что произошло?

– Я схватил бродягу. Тогда он ударил меня камнем... мне кажется... Вы видели его?

Она покачала головой:

– Нет. Я вошла в гостиную сразу после того, как вы убежали. Мы с дядей Рассом последовали за вами и нашли вас в таком состоянии.

Кто-то неловко приближался позади нее. В сгущающейся темноте ярко пылал огонек сигары.

Рассел Крэйг откашлялся:

– Не хочу казаться невежливым, дорогая, но здесь на дожде чертовски неприятно. Если мистер Лоуренс может идти, я предлагаю помочь ему вернуться в дом.

Девушка и ее дядя помогли ему встать на ноги. Он на мгновение покачнулся, затем, обняв за плечи Рассела Крэйга, кое-как добрался назад в гостиную.

Дождь пошел сильнее, и Олджи вернулся в свет и тепло с простительным облегчением.

Одри отвела его к дивану, а затем отступила, и на лице ее читалось явное беспокойство.

– Вы выглядите ужасно, – прямо заявила она. – Вызвать врача?

– Лучше не надо.

– Но...

– Дорогая, – перебил ее дядя, – с нашим другом не случилось ничего такого ужасного, чего не может вылечить хорошая крепкая выпивка.

Одри беспомощно вскинула руку в протесте, но он уже манипулировал графином.

– Вот, мой мальчик. Возьмите!

– Дядя Расс! – возмущенно воскликнула девушка. – Это слишком крепко!

– Тогда, – с достоинством отвечивал Рассел Крэйг, – я выпью его сам.

Что он и сделал.

Она обругала его и быстро вышла через дверь.

Лоуренс закрыл глаза. Эти подушки так удобны, думал он. Если бы только голова не болела так сильно...

Что-то холодное коснулось лба. Одри Крэйг протираала ему лицо.

– Не шевелитесь, – прошептала она.

Лоуренс позволил себе расслабиться.

Одри убрала со лба его светлые волосы и хмуро осмотрела рану. Кожа порвана, и от виска расплывался синяк, но теперь, когда запекавшаяся кровь была смыта, девушка увидела, что рана не так обширна, как ей показалось сначала.

Олджи открыл один глаз.

– Ну и как?

Она улыбнулась:

– Будете жить. С головной болью.

Дверь вновь открылась. Быстро вошел Роджер Кверрин, излучая беспокойство.

– Лоуренс, старина. Что произошло?

Одри кратко объяснила.

Ее жених объявил:

– Я сейчас же позвоню в полицию.

– Нет, – запротестовал Олджи. – Скоро здесь будет Хардиндж. Не хочу поднимать тревогу. Я приехал сюда, чтобы заботиться о вас, не забываете. Мне не поможет, если тут начнется суматоха.

– Но мы должны схватить того, кто напал на вас...

– У него было достаточно времени, чтобы уйти. Оставьте его в покое.

– Разве мы не должны искать... улики или чего-то еще? – Роджер неопределенно помахал рукой.

Лоуренс слабо улыбнулся. Первые несколько слов его ответа заглушил длинный раскат грома.

Кверрин удивленно поглядел вокруг. Казалось, на этот раз он начал терять обычное хладнокровие.

Лоуренс сказал:

– Вот вам и ответ. Этот проливной дождь смывает все следы.

Рассел Крэйг отвернулся от окна.

– Это истинная правда, – заметил он. – Посмотрите, Роджер, мой мальчик. – Он указал на окно. – Наши собственные следы исчезают на глазах.

Кверрин ответил не прямо:

– Что ж, очень хорошо. – Он вопросительно посмотрел на Лоуренса: – Что посоветуете вы?

– Все, что я могу предложить, – сказал Олджи, садясь вертикально, – это политика – ай! – строгого ничегонеделания. – Он дотронулся рукой до головы. – Другими словами, это все, что мы можем сделать. В настоящий момент, по крайней мере.

– Вы, – строго заявила Одри Крэйг, – сейчас ляжете в кровать. Немедленно!

Он улыбнулся:

– Неплохая мысль. Сегодня вечером я должен быть в рабочем состоянии.

Роджер откашлялся и резко сказал:

– Вы не в такой форме, чтобы нести ночную вахту. Разве нельзя отменить всю эту ерунду с охраной?

– Это разумно, мой мальчик, – воскликнул дядя Расс с другого конца комнаты и нетерпеливо добавил: – Позвольте мне сегодня вечером занять ваше место.

Лоуренс увидел испуг в глазах девушки и успокаивающе улыбнулся ей.

Кверрин сухо бросил через плечо:

– Я бы предпочел, чтобы вы этого не делали, спасибо.

Это было почти оскорблением. Казалось, что Роджер и Одри полностью разделяют мнение Стива Касла о надежности Рассела Крэйга.

– Никто, – твердо заявил Лоуренс, – не займет моего места сегодня вечером. Я приехал сюда, чтобы защитить вас, Кверрин, и, черт побери, собираюсь это сделать. – Он встал. – Но теперь, – добавил он с сожалением, – мне нужен отдых.

Он вернулся в свою комнату, опираясь на руку Роджера, и был рад, что по дороге они не встретили Питера. У него не было никаких сомнений, что младший Кверрин тут же ударится в панику, услышав новости, и чувствовал себя не в том состоянии, чтобы справиться с ним.

Достаточно странно, но его собственное настроение даже улучшилось. Удар по голове был болезненным, но, по крайней мере, оказалось, что его противник никакой не призрак. Противник был бродягой и испугался.

С таким будет легко иметь дело...

Это было до того, как вокруг них закрутился кошмар.

Олджи Лоуренс поглядел на наручные часы: тонкие черные стрелки на золотом фоне стояли под прямым углом, показывая девять часов.

Молодой человек вздохнул, провел длинными пальцами по гладким светлым волосам и уныло сел.

Несколько таблеток аспирина и краткий сон сильно уменьшили постоянное пульсирование в висках, и его физическая слабость полностью исчезла, но что касается ясности мысли – он был далек от лучшей формы.

Не то, чтобы это имело значение. Меры были приняты, и все должно сработать. Кроме того, у него имелся надежный союзник.

Джон Хардиндж. Лоуренс опустил ноги на пол. К настоящему времени сержант, вероятно, уже прибыл. Нужно пойти вниз и поговорить с ним: необходимо рассказать про инцидент в саду.

Удар по голове лишил Олджи обеда, хотя сэндвичи вновь были доставлены в его спальню – на сей раз дерзко привлекательной молодой горничной в черном платье, плотно обтягивающем красивые бедра.

Он вежливо поблагодарил ее, и она вознаградила его эффектным выходом, который продемонстрировал во всей красе ее ноги.

Это привело к новому приступу боли в висках – он застонал и прекратил думать на фривольные темы... Его охватило неопределенное волнение.

Внизу в гостиной сержант Хардиндж тоже чувствовал себя не в своей тарелке. Одри Крэйг в настоящий момент удалилась вместе со своим дядей в библиотеку и оставила сержанта наедине с Кверринами, что сделало беседу трудной. Тон Роджера, этакая покровительственная снисходительность, едва ли помогал.

Фактически они были не знакомы, а ввиду сложившихся специфических обстоятельств их первой неофициальной встречи неудивительно, что оба чувствовали напряжение.

Роджер, конечно же, считал присутствие Хардинджа, как и саму охрану, абсолютно ненужными. И едва скрывал свое мнение.

Кверрин, сильный человек, был бы удивлен, узнав, что в уме сержанта он фигурирует просто как некий символ. Как о личностях, Хардиндж намного лучше знал об Олджи Лоуренсе и Питере Кверрине: один с безошибочным интеллектом за внешней леностью, другой – сгусток непрерывного волнения.

Питер тревожно шагал по комнате, не участвуя в разговоре. Хардиндж поглядел на него и задался вопросом. Молодой человек казался возбужденным до крайности: он что, на грани срыва?

(Лоуренс в другой части дома задавался почти тем же вопросом. Если Питер пойдет вразнос, думал он, мне придется справляться еще и с его истерикой. О, ад!)

Хардиндж пришел к выводу, что точная реакция Питера непредсказуема, и решил надеяться на лучшее, фаталистически готовясь к худшему. Так или иначе, все, главным образом, зависело от Лоуренса... Сержант задумался о схватке молодого человека в кустах.

Хардиндж пока слышал лишь самые основные детали этого дела и был совершенно не способен его объяснить. Это никак не укладывалось в картину... Кто был этот человек и (что важнее) вернется ли он?

Сержант мрачно сжал челюсти. Он был способным и решительным человеком. Никакой бродяга не имел права ошиваться около дома, пока сержант стоит на страже снаружи.

Он облегченно вздохнул, когда в гостиную вошел Лоуренс. Полицейский испытывал симпатию к этому высокому молодому любителю и уважал за способности, подкрепленные хорошей репутацией.

– Приветствую, сержант.

Они обменялись рукопожатием.

Хардиндж поглядел на полоску пластыря на лбу Олджи и слабо улыбнулся:

– Слышал, у вас тут были приключения.

Олджи рассмеялся.

– Не такие, которым радуешься.

– Предположим, вы мне расскажете детали.

Лоуренс старался изо всех сил, но его описание бродяги оказалось отрывочным и запутанным.

Хардиндж нахмурился:

– Слишком неопределенно. Конечно, это мог бы быть... – Он вдруг остановился. – Вы смогли бы узнать этого человека при встрече?

– Думаю, да... Да. Если я увижу его снова, то узнаю.

– Хорошо. – Сержант задумался.

Олджи мягко подтолкнул его:

– Вы сказали, это мог бы быть?..

Хардиндж улыбнулся и покачал головой:

– Это описание подойдет ста мужчинам. У меня есть лишь самое неопределенное из подозрений. – Он мрачно улыбнулся. – Я могу сказать вам одно, сэр. Если это тот человек, о котором я думаю, сегодня вечером он больше не опасен.

Лоуренс кивнул. Он разделял неприязнь полицейского к поспешным и, возможно, необоснованным обвинениям.

– Хорошо, – сказал он, – Думаю, что могу положиться на вас.

– Можете, сэр, – согласился сержант. Он понизил голос: – А вы можете положиться на мистера Питера?

Олджи поглядел через комнату. Два брата спокойно разговаривали. На лице старшего все еще видны были следы раздражения. Лоуренс задался вопросом, не пытается ли Питер снова заставить Роджера изменить решение. Он тихо сказал:

– Думаю, да. Он не сломается.

– Надеюсь, что нет, – мрачно, но с чувством ответил Хардиндж и добавил: – Уже и так достаточно.

Еще один продолжительный раскат грома почти заглушил его слова.

– Вы промочите ноги, – заметил Лоуренс.

– Я принес резиновые сапоги, – безразлично ответил сержант.

Разговор шел почти автоматически. Ни один из собеседников всерьез не думал о мелочах.

Дверь открылась, и вошла Одри. Мужчины встали: Олджи старался держаться подчеркнуто формально.

На симпатичном лице девушки читалось волнение.

– Я не могу найти дядю Расса! – объявила она.

Роджер издал недовольный звук и раздраженно заметил:

– Я думал, он с тобой в библиотеке.

– Нет. Он ушел некоторое время назад.

В этот момент до них донеслось нечто, напоминающее весьма неподходящую песенку. Затем дверь открылась вновь, и перед ними предстал Рассел Крэйг, пошатывающийся на пороге.

Его пристальный взгляд упал на Одри. Он вежливо наклонил голову.

– Привет, д-рогая, – и он икнул.

Лоуренс с внутренней усмешкой понял, что старый жулик пьян в стельку.

– Дядя Расс! Вы пили! – ужаснулась Одри.

Крэйг по-совиному захлопал глазами.

– Дорогая, – признал он, – ты абсолютно права. Я пил!

Он повернулся к Роджеру и уточнил:

– Я пил с вашим дворецким.

Лицо Кверрина окаменело.

– С моим дворецким? – переспросил он.

– С ним, – подтвердил Крэйг, – с вашим дворецким. –

Он утвердился на ногах и воинственно добавил: – А что тут такого? Прекрасный человек, этот ваш дворецкий... Он и как буфетчик... – ик! – весьма эффективен.

Он рухнул в кресло и стал глупо озиаться.

– О, дядя, – в отчаянии простонала Одри.

Роджер явно рассердился:

– Вы слишком панибратствуете со слугами. Я уже говорил вам!

Единственным ответом Крэйга был тихий смех.

Лицо Роджера потемнело. Он сделал шаг вперед и положил руки на плечи пожилого человека. Его голос был мрачен:

– Вы должны удалиться в свою комнату.

– Не пойду, – зло ответил Крэйг. Он вновь оказался на ногах, вывернулся из захвата Кверрина и качнулся к Лоуренсу.

– Мой мальчик, – вежливо сказал он, – вы очень бледны. Возможно, удар по голове сотре... сотря... что-то повредил у вас. Не бойтесь. Я сам... – Дядя Расс рванул на себе воротник рубашки, – встану на посту сегодня вечером!

Позади него кто-то тяжело задыхался.

До того момента Олджи все происходящее даже забавляло. Теперь же он начал волноваться, как выходка Крэйга повлияет на уже натянутые как струна нервы Питера.

Щеки младшего Кверрина вспыхнули, а голос стал хриплым.

– Вы... что?

В этот момент Питер был неспособен мыслить логически. Он был одержим видением дяди Одри, своей пьяной выходкой рушащего всю систему защиты Роджера, созданную с таким трудом такими муками.

Олджи Лоуренс не больше Питера желал позволить Расселу Крэйгу нарушить план на эту ночь. Он успокаивающе сказал:

– В этом нет никакой необходимости. Лучше ложитесь спать.

Дядя Расс нахмурился:

– Значит ли это, – спросил он с достоинством, – что вы отклоняете мое предложение?..

Он запутался и замолчал.

– Да, – просто ответил Лоуренс.

– Тогда, – сказал Рассел Крэйг, – я уйду. И уйду, – добавил он, – немедленно.

Он еще раз громко икнул и вышел.

Одри беспомощно стояла, и на лице ее читалась та же любопытная смесь стыда и привязанности, которую Олджи заметил раньше.

– Я лучше пойду за ним, – сказала она. В глазах вдруг вспыхнула веселая искорка.

Роджер проводил ее хмурым взглядом, а затем вышел вслед за нею. Питер тихо произнес:

– Проклятый старый дурень.

– Полегче, – сказал Олджи. Он похлопал ладонью по плечу Питера.

Кверрин выдавил из себя стыдливую улыбку:

– Простите, Лоуренс. Я зря запаниковал. Это правда, – и голос его немного задрожал, – я так боюсь за Роджера и... и...

– Понимаю.

Внезапно Хардиндж подошел к Питеру и спокойно сказал:

– Смотрите, сэр. Вы не обязаны быть здесь до конца. Можете идти спать и предоставить все нам.

Двое мужчин уставились друг на друга.

Питер улыбнулся и тихо сказал:

– Спасибо, сержант. Но теперь со мной все в порядке. Я смогу выдержать все.

– Конечно сможете, – бодро сказал Лоуренс.

Его глаза встретились с глазами сержанта.

Питер отвернулся, и Олджи быстро кивнул.

Хардиндж был удовлетворен:

– Значит, все улажено.

Роджер Кверрин быстро вернулся назад и присоединился к ним. Он объявил всем и никому конкретно:

– Крэйг наконец-то у себя в комнате. С меня более, чем достаточно... О, ладно, – он остановился и посмотрел на часы. – Полдесятого, – пробормотал он. – А мне назначено на двенадцать.

Он взгляделся в три неулыбчивых лица:

– У нас впереди много времени... чтобы убить.

В одиннадцать часов эти четверо мужчин встали и направились из гостиной в главный холл дома.

Они не разговаривали.

Лоуренс поглядел вверх широкой лестницы, которая вела к спальням, и подумал, что девушка и ее дядя к настоящему времени уже должны спать. Крэйга отвели в его комнату за полтора часа до этого, и, хотя Одри хотела остаться с ними, они мягко убедили ее, что ей лучше находиться подальше от места действия.

Слуги также удалились, выполняя строгие инструкции Роджера Кверрина. Разгневанный уже тем, что о его личных делах известно каждому в деревне, он не хотел давать больше информации для сплетен.

В холле Хардиндж взял свой плащ с капюшоном и накинул его на плечи. Снаружи в саду дождь все продолжался.

Кверрин зажег свечи в тройном подсвечнике и спокойно спросил:

– Все готовы?

Они молча кивнули.

Роджер повернулся к дверям, которые открывали доступ в проход. Питер вышел вперед и отодвинул шторы, защищая их от пламени свечей в руке брата.

Свет мерцал и танцевал во мраке коридора.

Лоуренс поежился. Его вновь стало подавлять повисшее молчание.

Хардиндж последним покинул ярко освещенный холл, и шторы упали позади него. Внезапный полумрак на мгновение ослепил его.

Он пробормотал:

– Один момент, сэр. У меня есть освещение получше.

Он потянулся к поясу. Луч его фонаря разрезал темноту.

Роджер одобрительно кивнул и сделал движение, чтобы задуть свечи, но Лоуренс успел схватить его за запястье. Он тихо сказал:

– Они мне понадобятся. У меня нет фонарика.

Кверрин снова кивнул.

Они прошли по коридору, миновали единственное окно (закрытое сейчас старомодными шторами) и остановились у двери в старую комнату.

Все почувствовали необычную скованность. Лоуренсу показалось, что, когда Кверрин поворачивал ручку, рука его дрожала.

В комнате ярко пылал огонь в камине. Роджер осторожно поставил подсвечник на каминную полку.

Крошечный огонек заставлял играть свет на ножнах висящего кинжала.

Кверрин подошел к столу, зажег спичку и начал возиться со старинной масляной лампой. Когда она обрела жизнь, тени отступили и легли в ожидании.

– Так-то лучше, – сказал Роджер значительно бодрее.

Затем все снова замолчали. Хардиндж взял в руку свой фонарь и встал около двери, спокойный и внимательный. Питер нервно сунул руки в карманы и посмотрел на Лоуренса, ожидая команды.

«Вот оно, – подумал Олджи. – Вот момент, когда управление переходит ко мне». – И тут же почувствовал в животе холодок страха.

Роджер нетерпеливо сказал:

– Не хочу торопить вас, но...

– Хорошо, Кверрин. – Лоуренс тщательно осмотрел комнату. – Это недолго.

Не было никакого места, где мог скрываться злоумышленник. Убедившись в этом, он подозвал сержанта.

Затем, отодвинув шторы с французских окон, он взгляделся в темноту и пробормотал:

– Вам не позавидуешь.

– Неважно, сэр.

– Тот бродяга может вернуться.

Хардиндж мрачно ответил:

– Я смогу с ним справиться. – Он многозначительно хлопал рукой по полицейской дубинке.

Лоуренс улыбнулся.

– Тогда все. Я оставляю его на ваше попечение.

Он потянул задвижки на окнах. Они были жесткими и сидели туго. Ему пришлось приложить всю свою силу.

Когда высокие, доходящие до земли окна открылись, в комнату стали проникать брызги дождя. Луна была почти полностью закрыта густыми облаками, и ночь выдалась достаточно темной. Сержант выглянул наружу без энтузиазма.

Лоуренс пробормотал извиняющимся тоном:

– Готовы, сержант?

Хардиндж кивнул. Затем поправил капюшон, включил фонарь и спустился на две ступени, которые вели из комнаты в сад.

Олджи смотрел, как полицейский в форменном облачении идет через незасаженные клумбы к подобию убежища под деревьями вне мощеной дорожки.

Хардиндж развернулся и подал сигнал.

Лоуренс махнул рукой в ответ. Рассеянно отметив, что проливной дождь уже смывает следы сержанта, он отступил назад, закрыл окна и надежно запер их.

Роджер раздраженно сказал:

– Все это очень глупо. К полуночи он промокнет до нитки.

Лоуренс пожал плечами:

– Он проследит, чтобы никакой злоумышленник не приблизился к дому.

Его пальцы машинально дотронулись до раны на лбу.

– О, очень хорошо. – Роджер налил себе напиток, и сухо добавил: – Я не ожидаю штурма.

Лоуренс закрыл шторы и спокойно сказал:

– Вы здесь в безопасности. Стоит только крикнуть.

– Мы услышим тебя! – нетерпеливо вставил Питер.

Роджер посмотрел на брата со смесью любви и раздражения. Однако не стал отвечать.

Лоуренс вновь пристально оглядел комнату. Чувствуя себя немного глупо, он наклонился и посмотрел под столом.

Не обращая внимания на смех Роджера, он дружелюбно заметил:

– Вы здесь совершенно один.

Он повернулся к Питеру:

– А теперь мы пойдем.

Рот Питера задрожал. Он повернулся к брату, словно хотел напоследок его обнять, но позволил рукам беспомощно повиснуть.

Роджер улыбнулся ему и весело сказал:

– Не будь ослом. А теперь я скажу тост.

Схватив бокал, он поднял его:

– За тень старого Тома Кверрина! Дьявол его заberi!

Питер резко втянул воздух.

Лоуренс спокойно сказал.

– Удачи вам.

Он подумал, чего же больше в этом мужчине: страха или бравлады?

Роджер осушил бокал и вновь рассмеялся, хотя несколько натянуто.

– Тот ключ все еще у вас? – спросил Олджи Лоуренс.

– Естественно. – Роджер достал из кармана цепочку и показал им яркий новый металлический ключ. Лоуренс кивнул.

– Хорошо. – Он подал знак Питеру, который тихо вышел через дверной проем.

Лоуренс подошел к каминной полке и взял подсвечник. Его глаза на мгновение остановились на кинжале, висящем выше. Затем он последовал за Питером.

Роджер закрыл за ними дверь, и они услышали слабый скрежет ключа, поворачиваемого в замке.

Скрывая собственное беспокойство, молодой белокурый человек успокаивающе улыбнулся своему компаньону.

– Идем, Питер, – весело сказал он, и двинулся по проходу.

Они ненадолго остановились перед занавешенным окном.

Вручив подсвечник с тремя свечами Кверрину, Лоуренс отвел в сторону шторы и исследовал защелку. Она находилась в правильном положении, и окно было надежно заперто.

Олджи позволил шторам упасть на место, и двое мужчин продолжили свой путь вдоль пустынного коридора.

С явным облегчением они вернулись в ярко освещенный холл.

Лоуренс пробормотал:

– Ничто не мешает нам ждать с удобствами.

Им предоставили мягкие кресла, и Олджи пододвинул одно поближе к началу прохода. Питер, однако, казался более занят своей обязанностью стражника. Он оставил открытой одну из двойных дверей и отодвинул в сторону тяжелые шторы. Затем, пододвинув другой стул к темному прямоугольнику входа, он уселся.

Лоуренс усмехнулся:

– Вы не много увидите оттуда. Тут темно, как в преисподней.

– По крайней мере, я смогу услышать если что-нибудь пойдет не так, – с дрожью ответил Питер.

– Ничего не будет, я вам обещаю.

И они принялись спокойно ждать.

Без двадцати двенадцать дождь прекратился к большому удовольствию сержанта Хардинджа. Как сказал он позже Лоуренсу: «Было совсем невесело ждать на таком ливне. Кроме того, когда луна вышла из-за облаков, мне намного лучше стал виден дом».

В доме Олджи Лоуренс поглядел на наручные часы, расправил затекшие ноги и подавил зевок.

Позади него лежал короткий проход, ведущий из главного холла к боковой двери, которая, как и любой вход в дом, была надежно заперта изнутри. Справа от него шла широкая лестница, слева вплотную был вход в коридор: он мог протянуть руку и коснуться полуотдернутых штор.

А напротив него сидел Питер Кверрин, бледный и напряженный.

Лоуренс внимательно следил за ним. Он надеялся, что в решительный момент у того не начнется внезапного приступа истерии... Он вздохнул с облегчением, когда Питер нервно заговорил.

Болтовня, пусть и нервная, была полезным предохранительным клапаном – он сочувственно слушал, вставляя тут и там какое-нибудь слово.

По мере того, как стрелки часов ползли к полуночи, Питер говорил все громче и громче... а затем внезапно остановился.

С несчастным видом он пожаловался:

– Бесполезно, Лоуренс. Я... я больше не могу этого выдержать.

Олджи пробормотал что-то успокаивающее и быстро глянул на наручные часы. Было без четырех минут двенадцать.

Он спокойно констатировал:

– Скоро все это закончится.

Питер возразил с отчаянным спокойствием:

– Почти полночь. Мы не можем оставаться здесь... *Я должен быть ближе к Роджеру.*

Олджи задумался. Что ж, по крайней мере, вреда не будет... Внезапно приняв решение, он сказал:

– Хорошо, зажигайте свечи.

Кверрин схватил подсвечник с тремя свечами и коснулся пламенем фитилей. Бросив обгоревшую спичку, он с надеждой посмотрел на Лоуренса.

– Идите первым, – сказал Олджи.

Он последовал за Питером во мрак прохода и несколько секунд моргал. Затем его глаза привыкли к темноте, и они осторожно двинулись дальше.

Крошечный огонь чуть отгонял темноту, но никак не мог рассеять подавленность, вызываемую старым домом. Лоуренс устался на холодные, обшитые панелями стены и почувствовал дрожь.

Он поглядел вокруг и вверх. Коридор был пуст.

– Идем, – пробормотал он.

Когда они дошли до закрытого шторами окна, он замедлил шаг и остановился.

– Можем лишний раз убедиться, – спокойно сказал он.

Питер, который был ближе к раме, быстро кивнул и, отдав подсвечник Олджи, повернулся к нему спиной и взялся руками за шторы. Сделав шаг в сторону, он отвел шторы для Лоуренса, и светловолосый молодой человек мог видеть, что защелка все еще была в запертом положении, а окно надежно закрыто.

Олджи заметил, что луна свободна от облаков, а затем отвлекся более близким видением – своего собственного отражения, гротескно смотрящего из стекла. Он поспешно отвернулся.

Питер позволил шторам вновь сомкнуться и последовал за Лоуренсом вдоль коридора.

Когда компаньон догнал его, Олджи повернул голову.

– В чем дело? – спросил он.

– Двенадцать часов, – сказал Кверрин, и губы его дрожали.

Лоуренс глубокомысленно смотрел на него. Возможно, его вопрос был бестактным, но он просто хотел нарушить тишину.

Они находились очень близко к комнате, и не было больше ни звука. Еще несколько секунд...

И тогда они слышали крик.

Он был высоким, нечленораздельным и задавленным.

Было что-то совершенно дикое в этом злом полузадушенном звуке. Он шел из темноты как призрак.

Его эхо все еще звучало в их ушах.

И тогда Питер закричал высоким резким голосом:

– Роджер...

Он побежал вперед, дико бросился на тяжелые двери и отскочил назад, держась за плечо.

Лоуренс протиснулся к дверям и сильно дернул ручку. Замок выдержал.

Питер повернул к компаньону бледное умоляющее лицо.

– Ради Бога, – шептал он. – Сделайте что-нибудь... Быстро!

Лоуренс передал ему подсвечник. Поскольку пальцы Питера дико тряслись, свет свечей так же дико дрожал и мерцал.

– Не позволяйте ему уйти, – сказал Олджи сквозь зубы. Он достал автоматический пистолет и рукояткой постучал по деревянной панели.

– Кверрин!

Никакого ответа.

– Кверрин! – снова закричал Лоуренс. – Если вы меня слышите, отойдите подальше от двери!

Он снял оружие с предохранителя и направил на дверь.

Он выстрелил: один раз, второй, третий. Звук оглушительным эхом гремел в проходе, пули впивались в место замка, а гильзы глухо падали на ковер.

Затем Лоуренс всем своим весом навалился на дверь, она затрещала, и он ввалился в комнату.

Не было никакого света, кроме как от догорающего огня в камине. Все же, когда Питер подошел к дверному проему и поднял повыше свечи, мужчины ясно увидели весь ужас.

Что-то мучительно ползло по полу. Затем оно приподнялось, опираясь на колени.

Питер издал полузадушенный крик:

– Роджер...

Глаза Роджера Кверрина блестели, как стекло, отражая крошечное пламя.

Затем он захрипел, упал лицом вниз и замер неподвижно.

За плечами, как ужасный нарост, торчала ручка кинжала.

В комнате больше никого не было. Лоуренс увидел это сразу.

Он сказал с замогильным спокойствием:

– Питер. Стойте, где стоите, – и добавил, наполовину про себя: – Нам нужно больше света.

Он подошел к столу, все еще держа пистолет и не спуская глаз с неподвижного тела около ног.

Чиркнул спичкой – слабый звук показался неестественно громким в тихой комнате – и выпустил фитиль масляной лампы.

Когда она вновь пробудилась к жизни, каждая деталь этой странной сцены проявилась с безжалостной четкостью.

Лоуренс быстро осмотрел стол и заглянул за двери.

Затем он опустился на одно колено около лежащего человека, осторожно коснулся щеки и, без особых надежд, проверил пульс.

Он встал и глухо объявил:

– Мне жаль, Питер. Но ваш брат мертв.

Губы Кверрина разошлись, и он пронзительно закричал.

Лоуренс подошел к нему и залепил звонкую пощечину.

Голова Питера сильно дернулась. Затем его глаза прояснились, и он вполне нормально кивнул. Следы от пятерни Олджи ярко алели на его щеке.

– Со мной теперь все в порядке.

Лоуренс кивнул. Его пристальный взгляд быстро обещал комнату. Ничто не было нарушено, все находилось на месте. «Кроме, – тихо пробормотал он, – кинжала. Естественно». – Ножны над каминной полкой были пусты.

Он подошел к окну и потянул в сторону старомодные шторы.

Задвижки все еще были на местах, а окна заперты.

Он подавленно уставился на них. Тонкое лезвие страха прошло через сердце и мозг.

«Это невероятно...» – пробормотал он.

Пораженный внезапной мыслью, он вернулся к безжизненному телу Роджера. Встав на колени около него, он осторожно потянул за цепочку, которая шла из-под пиджака мертвеца в карман брюк.

«Дверь-то заперта, – подумал он. – Но если ключ отсутствует...»

Блестящий новый ключ сверкнул на конце цепи.

Лоуренс уставился на ключ с чувством, близким к отчаянию. Он вновь встал и повернулся к Питеру.

Кверрин все еще неподвижно стоял у дверного проема. Когда он заговорил, его голос ужасно дрожал:

– Разве мы не должны вызвать врача?

Лоуренс сказал как можно деликатнее:

– Роджеру уже никакая помощь не нужна. Но... да, кто-то должен его осмотреть. Можете позвонить, если хотите.

И тогда он подавленно осознал, что теперь все это дело переходит в ведение полиции.

Взяв масляную лампу со стола, он подошел к французским окнам и раздвинул шторы как можно шире. Затем,

держа лампу близко к лицу, свободной рукой он стал подавать сигналы.

Под деревьями вспыхнул ответный свет – фонарик Хардинджа. Затем сам сержант выступил из тени в лунный свет.

Лоуренс жестами показал, что нужно подойти, а затем поглядел на Питера Кверрина.

– Хардиндж идет к боковой двери.

Питер бесцветным тоном пролепетал:

– Она закрыта на засов. Пойду впускать его.

Он быстро вошел в проход.

Лоуренс остался один.

Джон Хардиндж стоял под деревьями, пристально глядя на дом. Он тяжело дышал, тело напряжено. Звук выстрелов, казалось, все еще эхом звучал в его ушах...

Что происходит сейчас в этой запертой и безопасной комнате?

Он нервно сунул руку в карман кителя. Вторую он держал на фонарике, подвешенном к поясу.

Он не спускал глаз с дома, глядя через полосу голой коричнево-красной земли.

Внезапно шторы, которые были уже частично отдернуты, полностью разошлись в стороны, и позади французских окон появился Олджи Лоуренс.

Он быстро и хаотично замахал. Сержант подал фонарем ответный сигнал, затем вышел из-под деревьев на мощеную дорожку.

Лоуренс делал знаки. Их значение было достаточно ясно: сержант должен идти по дорожке к боковой двери.

Хардиндж поднял руку, подтверждая, что понял, и быстро пошел вперед, задевая влажные блестящие листья кустов, свисающих на дорожку.

Когда он достиг боковой двери, то увидел, что она открыта. Это на мгновение удивило его, но затем он услышал голос Питера из холла и все понял.

Кверрин склонился к телефону, его напряженный голос дрожал:

– Д-доктор? Доктор Тиссен? Пожалуйста, приезжайте быстрее...

Доктор Тиссен выполнял также обязанности полицейского хирурга, таким образом, просьба соответствовала печальным обстоятельствам.

Кто-то споткнулся на лестнице. Хардиндж поднял голову. Одри Крэйг в халате поверх пижамы испуганно глядела вниз.

– Что случилось? – прошептала она.

Джон Хардиндж гордился своей эффективностью, спокойствием и отсутствием эмоций. Но все-таки, увидев ужас на красивом лице девушки, он проникся к ней инстинктивным сочувствием. Он произнес:

– Не знаю точно мисс. – Он запнулся. – Но боюсь, что-то гадкое.

Он посмотрел на Питера Кверрина.

Губы Одри дрожали. Затем она проследила за его взглядом. Они продолжали слушать вместе.

Питер, не осознающий или не обращающий внимания на присутствующих, продолжал сбивчиво говорить в трубку.

– Мой брат... мертв...

Эти три слова, казалось, раздулись и заполнили собой весь холл, сделав его темнее.

Глаза девушки потухли и цвет внезапно исчез со щек.

Хардиндж с тревогой подумал, что она сейчас упадет в обморок.

Но она ухватила за балюстраду, удержалась и быстро побежала вниз по лестнице.

Она пронеслась мимо него с отчаянной решимостью и исчезла в темноте прохода.

– О Боже! – воскликнул потрясенный сержант. – Она не должна видеть...

Он поспешил за ней в коридор. Темнота ослепила его на мгновение, но он включил фонарик и осветил девушку ярким лучом:

– Мисс Крэйг! Пожалуйста, остановитесь!

Он споткнулся, и пятно света резко дернулось вверх.

Прежде, чем Одри смогла достигнуть комнаты, в дверном проеме появился Лоуренс и поймал ее.

Она всхлипывала и боролась:

– Дайте мне войти... Роджер! Роджер!

Ее голос постепенно становился все выше. Лоуренса просто разрывала жалость. Он чувствовал, что ее тело лихорадочно дрожит.

Он грубо крикнул:

– Одри... Замолчите!

Его резкость подействовала на нее успокаивающе, как пощечина.

Она прошептала:

– Позвольте мне увидеть его.

Олджи покачал головой и спокойно сказал:

– Лучше не надо.

Она с ужасом всматривалась в его мрачное лицо. Затем, когда он выпустил ее руки, она сделала шаг в сторону и пристально взглянула мимо него через открытую дверь.

Он попытался заслонить тело, но слишком поздно.

Ее глаза как-то странно расфокусировались, и она резко качнулась вперед. Лоуренс вновь поймал ее и увидел, что она беззвучно плачет.

Он беспомощно гладил ее плечи.

Кто-то кашлянул. Хардиндж стоял перед ним – бесформенная фигура позади яркого луча полицейского фонаря.

Лоуренс зажмурился и сказал:

– Уберите его, пожалуйста.

Сержант повиновался. Лоуренс и девушка стали черными силуэтами на фоне слабого света из комнаты у них за спиной.

Олджи тихо сказал:

– Одри, дорогая. Вы ничего не можете сделать. Пожалуйста, идите в свою комнату.

Ответом было рыдание.

Сержант неловко пошевелился. Конечно, девушка заслуживает жалости, но он не мог забыть, что является полицейским. У него имеются свои обязанности, и он не должен рисковать быть обвиненным начальством в медлительности.

Лоуренс все еще успокаивал плачущую девушку, когда из тьмы внезапно выдвинулась другая фигура. Это был Питер.

Олджи с облегчением повернулся к нему:

– Питер, уведите Одри, будьте хорошим парнем.

Что-то заклокотало в горле Кверрина – возможно, это был знак согласия.

– Доктор скоро приедет, – сказал он бесцветным тоном. – Я... я...

Он замолчал и повел девушку по коридору. Лоуренс с облегчением подумал, что, по крайней мере, к Питеру вернулось самообладание.

Хардиндж хмуро посмотрел на него и сказал:

– Девушке нужен кто-то, кто поможет. Возможно, родственник... Где ее дядя?

– Все еще погружен в пьяную дремоту, наверное, – ответил Лоуренс с неуместным легкомыслием. Он с безразличием отбросил мысли о существовании Рассела Крэйга.

Олджи вернулся назад в комнату. Хардиндж последовал за ним через дверной проем. Он смотрел на тело равнодушными, профессиональными глазами полицейского.

С неумышленной грубостью сержант спросил:

– Он мертв, конечно?

– Боюсь, что да.

– Я услышал крик, а затем выстрелы...

Лоуренс указал на дверь:

– Комната была заперта. Мне пришлось взломать дверь.

Хардиндж осмотрел разбитый замок. Пули прошли через дверь под углом и вошли в стену.

Взгляд сержанта переместился от замка к цепочке для ключей, лежащей на ковре, затем на Лоуренса, стоящего в стороне, на отдернутые шторы французских окон.

Хардиндж строго сказал:

– Вы ничего не должны были касаться, сэр. Теперь, это дело полиции.

Лоуренс вновь почувствовал себя любителем. Он извинился.

– Но, – добавил он в свою защиту, – я едва ли нарушил улики.

Сержант улыбнулся:

– Неважно, сэр. Так или иначе, – признал он, – вы вынуждены были раздвинуть шторы, чтобы подать мне сигнал.

Он подошел к окнам и осмотрел задвижки.

– Здесь ничего не тронут, – пробормотал он. – Это очевидно... Что произошло, сэр? Как убийца прошел мимо вас?

Олджи невесело рассмеялся и сухо сказал:

– Он не проходил.

Сержант внимательно посмотрел на него:

– Вы имеете в виду, вы его схватили?

– Я имею в виду, – спокойно сказал Лоуренс, – что его, кажется, не существует.

– Вы же знаете, это не имеет смысла? – терпеливо возразил Хардиндж.

– О, да, – молодой человек вновь рассмеялся. – Я это знаю. И все-таки, есть только два выхода из этой комнаты, а мимо нас никто не проходил.

Сержант сказал:

– Так или иначе, никто не проник через эти окна. У меня они были под постоянным наблюдением. Кроме того, на земле снаружи нет следов.

– Я верю вам, сержант, – Олджи Лоуренс горько усмехнулся. – А вы поверите мне, если я скажу, что мы с Питером постоянно несли вахту внутри и никто не прошел мимо нас в дом?

Повисло молчание, а затем Хардиндж категорически заявил:

– Это невозможно!

– О, да... Это невозможно, – повторил Лоуренс, – но это произошло.

Сержант резко сказал:

– Я обязан сообщить своему инспектору.

– Я сказал бы, – заметил Лоуренс, – что это уровень главного констебля.

– Возможно. Но не мне судить.

– Прежде, чем вы пойдете, – внезапно воскликнул Олджи, – могу я позаимствовать ваш фонарик?

– Если хотите. – Хардиндж снял фонарик с пояса, а затем с любопытством наблюдал, как молодой человек взял его и подошел к камину, в котором остались лишь красноватые угольки.

Лоуренс присел на корточки. «Последний шанс», – бросил он через плечо и направил луч лампы вверх в дымоход.

Затем встал и мрачно констатировал:

– И кошке не пролезть!

Хардиндж обвел глазами комнату.

– Должен быть еще выход. – добавил он с недовольным видом: – Должен быть!

– Секретная панель? – Лоуренс покачал головой. – Нет, сержант. Такого простого решения здесь не будет.

– Тогда... – Хардиндж ломал голову над приемлемой версией: – Какое-то приспособление...

– Нет. – уверенно возразил Лоуренс. – Я уже смотрел. Хотя, с вашего разрешения, продолжу поиски.

Сержант кивнул и пошел к телефону.

Вновь оставшись один, Лоуренс беспокойно стал обходить комнату.

Он больше ни к чему не прикасался. Скоро здесь будут специалисты по отпечаткам пальцев...

Его просто бесила эта тайна. Сколько не пытался, он не мог обнаружить брешь в защите. Если только...

В душу закрался страх.

Если преступление совершил не человек!

Он выпрямился, взял пистолет со стола, куда положил его, зажигая масляную лампу. От ощущения в руке тяжелой рукоятки спокойнее не стало.

Он громко прошептал:

– Я не верю в тебя, Том Кверрин...

Ответом была тишина.

4

Доктор Тиссен выпрямился и резко сказал:

– Ну, вот и всё! – Он поглядел на сержанта Хардинджа. – Хотите технические детали?

– Не сейчас, доктор. Спасибо.

– Не за что, – добродушно проворчал пухленький маленький человечек. – Сомневаюсь, что вы бы их поняли, так или иначе... ну, он мертв. Пока я не сделал вскрытия, многого не скажешь... Мертв в течение получаса.

Лоуренс вежливо сказал:

– Мы это знаем. Я был с ним, когда он умер.

– В самом деле? – Тиссен глубокомысленно посмотрел на него. – Не вы, случайно, его убили?

– Нет, – Лоуренс понял, что это объяснение звучит едва ли менее фантастично, чем правда (Что бы она ни значила, сказал он себе). Он решительно перестал думать о сверхъестественном.

– Ладно. – Тиссен равнодушно посмотрел вниз на предмет, который когда-то был человеком. – Про эту комнату имеется история, не так ли? Но, – закончил он с отвращением, – я не верю в чудеса. Даже темные... Где можно вымыть руки?

Лоуренс подошел к дверному проему и позвал в темноту:

– Питер!

В комнату вошел Кверрин.

Лоуренс попросил извиняющимся тоном:

– Вы не проводите доктора в ванную?

Они вышли. Питер старался не смотреть на брата.

Хардиндж и Лоуренс молча поглядели друг на друга. Сказать было нечего.

Сержант откашлялся:

– Здесь скоро будет инспектор Хэзлитт. Я хотел бы, чтобы его встретили вы. – И добавил очевидный комментарий. – Я должен оставаться здесь.

Лоуренс без обиды кивнул. Делом руководил сержант, пока не прибыли его начальники.

– Хорошо. Я подожду в холле.

Он едва успел войти в коридор, как услышал звук шин, хрустящих по гравиию.

Лоуренс подошел к двери, повозился с цепочкой и распахнул дверь.

Из полицейской машины вышло трое мужчин и направились к нему. Впереди шел инспектор в форме, худощавый и с острым взглядом.

Лоуренс представился. Если инспектор и знал репутацию светловолосого молодого человека, он никак этого не показал.

– Хэзлитт, полиция графства, – кисло буркнул он, представляясь. Он показал большим пальцем на своих спутников. – Садлоу, полегче с фотоаппаратом! Дрейкотт, займитесь отпечатками. – Он повернулся к Олджи.

– А теперь, мистер... э-э... гм?

– Лоуренс.

– Мистер Лоуренс. Прошу, ведите нас.

На площадке лестницы выше них появился доктор Тиссен:

– Привет, Хэзлитт! Отправите тело в мертвецкую, когда сможете, хорошо? Я уезжаю.

– Минутку, доктор. Я захочу задать вам вопросы.

– Черта с два! – Тиссен энергично тер руки полотенцем. – Оставьте свои проклятые вопросы до утра... И не говорите мне, что уже за полночь. Я не в настроении спорить о мелочах.

Он вернулся в ванную.

Инспектор раздраженно что-то проворчал и пошел за Лоуренсом в проход.

Хардиндж вытянулся и отсалютовал начальнику, как только тот вошел.

Хэзлитт кивнул в ответ, затем осуждающе посмотрел на сержанта.

– Почему вы в плаще? – сухо спросил он.

Хардиндж выглядел удивленным:

– Шел дождь, сэр. А я стоял на страже снаружи.

– В самом деле? Ну, сейчас-то вы высохли. Пойдите и снимите его.

Хардиндж вышел, сохраняя бесстрастное лицо.

Лоуренс почувствовал легкий приступ гнева. Он решил, что ему не нравится инспектор, и стал ждать с извращенной радостью... Не пройдет много времени, как Хэзлитт поймет, что столкнулся с тяжелейшей проблемой в своей карьере.

Инспектор отдал приказы своим людям, затем отвел Олджи в сторону, пока Садлоу и Дрейкотт суетились вокруг тела с мелом и фотокамерой. Двое мужчин в штатском работали просто и эффективно.

Хэзлитт важно сказал:

– А теперь, мистер Лоуренс. Что вы можете сообщить мне об этом?

Олджи сделал быстрый, но полный обзор событий, приведших к преступлению. Несмотря на свою кажущуюся отрешенность, он с удовлетворением заметил, что инспектор становится все более и более недоверчивым.

– Таким образом, вы видите, как обстоят дела, – закончил Олджи.

Хэзлитт грубо спросил:

– Мистер Лоуренс. Вы дурак?

– Нет, – холодно ответил молодой человек. – А вы?

Инспектор проигнорировал вопрос. Он сухо заметил:

– Тогда вы должны быть лжецом.

Лоуренс лениво усмехнулся:

– Тогда вперед – арестуйте меня. Хотя должен предупредить вас. Все, что я рассказал, подтвердит Питер Кверрин. Мы были вместе каждую секунду с тех пор, как оставили его брата в этой комнате.

Хэзлитт холодно уставился на него. Затем повернулся к своим помощникам:

– Садлоу, исследуйте каждый дюйм этих стен на предмет тайного хода. И не забудьте пол и потолок... Мы решим эту чертову галиматью раз и навсегда.

Хардиндж вернулся и спокойно встал у двери. Инспектор обратился к нему:

– Через минуту я расспрошу вас.

Ярко сверкнула фотовспышка, когда Садлоу навел фотокамеру для заключительного снимка жертвы. Хэзлитт прорычал:

– Разве я не предупреждал вас... О, ладно. Закончите сначала свои снимки. И сфотографируйте задвижки на тех французских окнах. – Он посмотрел на разрушенную дверь. – И это. – Он обратился к Лоуренсу: – Это вы учинили такую бойню с замком?

– У меня не было с собой отмычки.

Глаза инспектора никак не были дружественными. Он повернул голову:

– Дрейкотт, пробегитесь по всей комнате на предмет отпечатков. И исследуйте эту цепочку для ключей. Похоже, она вывалилась во время борьбы.

Лоуренс покачал головой:

– Нет, инспектор. – Он кратко объяснил.

Хэзлитт рассердился, но никак это не прокомментировал. Вместо этого он подошел к Хардинджу и холодно сказал:

– Никто не должен портить улики. Вы должны были остановить его, сержант.

Олджи взорвался:

– Сержант все еще был снаружи в саду!

Инспектор не обратил на него внимания и продолжил:

– Вы, кажется, не слишком помогаете, Хардиндж. Вы вообще не должны были здесь находиться. И затем, – он заговорил немного громче, – человек убит, а вы позволяете его убийце убежать, не пошевелив и пальцем, чтобы остановить его.

Глаза Хардинджа помертвели, но больше он никак не выказал своего негодования.

Лоуренса восхитило его самообладание. Он встал на защиту своего союзника и тихо сказал:

– Какое это имеет значение? Все доказывает, что этот убийца может проходить прямо сквозь стены из кирпича и штукатурки, – в какую камеру вы бы его заключили?

Хэзлитт покраснел:

– Ваша история фантастична...

– Но это правда. Знаете, – продолжал Лоуренс, которому все это начинало нравиться, – я с нетерпением жду дознания. Я могу уже сейчас представить вердикт присяжных. Они вынесут вердикт: убийство неизвестным человеком или призраком.

С сердитым восклицанием инспектор отвернулся, бросив через плечо:

– Призрак не оставляет отпечатков пальцев. Но держу пари, что здесь мы найдем множество. Дрейкотт!

Дрейкотт, который уже принялся за работу с распылителем, приподнялся на корточках и стал терпеливо слушать.

– Проверьте все поверхности в этой комнате. Так или иначе, мы собираемся объяснить каждый отпечаток... должны быть ценные следы... если, конечно, мистер Лоуренс не разрушил их все, – добавил Хэзлитт со слабой усмешкой.

– Я оставил вам несколько поиграть, – спокойно парировал молодой человек.

Инспектор потерял самообладание:

– Кто сообщил об этом преступлении полиции?

– Питер Кверрин, сэр, – ответил Хардиндж и добавил: – Я подумал, что должен оставаться около тела.

– Вы? – Хэзлитту удалось сделать так, что это звучало обвинением. – Думаю, я должен допросить этого молодого человека. Послушаем, что он нам скажет.

– Обращайтесь с ним нежно, инспектор, – весело сказал Олджи. – Он – мое алиби!

Хэзлитт продолжал, не обращая внимания:

– Сержант, я хочу допросить всех в доме. Соберите их вместе – да, поместите их в гостиной, она подойдет, и я поговорю с ними позже. – Он посмотрел на Олджи и улыбнулся. – О, да, – добавил он тихо, – проследите, чтобы у мистера Лоуренса не было никакой возможности переговорить с мистером Питером Кверрином.

Олджи улыбнулся, хотя и криво. Это было внове – почувствовать, что оказался подозреваемым.

Хэзлитт собрался было отпустить сержанта, но затем отозвал его, чтобы задать вопросы.

Лоуренс равнодушно слушал лающий голос инспектора и басовитые ответы Хардинджа. Как он и ожидал, рапорт сержанта был полностью отрицателен: он не видел и не слышал ничего подозрительного до самого крика, а выстрелы прозвучали в охраняемой комнате. Никто не приближался к дому и не выходил из него.

Позже, когда двое мужчин шагали по коридору, Олджи пробормотал:

– У вас могут быть трудности со своим инспектором. Он ведет себя, словно не верит вашему рассказу.

Хардиндж мрачно усмехнулся:

– Едва ли можно его винить. Это совершенно невероятное дело. К счастью, – и он вновь усмехнулся, – мои слова уже подтверждены. Или будут подтверждены, когда инспектор взглянет снаружи.

– Как это?

Сержант ответил вопросом на вопрос:

– Вы заметили, когда сегодня вечером дождь прекратился?

– Чуть раньше двенадцати.

– Без двадцати минут, – сказал Хардиндж. – К моему облегчению. Это не шутка – ждать на таком ливне. Кроме того, когда луна показалась из-за облаков, мне стал лучше виден дом... Однако не в этом дело.

Он стал говорить медленнее, подчеркивая слова:

– Земля снаружи напоминает недавно разглаженный песок. Невозможно поставить ногу, не оставляя четких следов.

– Конечно, – кивнул Лоуренс. – И единственный подход к комнате идет по голой, незасаженной почве.

– И, – торжествуя закончил его союзник, – нет никаких следов на земле под окнами.

– Что ж, это убедительное доказательство, – глубоко-мысленно согласился Олджи. – Наш убийца не шел тем путем. Хотя, – добавил он со злой усмешкой, – так как мы уже наделили его способностью проходить сквозь кирпичные стены, мы с тем же успехом могли бы предположить, что он невидим и легче воздуха.

Сержант не засмеялся, а серьезно сказал:

– Где-то тут обман. – Он сделал паузу. – Должен быть.

– Да, – сказал Лоуренс. – Но держу пари, инспектор не сможет его обнаружить.

Они остановились в освещенном холле. Хардиндж внимательно посмотрел на своего молодого друга:

– Вы, конечно, займетесь расследованием.

Это не было вопросом.

Лоуренс в ответ поклонился:

– Да. Хотя мне не будут рады. – Он замялся, а затем медленно произнес: – Знаете, сержант, не думаю, что раскрою это дело сам.

В голубых глазах Хардинджа читался вопрос.

– Это поражение, – заметил он.

– Нет, не совсем, – ответил Олджи. Его лицо вновь приняло равнодушный и ленивый вид. Он спокойно сказал:

– У меня такое чувство, что слава за раскрытие этой тайны достанется только одному человеку. – Он усмехнулся: – Некому сержанту Хардинджу.

Джон Хардиндж не был глупым человеком. Он сразу понял значение слов Лоуренса:

– Спасибо, сэр. Но, – он замялся, – я полицейский. Я не могу вмешиваться в действия инспектора.

– Действия инспектора, будь они прокляты! – грубо воскликнул Олджи. – У меня нет никакого официального положения. Но должен же я делиться с кем-то своими теориями. И я, конечно же, не собираюсь сотрудничать с Хэзлиттом... Понимаете ведь, – продолжал он, уговаривая, – каким пером в вашей шляпе это будет, если...

– Если я объясню это убийство, – закончил Хардиндж. – Конечно. – Его глаза вспыхнули. – Я получил бы повышение.

– А возможно даже перевод, – сказал Лоуренс. – Например, в Ярд.

– Несбыточные мечты, – криво усмехнулся сержант. – О, хорошо! Увидим.

Его лицо вновь стало равнодушным и спокойным. И все-таки глаза блестели от удовольствия.

Глаза Одри Крэйг устали от слишком большого количества пролитых слез. Она невыразительно произнесла:

– Мне нечего сказать вам, инспектор. Вообще нечего.

Хэзлитт с трудом подавил раздражение:

– Ну-ну, мисс Крэйг. Вы же хотите помочь нам? – Он просмотрел заметки, которые сделал. – Вы поднялись в свою комнату в половине одиннадцатого?

– Да. Я хотела остаться, но Роджер и... и другие сказали, чтобы я не мешалась...

– Да, да. Вы больше не покидали свою комнату?

– Нет. Я легла и попыталась заснуть. – Ее рот дрожал. – Наверное, я немного задремала.

– А затем?

– Я слышала звуки... как выстрелы.

– Мой пистолет, конечно, – сказал Олджи с другого конца комнаты.

– Мистер Лоуренс! – вспыхнул инспектор. – Пожалуйста, не перебивайте... Итак, мисс Крэйг.

Голос Одри перешел на шепот:

– В течение минуты или около того я просто боялась пошевелиться. Затем встала и надела халат. – Она задрожала, но не только от холода. – Моя спальня – самая дальняя от лестницы. К тому времени, когда я достигла зала, Питер вызывал врача, а сержант вошел из сада. Тогда...

Хэзлитт не был совершенно бесчувственным. Он ласково сказал:

– Остальное мы знаем. – Он вздохнул. – Хорошо. Это все, что вы можете мне сказать?

Она молча кивнула.

– Не очень-то много, – посетовал Хэзлитт.

– Мне жаль.

Инспектор уронил карандаш. Тот ударился об освещенную солнцем столешницу с небольшим, но раздражающим звуком. Они сидели в библиотеке. Хэзлитт и его сотрудники, закончив осмотр комнаты и ближайшей территории, приступили к утомительной рутине допросов всех в доме. До сих пор их вопросы только углубляли тайну.

– Хорошо, – повторил инспектор. – Сержант, проводите мисс Крэйг в гостиную. – Он посмотрел на девушку. – Или вы предпочли бы вернуться к себе в комнату?

– Да, пожалуйста.

Олджи, который прислонился к книжным полкам, выпрямился и подошел к ней.

– С вами все хорошо? – тихо спросил он.

Краткая улыбка промелькнула в ее глазах:

– Да.

Он ободряюще сжал ее руку.

Она вновь улыбнулась, и он выпустил ее пальцы.

Дверь позади нее закрылась.

Хэзлитт откинулся в кресле с угрюмым видом.

– Вообще никакой помощи, – пробормотал он. Затем перебрал бумаги на столе перед собой и уставился на заметки по поводу показаний Питера Кверрина.

– Вот молодой Кверрин, – сказал он с раздражением. – Он говорил только о сильных неопределенных подозрениях... хотя, – признал он, – некоторые из них оправдались. Тем более жаль. Гмм... А вот та часть о Саймоне Тернере. – Он повернул голову. – Хардиндж, вы, уверен, знаете этого человека. Думаете, здесь что-то есть?

– Откровенно говоря, сэр, – ответил сержант, – нет. И сомневаюсь, верит ли в это сам мистер Питер.

– Согласен, – сказал Лоуренс. – Он просто хватается за соломинку. Старается помочь нам... но слишком старается.

– Сохрани меня Господь, – сказал Хэзлитт, – от свержающих свидетелей. – Его взгляд упал на равнодушное лицо Олджи, и инспектор добавил: – и от путающихся под ногами любителей.

Лоуренс усмехнулся. Он вернулся к полкам и провел рукой по корешкам плотно стоящих томов.

Инспектор посмотрел на Садлоу, который стенографировал допросы:

– Мне нужны расшифровки ваших стенограмм как можно скорее. Я хочу изучить их.

– Да, инспектор. – Садлоу понял, что предстоит бессонная ночь.

Хэзлитт вновь нахмурился, глядя на заметки. Возможно его раздражало, что история Кверрина настолько полно подтвердила показания Лоуренса.

Инспектор сказал:

– Это – фантастическое преступление. Такого... такого просто не могло произойти.

Лоуренс взял с полки книгу и с улыбкой посмотрел на нее.

– Полегче, – предостерег он. – Вы играете в игру, задуманную убийцей. Это убийство было запланировано умным человеком. Он завел нас в тупик, как и намеревался. Теперь мы сталкиваемся с глухими стенами невозможности... Но все равно где-нибудь имеется ответ. И я собираюсь найти его.

Инспектору потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что последнее замечание означает вызов. Он покраснел и заявил:

– Вы не думаете, что я позволю вам вмешиваться и... и вновь играть в детектива, не так ли?

– Напротив, – тихо возразил Олджи, – не вижу, как вы собираетесь остановить меня.

На лице сержанта мелькнуло подобие улыбки. Возможно, инспектор увидел ее, поскольку тут же отослал подчиненного в гостиную, чтобы привести для допроса Рассела Крэйга.

Лоуренс перевернул страницы книги в руке, скрывая усмешку. Ему показалось, что Хэзлитт выдал, что знает репутацию молодого человека.

Инспектор с трудом произнес:

– Нам нет причин ссориться. Возможно, вы сможете помочь мне.

Лоуренс никогда не отказывался от попыток подружиться. Он сказал:

– У меня есть большой багаж знаний о теории запертых комнат. Хотя, откровенно говоря, не понимаю, как это поможет в настоящий момент.

– Убийство в запертой комнате! – с отвращением повторил инспектор. В его устах эти слова походили на непристойность.

– Говорите, что хотите, – пробормотал Олджи, – но эти преступления – захватывающие загадки. – Он повернул корешок тома в сторону инспектора. – А это – книга, с которой все началось.

– Что?!

Это было скорее восклицание, чем вопрос.

Лоуренс улыбнулся:

– Вы не можете арестовать автора. Он умер в 1926 году. – В голосе проскользнуло восхищение. «Тайна Биг Боу». Написанная Израэлем Зангвиллом. Издана, – добавил он, – в Лондоне, Генри в 1892 году.

– О, – презрительно сказал Хэзлитт. – Детективный роман.

– Не смейтесь, – серьезно сказал Олджи. – Принцип – это принцип, хоть в беллетристике хоть в жизни. Запертая комната может быть фантастической, но тут все строго. Вы не можете послать убийцу в суд, не объяснив, как он вышел.

– Хорошо, – упрямо сказал инспектор. – Эта книга поможет нам?

– Нет, – сказал Лоуренс. (Нет, повторил он себе, если только не предположить, что убийца – это я. Но он мудро оставил эти мысли при себе.) – Это – очень редкое издание, 1895 год. Должно быть специальное Введение... Да, оно здесь.

Он начал читать:

Задолго до того, как книга была написана, я как-то ночью сказал себе, что никакой автор детективов никогда не убивал человека в комнате, в которую не было никакого доступа. Едва загадка была сформулирована, как тут же пришло решение, и эта идея оставалась у меня в голове, пока, несколько лет спустя – мм, ага, гм... – редактор одной популярной лондонской вечерней газеты, – снова за-

бормотал Лоуренс, – *попросил, чтобы я принес ему что-то пооригинальнее...*

– Что ж, – неуверенно сказал Хэзлитт. – Ему должно быть стыдно: давать подобные идеи преступникам...

Лоуренс вернул книгу на место не без зависти. Он искал это издание в течение многих лет.

Он поднял голову, когда открылась дверь и появился Рассел Крэйг.

Дядя Расс выглядел подавленным и раздраженным. Очевидно, он ощущал последствия вчерашнего воздействия.

Лоуренс сомневался относительно надежности показаний старого жулика. Хардинджу и так потребовалось приложить дьявольские усилия, чтобы вырвать его из сна. Дядюшка запер дверь спальни, и пришлось долго стучать.

Но, во всяком случае, сейчас Крэйг был трезв.

Сержант пересек порог позади него и встал за спиной у двери.

Хэзлитт сказал:

– Садитесь, мистер Крэйг. Вы не станете возражать, если мы возьмем ваши отпечатки пальцев? Просто для проформы.

– Тогда просто для проформы, – сказал дядя Расс, – за каким чертом вам это нужно?

Взглянув на лицо инспектора Лоуренс поспешил вмешаться.

– Видите ли, сэр, – пробормотал он, стараясь пригладить взъерошенные перья друга, – мы нашли много отпечатков пальцев и хотим идентифицировать их все. Если появится чей-то, который мы не сможем идентифицировать... тогда...

Он многозначительно оборвал фразу.

Крэйг искоса глянул на него через очки в роговой оправе. Серые волосы старого жулика были взъерошены, а бархатный халат, очевидно, завязан второпях, но все же дядюшка производил достойное впечатление.

– Хорошо, мой мальчик. Хотя, – добавил он пронизательно, – держу пари, вы не найдете ни одного моего в той комнате. Я старался по возможности не соваться туда.

Хэзлитт подал знак Дрейкотту, который с извинениями взял руку Крэйга.

Дядя Расс с интересом наблюдал, как его пальцы намазали чернилами.

Инспектор спросил:

– Вы, конечно, не верите в эту абсурдную историю с призраками?

– Не вполне. Но не думаю, что стоит рисковать со сверхъестественным.

– Роджер Кверрин не соглашался с вами в этом.

– Роджер Кверрин, – неосторожно ляпнул дядя Расс, – был упрямым ослом!

Инспектор насторожился:

– Разве вы не были с ним в хороших отношениях?

– А? – Крэйг заморгал. – О, был, конечно. Мы с ним были, – неубедительно продолжал он, – как отец и сын. – Он явно заволновался. – Вы ведь не прислушиваетесь к сплетням?

Дрейкотт выпустил его руку. Дядя Расс стал нервно сжимать пальцы.

Хэзлитт ласково поинтересовался:

– Чьим сплетням, мистер Крэйг?

– А? О, ничьим. – Дядя Одри выглядел очень несчастным. – Вы знаете, как происходит в небольших деревеньках. И слуги, тоже. Они всегда ненадежны.

– Слуги, – повторил Хэзлитт. – Минуточку. Разве мне не говорили, что вчера вечером вы выпивали с дворецким?

– Правильно, – понуро признал Крэйг. – Выпивал.

Лоуренс наблюдал его смущение с сочувственной усмешкой.

– А затем, – безжалостно продолжал Хэзлитт, – вам помогли пройти в вашу комнату.

– Мое предложение участвовать в охране, – с достоинством объявил Крэйг, – было отклонено. Поэтому я ушел.

Инспектор, чье поведение сейчас напоминало собаку, играющую с вкусной косточкой, неохотно отступил.

Его вопросы дали немного или вообще ничего, имеющего значение. Рассел Крэйг сказал, что, оставшись один в комнате, сразу же заснул и ничего не слышал, пока его не разбудили ужасные удары в дверь.

Наконец, инспектор, тяжело вздохнув, отпустил его.

Когда дверь закрылась, он произнес:

– Черт бы побрал это дело! Все свидетели одинаковы. – Он постучал ногтем большого пальца по кончику карандаша. – Или они вообще ничего не знают, или клянутся в чем-то, что совершенно невозможно. – Лицо его было наполовину сердитым, наполовину улыбающимся.

Он вновь вздохнул.

– Ну да ладно. Давайте повидаем дворецкого.

Джексен оказался мужчиной хлипкого сложения и с серьезным лицом.

Он заявил:

– Нет, сэр. Я ничего не слышал. И, уверен, никто из остальных.

На лице инспектора явно было написано: «Я это знал!»

– Да, да, – подхватил он. – Я знаю, что комнаты слуг более или менее удалены от остальной части дома. Но, конечно, *хоть что-то* вы слышали?

– Нет, сэр, – заверил Джексен. После небольшой паузы он продолжил: – Мистер Кверрин – мистер *Роджер* Кверрин, – подчеркнул он, – дал нам строгие инструкции удалиться спать пораньше. Он особо подчеркнул, что никто не должен *шнырять*, – он произнес это слово с отвращением, – около комнаты в конце прохода.

Хэзлитт что-то пробормотал сквозь зубы.

– Ладно. Вы все были в своих кроватях. И, вероятно, головы накрыты одеялом.

Лоуренс подумал, что прислуга Роджера выказала даже меньше инициативы, чем у старого Тома Кверрина, однако в отличие от инспектора он чувствовал, что их едва ли можно винить. Роджер так стремился убрать их с дороги. Олджи задавался вопросом, станет ли Хэзлитт копаться в грешках Рассела Крэйга.

Словно услышав его, инспектор спросил:

– Нам сказали, что вы с Расселом Крэйгом выпивали вместе вчера вечером. Это правда?

Губы дворецкого скривились в слабой улыбке.

– Да, сэр.

– Это обычное дело?

– Едва ли, сэр. Хотя мы с мистером Крэйгом... – Он замялся. – Мистер Крэйг – очень компанейский джентльмен, сэр. А тут и повод был.

– О? Какой повод?

Джексен явно почувствовал себя не в своей тарелке:

– Довольно трудно сформулировать, сэр. Полагаю, это можно было бы назвать прощальной вечеринкой.

– Что?

Инспектор подался вперед. Джексен нервно облизнул губы.

Хэзлитт раздраженно сказал:

– Давайте, приятель. Мы ничего не слышали об этом. Прощальная вечеринка, вы сказали. Кто уезжает? Вы?

– Я? О нет, сэр. Мистер Крэйг собирался вскоре покинуть Бридли.

– Он ничего не сказал нам! – взорвался инспектор. – Он здесь со своей племянницей. И они с Кверрином должны были пожениться только через месяц. Почему старик собрался уезжать так скоро?

Джексен выглядел несчастным.

Хэзлитт не дал ему передышки.

– Давайте, приятель. Я задал вопрос.

Джексен медленно проговорил:

– Мистер Крэйг сказал мне, сэр, что это... мистер Кверрин попросил, чтобы он уехал.

– Велел ему убираться, вы имеете в виду? – На сей раз инспектор действительно удивился. – Почему?

– Это деликатное дело, сэр.

– Не сомневаюсь. К сожалению, у меня нет времени на деликатность. Почему Крэйгу велели уезжать?

Джексен был лояльным человеком, и ему нравился дядя Одри, но отвечать пришлось.

С усилием он выдавил:

– Мистер Крэйг накинулся на одну из горничных, сэр.

– Накинулся на одну из горничных? – удивленно повторил Хэзлитт. – Почему... и как?

– Знаете, сэр. – нервно пролепетал дворецкий. – Я предпочел бы, чтобы вы узнали подробности от самой персоны.

– О, очень хорошо. Сержант!

Хардинджа послали на поиски Сьюзен Йорк.

Когда она, наконец, появилась и заняла место дворецкого на стуле у стола, Лоуренс узнал красивую крутобедрую молодую горничную, которая приносила сэндвичи в его спальню. Тонкий пеньюар очень выгодно подчеркивал ее красивую фигуру, а широкая голубая лента провожающе оттеняла распущенные волосы.

Она направила на инспектора взгляд раскосых карих глаз.

Хэзлитт кашлянул:

– Вы – Сьюзен Йорк?

– Да, сэр. – Ее голос был мягким и приятным с нотками изощренности, привитыми кинофильмами.

Олджи смотрел на нее с интересом. Линия ее рта была дерзко привлекательна: он задался вопросом, разделяет ли его мнение дядя Расс.

Хэзлитт продолжал:

– Это о Расселе Крэйге... – Он сделал паузу. – Вы, конечно, его знаете?

– Да, да, сэр, – и Сьюзен импульсивно добавила: – Такой милый старичок. Если вы простите, что я так выражаюсь.

Она виновато потупилась.

Брови инспектора взлетели вверх.

– Нам сказали, что он набросился на вас.

Сьюзен вскочила на ноги.

– Ничего подобного! – с негодованием воскликнула она. – Он – прекрасный джентльмен, я надеюсь. Хотя он сделал...

Она замолчала и улыбнулась.

Инспектор явно не выглядел довольным:

– А теперь, послушайте меня, девушка. Будьте осторожны. У нас есть определенная информация, что мистер Кверрин велел ему уехать.

Сьюзен выглядела полной раскаяния.

– Я знаю, сэр. Мистер Роджер был очень строг. Я не думала, что история дойдет до его ушей, и, конечно, мне не следовало говорить... Я не хотела... не хотела, чтобы у мистера Крэйга были неприятности. Он действительно очень хороший.

– Все же он плохо обращался с вами.

– Нет, сэр. Это мог бы сделать любой джентльмен.

– Что тогда? – забеспокоился Хэзлитт. – Он поцеловал вас?

– О, нет! – В голосе Сьюзен звучало легкое сожаление.

– Ради Бога! – В голосе инспектора послышалось раздражение. – Ответьте мне, девушка. Что он сделал?

В глазах Сьюзен вспыхнули озорные искорки. Скромно потупившись, она призналась:

– Он шлепнул меня. Сильно. По нижней части.

И она аппетитно потерла полные ягодицы.

Рассел Крэйг сказал, оправдываясь:

– Это была просто шутка.

Он наглядно изобразил свой жест, но, спохватившись, опустил руку.

Лоуренса душил смех.

Дядя Расс провел по лбу носовым платком.

Он тихо произнес:

– Вы же знаете, как происходят подобные вещи. Она наклонилась, стирая пыль, и...

– Да, да, – торопливо сказал инспектор. – Не нужно вдаваться в детали. Мы хотим знать реакцию Роджера Кверрина и все.

– Роджер, – хмуро ответил Крэйг, – повел себя очень неприятно.

– Он велел вам убираться?

– Вы очень грубо выразились, инспектор. Но да, он так и сделал.

– Могу я спросить, почему вы держали это в тайне?

Крэйг возмутился:

– Какая же это тайна? Я рассказал Джексену.

– В состоянии, – осуждающе прокомментировал Хэзлитт, – глубокого алкогольного опьянения.

Крэйг прищурился:

– Инспектор, ваш допрос совсем вымотал мне нервы. Да, я не отказывал себе вчера вечером... И, откровенно говоря, мне срочно требуется грамулька.

– Вам придется подождать, мистер Крэйг. Здесь нет спиртного.

– О, – вежливо возразил старый негодяй, – однако есть. – Он повернулся к Лоуренсу. – Мой мальчик, не могли бы вы вынуть те два тома Хэвлока Эллиса...²

2 Генри Хэвлок Эллис, известный как Хэвлок Эллис (1859–1939,) – английский врач, стоявший у истоков сексологии как научной дисциплины. Его magnum opus – 7-томная энциклопедия «Исследования по психологии пола» – печаталась с 1897 по 1928 гг.

Олджи улыбнулся. Позади монументальной и славной работы психолога он обнаружил компрометирующее присутствие бутылки и стакана.

– Мой тайник, – пробормотал дядя Расс, – для чрезвычайных ситуаций.

Лоуренс налил напиток, и Крэйг с облегчением схватил стакан.

Хэзлитт стал терять терпение:

– Мистер Крэйг...

– Гмммм? О, да. – Старый жулик взял себя в руки. – Итак, инспектор, я не сказал больше никому о довольно невежливых словах Роджера, потому что, откровенно говоря, ожидал, что он передумает.

– Вы подразумеваете, что рассчитывали как-то смягчить его?

– В конце концов, – с достоинством ответил Крэйг, – он помолвлен с моей племянницей. И признаюсь, я рассчитывал, что успешное завершение вчерашнего приключения могло бы улучшить его настроение.

Фраза прозвучала довольно фальшиво.

Хэзлитт отбросил карандаш:

– Хорошо. Можете вернуться в кровать. Но помните, – предупредил он, – допросы только начинаются. Никто не уедет отсюда без моего разрешения.

– Могу заверить вас, инспектор, – ответил Рассел Крэйг, – я буду счастлив продлить свое пребывание в Кверрин-Хаусе на неопределенный срок.

– Держу пари, что он так и сделает, – прокомментировал Хэзлитт, когда дядя Расс ушел. – Лакомое местечко для старого жулика. Питеру Кверрину не удастся быстро избавиться от него.

– Вы забываете про девушку, – сказал Лоуренс. – Она не останется тут дольше, чем вынуждена.

Инспектор кивнул. Он казался усталым.

– Наверное нет. Ладно, хорошо. Теперь мы должны поговорить с остальными слугами.

– Вы извините меня, – вмешался Лоуренс, – если я не останусь их слушать.

Хэзлитт снова кивнул и устало сказал:

– Не думаю, что мы узнаем что-то полезное.

Выйдя за дверь, Лоуренс несколько секунд стоял, приклонившись спиной к стене. Усталость и что-то, напоминающее отчаяние, удержали его какое-то время, но затем он собрался и медленно пошел в гостиную.

Питер Кверрин был все еще там: сгорбившись на стуле, он смотрел на пепел догоревшего огня.

Лоуренс медленно подошел к нему и тихо сказал:

– Мне жаль, Питер.

Подобие улыбки искривило рот Кверрина:

– Наверное, так и должно было случиться. – Он нахмурил брови. – В тот момент, когда мы ворвались в комнату... Был такой ужас, какой я видел лишь во сне. Только теперь кошмар стал реальностью.

– Спокойнее, старина.

Внезапно Кверрин поднял голову:

– Лоуренс, я должен знать. Как умер мой брат?

Олджи положил руку на плечо Питера.

– Его убил человек, такой же как мы. Не призрак.

Кверрин сжал кулак, а затем вдавил его в ладонь другой руки.

– Мы не смогли спасти Роджера, – сказал он, – но, по крайней мере, мы можем отомстить за него.

– Правильно, – кивнул Олджи Лоуренс.

Но взгляд его был странно унылым.

Джон Хардиндж устало шел вдоль дорожки, удаляясь от Кверрин-Хауса. Хэзлитт с двумя помощниками уже уехал. Сержант остался, чтобы передать наблюдение над домом и его обитателями молодому розовощекому констеблю из деревни.

Теперь, наконец, Хардиндж мог вернуться в отделение. Рассвет уже окрасил небо: у него было время лишь для краткого отдыха, а затем необходимо вновь приступить к своим обязанностям.

Каждого свидетеля допросили, но не обнаружили ни одного нового факта. Хэзлитт отправился делать отчет, и теперь...

Хардиндж покачал головой. Он спрашивал себя, чем все это закончится.

Внезапно он остановился.

Его ушей достиг звук помимо собственных шагов.

Он резко спросил:

– Кто там?

В кустах что-то зашевелилось.

Хардиндж бросился вперед, отодвигая ветки одной рукой, и освещая пространство фонариком, зажатым в другой.

Свет выхватил присевшего человека с непокрытой головой. У сержанта даже дыхание перехватило:

– О Господи! Да это же...

Бродяга вскинул руку, закрывая глаза на бледном лице от слепящего света.

– Вы мне нужны, – мрачно заявил Хардиндж. – Я...

Закончить фразу он не успел. Потрепанный человек, разрываясь между страхом и яростью, бросился вперед.

Это движение застало Хардинджа врасплох.

Плечо бродяги врезалось ему в грудь, выведя его из равновесия. Он покачнулся и упал.

Падая, он отчаянно сжал руки и поймал полу пальто бродяги, сбив того с ног.

Распластавшись на теле сержанта, бродяга с силой опустил кулак в отчаянной надежде на спасение.

Хардиндж крутанулся в сторону. Удар пришелся в висок.

Оглушенный, но не потерявший сознания, сержант ударил коленом в живот противника.

Нападавший задохнулся и отвалился.

Хардиндж приподнялся. Он полез в карман в поисках полицейского свистка.

Зажав его между губами, он посылал во мрак одну трель за другой.

Лоуренс еще не дошел до своей комнаты. Он остался внизу с Питером Кверрином. Мужчины чрезвычайно устали, но оба чувствовали, что не заснут.

Кверрин в который раз сказал:

– Все это совершенно невероятно.

Они стояли в холле и спокойно беседовали. Незадолго до этого Хардиндж ушел, и у входа в длинный коридор терпеливо сидел молодой констебль.

Лоуренс пробормотал:

– Знаю, Питер. Нет ничего, что мы можем сейчас сделать. Я... что это?

Он замолчал, поскольку снаружи раздался свист Хардинджа. Констебль Шоу вскочил на ноги и закричал:

– Сержант!

Крикнув что-то, Лоуренс подбежал к двери и распахнул ее. Чуть не падая на ступеньках, трое мужчин помчались вдоль дорожки.

Бегущий первым Лоуренс миновал поворот и резко остановился.

Хардиндж стоял на коленях около неподвижного человека, растянувшегося на земле.

Сержант, пошатываясь, встал и стал отряхивать грязь и гравий с колен.

– Я рад, что вы пришли, – сказал он.

Подбежал Кверрин:

– Что случилось?

Хардиндж показал рукой:

– Я нашел этого парня в кустах около дорожки. Проклятый дурень напал на меня, когда я его позвал. Я освободился настолько, что успел свистнуть, а затем он вновь напал. Боюсь, пришлось его вырубить.

Он осторожно потер костяшки пальцев.

– Я не виню вас, – сказал Лоуренс и мрачно добавил: – Интересно, знаю ли я этого джентльмена?

Хардиндж поглядел на полоску пластыря на лбу молодого человека и улыбнулся:

– Это мы скоро узнаем, сэр. Констебль!

– Да, сержант.

– Дайте мне ваш фонарь. Мой разбился, когда мы упали.

Он взял фонарик из рук Шоу и вернулся к лежащему.

Как только луч убрал тени с неподвижного лица, Питер Кверрин удивленно воскликнул:

– Боже мой! Это же...

– Минутку, сэр. – перебил его сержант. – А теперь, мистер Лоуренс, узнаете этого человека?

– Да, – с чувством сказал Олджи. Его пальцы машинально дотронулись до раны на лбу.

– Ага! Я так и думал после вашего описания. Хотя оно было весьма туманным. – Поскольку его подозрения подтвердились, сержант выглядел довольным. – Тот ли это человек, который напал на вас?

Лоуренс кивнул:

– Мы, конечно, уже встречались. Его визитной карточкой был камень.

– Да. – Сержант мрачно улыбнулся. – Теперь официальное представление.

Он выключил свет.

– Этот человек – Саймон Тернер.

5

Полковник Джонсон был мужчиной с румяным лицом с добродушным голосом, который однако, в настоящий момент был менее сердечным, чем обычно. Полковник произнес:

– Откровенно говоря, инспектор, я не понимаю вашего интереса к этому вопросу.

Стивен Касл попытался объяснить, на чем он стоит (или вернее, сидит).

– В некотором смысле, сэр, – ответил он, – я уже вовлечен в это дело. Я был личным другом жертвы, а также ответственен за присутствие в Кверрин-Хаусе вашего главного свидетеля.

Полковник что-то глубокомысленно проворчал. Мужчины сидели в его кабинете.

– М-да. Этот парень Лоуренс. – Он просмотрел бумаги на столе. – Хэзлитт, кажется, сильно сомневается в показаниях этого молодого человека.

Старший инспектор твердо ответил:

– Лоуренс абсолютно надежен.

– Возможно. – Полковник отнюдь не был убежден. – Так или иначе, дело не в этом. Он положил руку на рапорты. Как главный констебль этого графства, я обязан поддерживать своих парней. Пока они не попросят помощи или я не увижу, что они не компетентны работать с этим делом, я не вижу причин привлекать Ярд.

«А когда надумаете, – подумал старший инспектор, – преступника уже и след простынет».

Но он не мог облечь эти чувства в слова, а кроме того, ему импонировала преданность полковника своим сотрудникам. Поэтому, подавив чувства, Касл с уважением пояснил:

– Когда я просил об этой встрече, сэр, у меня не было намерения покушаться на вашу власть. Я просто хотел привлечь ваше внимание к возможной ценности мистера Лоуренса.

– Возможной ценности? – повторил полковник Джонсон. – Погодите-ка. Я *слышал* кое-что о репутации этого молодого человека. Не он ли, кто... – он упомянул детали.

Касл кивнул.

– Правильно, сэр. Мне пришло в голову, что он мог бы быть очень полезен для полиции графства. В обычных делах от него толку мало. Но он – эксперт при решении фантастических дел.

– М-да. – Полковник задумался. – Возможно, вы правы. Я поговорю с Хэзлиттом.

– Спасибо, сэр.

Полковник задумчиво сказал:

– Теперь, когда вы втянули Ярда и протащили его неофициального представителя, может быть, вы скажете мне, чего еще хотите?

Инспектор улыбнулся.

– Я надеюсь, сэр, – учтиво ответил он, – что вы позволите мне ознакомиться с рапортами о деле на настоящий момент. Тогда, прежде чем вернуться в Лондон, я смог бы кратко обсудить дело с мистером Лоуренсом. Разговор может снять некоторые нестыковки в свидетельствах.

– Хорошо. Хотя мне кажется, – улыбнулся полковник, – вы уже и так весьма хорошо ознакомились с делом.

– Да, сэр, – сознался старший инспектор. – Мистер Лоуренс позвонил еще ночью.

– В самом деле? – рассмеялся полковник. – Таким образом, между собой вы уже все решили.

Касл попытался оправдаться, но главный констебль жестом остановил его:

– Не имеет значения. Я желаю вашему молодому другу удачи.

И добавил сардонически:

– Она ему понадобится.

Олджи Лоуренс прогуливался вдоль мощеной дорожки под деревьями. Он упорно размышлял.

Олджи, как многие величайшие детективы, считал, что чем более причудлива проблема, тем легче ее решить. И все-таки он не мог даже приблизиться к разгадке тайны смерти Роджера Кверрина.

Он криво усмехнулся. Слабое утешение – знать, что инспектор Хэзлитт также озадачен и еще менее уверен в успехе.

Он громко процитировал:

«Легкость, с какой я прихожу – пришел, если хотите, – к решению этой загадки, прямо пропорциональна тем трудностям, какие возникают перед полицией».

Он получил большое удовольствие от звучания слов Дюпена³ и задался вопросом, имеет ли он право применить их к себе.

Затем он вспомнил отвращение Рассела Крэйга к молодым людям, которые любят цитировать, и вновь усмехнулся.

Его лицо помрачнело, когда он поглядел на французские окна комнаты, в которой умер Кверрин. За стеклами деловито работали люди.

Лоуренс знал, что Хэзлитт, несмотря на собственные тщательные поиски, все еще подозревает существование

3 Арсен Дюпен – детектив из рассказов Эдгара По. Выше цитировалась фраза из рассказа «Убийство на улице Морг» в переводе Р. Гальпериной.

секретного хода. Таким образом, команда экспертов принялась за работу, исследуя каждый дюйм стен, пола, и потолка. До сих пор ничего не нашли.

Лоуренс еще немного подождал. Кто-то произнес его имя.

Он повернулся и увидел Одри Крэйг. Тронутый несчастным выражением симпатичного лица девушки, он ласково поздоровался с ней.

– Приветик.

Это было то же слово, которое он произнес при их первой встрече. Казалось, это было так давно...

– Я хотела бы поговорить с вами, – с тревогой сказала она.

– Давайте.

Они пошли рядом.

– Олджи. – В первый раз она назвала его по имени. Он почувствовал крошечное удовлетворение. – Олджи, верно ли, что Саймон Тернер арестован?

– Да, это так.

Она неуверенно спросила:

– В чем его обвиняют?

– Нападение, наверное. – Он мельком взглянул на нее. – Не забывайте, он напал и на Хардинджа, и на меня.

– Да, я слышала об этом. Но я подумала, возможно...

Она не закончила предложения.

Лоуренс взял ее за руку:

– Одри, дорогая. Я не думаю, что Тернер имел какое-либо отношение... к тому, что произошло с Роджером.

– Но он, должно быть, все время бродил вокруг дома. Вы помните, я видела, как кто-то двигался среди кустов вчера днем...

– Да. Но Одри, вы забыли одну вещь. Вчера вечером сержант был на страже. Если бы Тернер приблизился к Роджеру между одиннадцатью и двенадцатью часами, то Хардиндж скрутил бы его на месте.

– Если бы старик приблизился к нему из сада, то да, – волновалась Одри. – Но предположим, что старому Саймону удалось тайно проникнуть в дом раньше вечером?

– После того, как меня нокаутировали, – напомнил ей Лоуренс, – все двери и окна были заперты изнутри. На первом этаже, по крайней мере. И, так или иначе, – закончил он, – я сам стоял на страже у входа в проход.

– Все равно, – не унималась Одри, – кто-то добрался... и убил... его.

– Правильно, – согласился Олджи Лоуренс. Его голос звучал устало и горько.

Одри быстро взглянула на него и положила свою руку поверх его:

– Я не хотела упрекать вас. Вы сделали все, что могли.

– Да, я приложил все усилия. Но их оказалось недостаточно.

Они прошли несколько шагов в молчании. Затем Одри предприняла храбрую попытку сменить тему:

– Дядя Расс снова опозорился.

Олджи улыбнулся:

– Он просто ответил на очарование Сьюзен в своем собственном неподражаемом стиле.

К его удовольствию, Одри рассмеялась.

– Наверное, мы едва ли можем его винить.

– Нет. Она – миловидная девица.

– Она – распутница, – заклеимила ее Одри с женской жестокостью. Затем улыбнулась:

– Но мне она нравится.

– Как и дяде Рассу.

Привязанность и смех в ее серо-зеленых глазах боролись с горем:

– Он – старый жулик. – Ее голос дрогнул. – Но он – все, что у меня осталось теперь.

И вновь между ними стояло горе.

Внезапно девушка воскликнула:

– Вам ведь не нравился Роджер, не так ли?

– Я едва знал его, – неловко ответил Лоуренс.

– Этот ответ – просто уловка, – спокойно сказала Одри. – Нет, вы считаете его властным и упрямым. Но, Олджи, я должна сказать вам, потому что, так или иначе, это кажется важным. – Она сделала паузу, подбирая слова, которые звучали, как ей казалось, виновато и неестественно: – Для меня Роджер был сосредоточием доброты, всего замечательного и прекрасного в жизни. Он был, так или иначе, смыслом всего моего существования...

Она закончила со слезами в голосе.

– Вы никогда не поймете!

Лоуренс нежно сжал ее руку:

– Я понимаю, поверьте. – И добавил тихо: – Все мы нуждаемся в ком-то, кто нас любит.

Что-то в его тоне остановило суматоху ее собственных эмоций. Она взглянула на него, пронизывая взглядом маску вежливой лени и освещая застенчиво-романтические уголки его души.

– Надеюсь, вы скоро найдете ее... – быстро прошептала она.

– Стив!

Лоуренс произнес это имя со смесью удивления и удовольствия. Хотя он позвонил своему старому другу практически среди ночи, он едва ли ожидал, что старший инспектор появится так быстро.

Касл ковылял по дорожке по направлению к нему – котелок плотно нахлобучен на седую голову, одна рука в кармане выдавшего виды старого плаща.

После того, как девушка ушла, Лоуренс продолжил прогулку по территории. Он как раз думал о своем друге-инспекторе, когда Стив появился в открытых воротах.

Когда молодой человек окликнул его, Касл поднял свободную руку и приветственно помахал ею. Лоуренс поспешил к нему и заключил в дружеские объятия.

– Рад вас видеть!

– Еще бы, – грубовато усмехнулся Касл. – Мне пришлось дьявольски потрудиться, чтобы добраться сюда. И, – предупредил он, – я не могу остаться здесь надолго. Я добился разрешения уехать из Ярда (и потерял около пяти полноценных лет жизни, пока это делал), но должен вернуться во второй половине дня.

– Едва ли, – пробормотал Олджи, – большой отпуск.

– Тем не менее, я хорошо его использовал. У меня была беседа с полковником Джонсоном.

– Полковником...

– Главным констеблем. – Двое мужчин прошли еще несколько шагов молча. Затем инспектор менее воинственно сказал: – Ладно! Вам не нужно волноваться. Мне удалось присвоить вам полуофициальный статус. Хэзлитт не станет вас беспокоить.

– Спасибо.

Касл поглядел на безразличное лицо молодого друга и не обманулся. Он спокойно сказал:

– Послушайте, Олджи. Кверрин мертв. Поэтому просто найдите его убийцу. Это все, что сейчас от вас требуется... не обвиняйте себя в том, что произошло.

– Легко сказать!

Стив раздраженно выругался. Затем добавил более спокойно:

– Я кое-что скажу вам и только один раз, а затем вопрос закрыт. – Он сделал паузу и медленно произнес: – Невозможно не ошибаться. Нужно просто прилагать все усилия.

Лоуренс пожал плечами.

– Слабое утешение, Стив. Я все-таки позволил Кверрину умереть.

Касл спокойно возразил:

– Если вы не смогли спасти его, никто не смог бы.

Повисла пауза. Затем Лоуренс сказал: «Спасибо», – так же спокойно как раньше, но уже более легким тоном.

Когда они подошли ближе к дому, старший инспектор спросил:

– Как там молодой Питер?

– В порядке. – Олджи вспомнил момент кризиса, когда Кверрин сорвался в крик и был на грани истерики. Но все-таки после того неприятного момента брат Роджера успокоился довольно быстро.

– Я недооценил его, – пробормотал Лоуренс. – Он, кажется, не потерял головы.

Касл кивнул:

– Я не хочу его видеть, – резко бросил он и добавил: – Это не официальный визит.

– Вы приехали сюда работать, – Лоуренс не спрашивал, а констатировал факт.

Стив наклонил голову. Не было никакой потребности уточнять. Не в первый раз они считали, что полезно обсудить дело между собой.

В доме инспектор снял шляпу и осмотрелся:

– Где мы сможем поговорить?

– Давайте пойдем в библиотеку.

Касл подозрительно посмотрел на друга:

– Я не доверяю вам, когда вокруг книги.

Олджи рассмеялся:

– Я сдержусь.

Оказавшись в комнате, Стив оглядел плотно уставленные полки и бросил шляпу на стол. Он даже не пытался снять плащ. Лоуренс готов был поклялся, что он никогда не снимает плаща во время работы.

Олджи пододвинул пару мягких кресел:

– Мы можем расположиться с удобствами.

Инспектор откашлялся и начал ворчливым тоном:

– Прежде, чем мы начнем, юный Олджи, запомните вот что. Кроме нервного напряжения в попытках противостоять сопротивлению начальства, я провел последние часы, изучая почти все рапорты по делу до настоящего времени. И все это, заметьте, после того, как вы вытащили меня к телефону среди ночи. Так что, ради Бога, не читайте лекций! Я этого не выдержу!

Лоуренс изобразил свою обычную ленивую улыбку.

Старший инспектор вздохнул и достал из просторного кармана блокнот:

– Я кратко записал главные особенности дела. Хотя не представляю, как это может нам помочь.

Лоуренс устроился поудобней и изрек:

– Есть только один подход к этой проблеме. Мы оба знаем, что есть лишь несколько основных способов совершить убийство в запертых комнатах. Итак, если мы рассмотрим по очереди каждый известный принцип...

Инспектор застонал.

– ...то должны, – непреклонно продолжал Олджи, – обнаружить некую конкретную особенность, позволяющую объяснить тайну.

Касл протестующее пробормотал:

– По крайней мере, попытайтесь не отклоняться от сути.

Олджи усмехнулся и спросил:

– Вы помните дело об убийстве фокусников?

На суровом лице инспектора вспыхнула искорка интереса:

– Вы подразумеваете это странное дело в Америке приблизительно в 1938 году? Да, помню. Его вел Гомер Гэви-ган из нью-йоркского полицейского управления. Хотя, полагаю, основная слава досталась человеку, называющему себя – голос инспектора выражал явное недоверие, – «Великий Мерлини».

– Вот именно. Мерлини решил проблему, а затем описал это дело в виде романа, назвав его «Смерть из цилиндра».

дра». Он сотрудничал с Россом Хартом, и они использовали в качестве псевдонима «Клэйтон Роусон». – Лоуренс немного отклонился от темы. – До настоящего времени вышло четыре книги Роусона, хотя только три были изданы в Англии. Жаль. Все – первоклассные.

Касл нетерпеливо пошевелился.

Лоуренс быстро продолжил:

– Дело вот в чем. Мерлини посвятил бóльшую часть тринадцатой главы лекции, – Касл застонал, – об общих принципах убийства в запертой комнате. Он указал, что каждое такое преступление попадает в один из трех классов, а именно...

Старший инспектор протестующее поднял руку.

– Я читал эту книгу, – проворчал он. – И прежде, чем вы продолжите, знайте: я также хорошо изучил известную лекцию доктора Гидеона Фелла о запертой комнате в «Невидимке».

– Которая издана в США, – добавил неудержимый Олджи, – как «Три гроба»... я рад, что вы это знаете. Фелл и Джон Диксон Карр – настоящие эксперты.

Касл нахмурился:

– У меня такое чувство, что эта беседа мне не понравится. Я не могу вспомнить ни одного из этих преступлений, которое было решено официальным представителем полиции.

– О, не надо, – упрекнул его Лоуренс. – Вы забыли Эдварда Билия и Джозефа Френча.⁴ Они оба инспекторы.

Немного примиренный этим, Стив Касл перелистал блокнот. Он заметил:

4 *Эдвард Биль* – инспектор, герой серии книг Эрнста Бэзила Чарльза Торнетта, писавшего под псевдонимом Руперт Пенни.

Джозеф Френч – инспектор, действующий в романах Фримана Уиллса Крофтса.

– Это дело – полная неразбериха, поэтому начнем с третьего класса.

– Который, – мечтательно продолжил Лоуренс, – включает убийства, совершенные в комнате, которая действительно была закрыта изнутри, и из которой убийца не выходит, но прячется в ней, пока комнату не открывают извне. Он убегает, конечно, прежде чем комнату обыскивают.

– Хорошо, – сказал инспектор, – как насчет этого?

– Без шансов! – решительно заявил Олджи. – Меня на такие старые штуки не возмешь. Я был первым в комнате, где умер Кверрин. Не было никого за дверью, под столом или где-то еще – на виду или скрытно.

– Это согласуется, – признал Касл, – с показаниями молодого Питера. Он не отходил от дверного проема, пока вы не послали его, чтобы впустить в дом Хардинджа.

– Да. Даже если бы Питера там не было, я все равно уверен. Оказавшись в комнате, я был слишком внимателен, чтобы позволить кому-то сбежать.

– Мне нравится, – сардонически прокомментировал инспектор, – ваша скромность. Но я верю вам. – Он пососал огрызок карандаша, а затем стал рассеянно рисовать что-то в блокноте. – Давайте вернемся к первому классу.

– О! – Лоуренс почесал подбородок большим пальцем. – Смерть в комнате, которая действительно заперта, потому что никакого убийцы внутри не было.

– Другими словами, – добавил Касл, – убийца убивает жертву снаружи герметично запертой комнаты, – закончил он с отвращением.

– Ммм. И эта классификация включает также несчастный случай или самоубийство, которое похоже на убийство, и убийство жертвы первым человеком, который входит в комнату, – мертвец, конечно, лежит на полу совершенно безжизненно, но в действительности только усыпленный или без сознания.

– Это не сильно помогает, – сказал Стив. – Если не хотите, чтобы я арестовал вас.

Олджи улыбнулся.

– Давайте отбросим другие альтернативы.

Касл задумался:

– Это, конечно, не было самоубийством, и человек не вынимает кинжал из ножен и не ударяет себя случайно. Полагаю, вы уверены, что он был целехонек, когда вы оставили его?

– Если, – сдержанно ответил Лоуренс, – вы предполагаете, что Кверрину нанесли удар прежде, чем он вошел в комнату и запер ее... – Он засмеялся. – Думаю, мы все заметили бы кинжал у него между лопатками. Нет, Стив. когда Роджер закрывал за нами дверь, он был жив и невредим.

– Хорошо, – пробормотал Касл, – мне хочется предложить другой метод – тот, при котором убийца делает свою грязную работу снаружи, хотя кажется, что это произошло внутри...

– Кинжалы, которыми стреляют из духового ружья, и пули, которые тают в ранах, – услужливо подсказал Лоуренс.

– Да. За исключением того, – закончил инспектор, – что в этой комнате не было вообще никакого отверстия. Никаких секретных панелей – в размер ли человека или с шестипенсовик. И конечно же, этим кинжалом не стреляли через замочную скважину или глазок в двери.

– И он не влетел через дымоход, – усмехнулся Олджи.

– Знаете, – сказал Касл, – весь этот разговор о кинжалах не имеет смысла. Нож был на своем месте на стене, когда Роджер закрывал комнату, таким образом, убийца должен был снять его.

– Вы подразумеваете, что мы должны отбросить первый класс полностью?

– Не знаю, что я имею в виду, – признался старший инспектор. – Главное в преступлениях первого класса, это что двери и окна заперты самой жертвой. И мы знаем, что

именно так и произошло здесь. Роджер закрыл комнату. Тогда логично, что убийца нанес удар снаружи.

– Логика дает чушь, – грубо сказал Лоуренс. – Тот кинжал не мог покинуть ножны без чьей-то помощи. И я отказываюсь верить, что Кверрин оказался столь великодушен, что сотрудничал со своим убийцей, помогая ему устроить ловушку.

– Не берите в голову, кто ее устроил, – нетерпеливо сказал Касл. – Было ли в комнате какое-нибудь механическое устройство?

Олджи покачал головой:

– Нет. Я искал его, не забывайте. Не было ничего способного метнуть бумажный шарик, не говоря уже о кинжале.

– Да, это правда. – Инспектор казался подавленным. – Полиция графства даже исследовала мебель.

– И все еще продолжает, – подтвердил Лоуренс, улыбаясь.

– Впустую тратит время, – фыркнул Стив. – Хэзлитт все еще ищет секретный проход. Вбил себе в башку!

– Так или иначе, – улыбнулся Олджи, – это, вероятно, единственный способ для него не сойти с ума.

– Сочувствую ему... Что остается?

– Немного. Мы исчерпали почти все возможности в первом классе. Роджер явно не был жертвой тщательно продуманного обмана, такого как Руперт Пенни описал в своем блестящем «Убийстве в запертой комнате». И его не заставили заколоться самому с помощью яда, газа или какого-нибудь ужасного насекомого.

– И?

– И это все, мой друг, – сказал Лоуренс. – Мы отбросили первый и третий классы. Поэтому метод убийцы должен относиться ко второму классу.

Инспектор кивнул в знак согласия, хотя все еще не мог успокоиться.

– Вы подразумеваете, что комната только казалась запертой, потому что убийца проник через дверь или окна.

– Да. Но будьте осторожны, – предупредил Олджи. – Нас ждет большая головная боль. Эта комната была не просто заперта. Ее еще и охраняли!

Касл выругался:

– Не путайте меня, черт побери. Наше заключение: убийца был в комнате с Кверрином. Когда он заколол Роджера, то каким-то способом ушел.

– Мммм. Но как?

– Не спрашивайте меня, ради Бога. Но я скажу вам вот что. Медицинское заключение, кажется, подтверждает эту теорию. Рану Роджер не мог нанести себе сам. Кроме того, доктор обнаружил ушиб головы под волосами. Предполагается, его оглушили сзади, а затем ударили кинжалом, пока он был без сознания.

Лоуренса пробила дрожь. Внезапно он представил себе, как убийца медленно просачивается в виде дыма через прочные стены.

Он резко сказал:

– В этом и состоит чертова проблема! Как, к дьяволу, убийца попал в комнату, прежде всего?

– Он не прятался там, – спросил инспектор, – когда Роджер запирает дверь?

Лоуренс отрицательно замотал головой:

– Нет. Я убедился в этом прежде, чем мы вышли. – Он сделал паузу. – Подождите минутку. Я не осмотрел дымоход. Огонь все еще горел.

Говоря это, он понял, что все это звучит глупо.

Касл мрачно сказал:

– Можете забыть про дымоход. Его тщательно исследовали. Его не чистили много лет. Ничто не могло подняться или спуститься, не обрушив тонну сажи.

– Я посчитал его непроходимым, – пробормотал Олджи. – Рад, что вы согласны.

Касл грустно сказал:

– Мы вернулись к двери и окнам.

– Да, – согласился Лоуренс. – И что?

– О, Боже, – взорвался Стив. – Я в тупике!

– Примите аспирин, – посоветовал Олджи. – А я пока пробежусь по известным способам манипуляции с замками и задвижками. Их мало, поэтому это не займет много времени.

Стив вытер рукой лоб. Лоуренс продолжал:

– Французские окна закрыты и заперты. Теперь, в известной уловке с леской обычно используют замочную скважину или щель под дверью, чтобы запереть задвижку снаружи. Но во-первых, мы не рассматриваем дверь, и во-вторых, обе задвижки на окнах настолько тугие, что никогда не смогли бы двинуться при любом давлении извне.

Касл раздраженно проворчал:

– Согласен. Единственный другой способ манипуляции с окном состоял бы в том, чтобы выставить оконное стекло, проникнуть внутрь, запереть задвижки и вновь вставить стекло снаружи. И мы знаем, что так не произошло, потому что нигде нет свежей замазки.

– Есть еще одна возможность, – размышлял Олджи. – Кто-то мог снять петли.

– Нет, – возразил Касл. – Вы не можете этого сделать, не оставив следов. Шурупы не выкручивали.

– Тогда, – спокойно сказал Лоуренс, – я готов поклясться жизнью: те французские окна можно запереть только изнутри.

Старший инспектор нахмурился.

– Не нужно меня убеждать, чёрт возьми. Давайте рассмотрим дверь.

Лоуренс выглядел озадаченным:

– На первый взгляд с этим просто. И все же... – он замолчал. – По крайней мере, поскольку ключ не оставили в замке, мы не должны рассматривать тот тривиальный фокус, когда ключ захватывают и поворачивают снаружи плоскогубцами.

– Нет, – сказал Касл, и неосторожно добавил: – Интересно, кто первым до этого додумался?

– Фитц-Джеймс О'Брайен, – быстро ответил Лоуренс. – Он написал байку под названием «Алмазная линза», которая вышла в 1858 году... Вообще-то, – добавил он, – это не детективный роман.

– Слава Богу хоть за это, – воскликнул старший инспектор. – Я должен был подумать, прежде чем спрашивать.

Олджи усмехнулся и спросил:

– Замок на двери новый. Вы проверяли изготовителей?

– Да. – Касл вновь сверился с блокнотом. – Хотя они продают очень много замков этого типа, они никогда не дублируют комбинацию выступов и выемок. И они клянутся, что был изготовлен только один ключ, который, как мы знаем, хранился у Кверрина на цепочке с кольцом.

– Что исключает любую возможность украсть его и сделать восковой слепок. – Лоуренс потер щеку. – Так или иначе, едва ли было время изготовить дубликат. Сам замок был вставлен только вчера утром. – Он усмехнулся. – Я убит, Стив. Я знаю, как запереть дверь снаружи, а затем вернуть ключ на каминную полку с помощью лески и крюка. Но я понятия не имею, как вернуть ключ в карман мертвеца. – Он щелкнул пальцами: – Убийца воспользовался отмычкой?

Касл покачал головой:

– Когда вы стреляли в замок, то сделали из него меси-во. Но от механизма осталось достаточно, чтобы с ним могла поработать полиция. Сделали полную экспертизу...

Как вы знаете, движение отмычки оставляет следы на покрытом маслом замке. То же самое относится к покрытой парафином болванке, когда ее вставляют и поворачивают, пока она не коснется механизма. Идея, – объяснил он, хотя непонятно зачем, – состоит в том, чтобы использовать полученные метки для изготовления нового ключа. Но всегда остаются следы. Он вновь покачал головой. – Нет, Олджи. Не было *никакой отмычки и никакого дубликата. Единственный ключ, соответствующий механизму того замка*, этот тот, что находился в кармане Кверрина.

Лоуренс улыбнулся, но совсем не весело.

– Значит, не было вообще никакого способа выйти из комнаты.

Стив отчаянно спросил:

– Полагаю, дверь действительно была заперта?

Лоуренс уставился на него.

– Если, – вежливо начал он, – вы подразумеваете, что мы с Питером – такие лопухи, что по глупости поверили, будто дверь закрыта, когда она не была, то все, что я могу сказать...

– Да, да, – поспешно проворчал Касл.

Лоуренс улыбнулся:

– Я не обвиняю вас в том, что вы сомневаетесь в моих показаниях. На вашем месте я тоже сомневался бы. Но факт остается фактом: просто нет никакой возможности для обмана – отодвинутых задвижек, подмененных ключей и так далее – после того, как дверь взломали, потому что я был единственным человеком, который вошел и обыскал комнату, пока не прибыла полиция. Даже Питер оставался в дверном проеме. Он не переступал через порог.

Инспектор беспомощно развел руками:

– Возможно, мы ошибаемся, концентрируясь именно на запертой комнате. Давайте допустим «доступность» комнаты.

Лоуренс шутливо поднял брови:

– Это хороший принцип. Если не можешь решить проблему, игнорируй ее – Он сложил ладони кончиками пальцев и поудобнее уселся в кресле. – Однако, давайте пойдем по вашему пути. Во-первых, окна. Отбросим задвижки, предположим, что наш друг сержант совершенно ослеп, и поставим убийцу рядом с подоконником. И что? Как же ему удастся добраться до дорожки, не оставив следов на мягкой влажной почве клумб? Дождь прекратился за двадцать минут до того, как Роджер умер.

Инспектор почесал нос:

– Это невозможно. Там слишком далеко, чтобы прыгать, а прыжок с шестом не рассматривается.

Олджи душил смех:

– И не говорите мне о лестницах. Те клумбы настолько широки, что вам нужна была бы тридцати- или сорокафутовая лестница, чтобы надежно наклонить и прислонить ее к стене дома. И как затем убрать ее, не сходя с дорожки?

Стив шлепнул ладонью по колену.

– Ладно. Никто не уходил через окна. Вы это уже и так доказали.

– Это оставляет дверь и проход снаружи. Я сам охранял коридор. Единственный другой выход из прохода – окно в середине. Оно было заперто...

– Да, – перебил его друг, – и мы исследовали запер. Очевидно, его нельзя было запереть снаружи дома. И вновь не было никаких следов или отметок на земле между стеной дома и дорожкой.

– Кроме того, – добавил Лоуренс, – Хардиндж сказал мне, что с места, где он стоял под деревьями, он мог прекрасно видеть эту сторону дома (не забывайте, комната Роджера находится в углу), и никто туда не подходил.

– О, Боже!

Олджи продолжал:

– И единственный другой выход из прохода, двойная дверь в главный холл, находилась под моим личным непрерывным наблюдением.

– Интересно, – сказал инспектор без особой надежды, – мог ли кто-нибудь проскользнуть мимо вас, когда вы вошли в коридор.

– Ничего интересного! Я не слепой. Как и Питер. Свет от свечей был не очень силен, но его хватало. Проход был абсолютно пуст. Кроме того, вы забываете самый главный факт.

– Знаю, – печально кивнул Стив. – Вы слышали, как Роджер кричал, а вы при этом стояли перед дверью. Я... Погодите минутку! – В волнении он внезапно хлопнул ладонью по ноге.

– В чем дело?

Касл произнес, делая паузы между словами:

– Разве я не сказал вам сейчас, что Кверрин был оглушен, прежде чем ему нанесли удар? Тогда как он мог...

– Крикнуть, когда в него вонзили кинжал? – закончил вопрос Лоуренс. – Придержите лошадей, Стив. Вы не знаете, что Роджер был без сознания. Он мог на мгновение отключиться и прийти в себя, когда получил удар кинжалом. Или он мог быть лишь частично оглушен и беспомощен. В любом случае, он мог крикнуть.

– О! – Инспектор резко откинулся назад. И все же он упрямо заявил: – Все равно, этот крик мог быть фальшивкой.

Лоуренс медленно произнес:

– Я задавался вопросом, предложите ли вы эту версию. – Он задумчиво покачал головой. – Не понимаю, Стив. Вы забываете, что я обыскал эту комнату. Не было никакого записывающего устройства. Никакого граммофона, радио, телефона, диктофона – даже рупора не было. И даже если крик – фальшивка, вы все еще не объяснили, как убийца вышел из комнаты мимо охранников – тогда или раньше.

– О, хорошо. Просто появилась такая мысль. – Инспектор был мрачен и сердит. Он проворчал: – Черт побери, вы понимаете, что мы сейчас сделали? Мы устранили каждую возможность, и... и доказали, что это преступление просто невозможно было совершить!

Лоуренс начал смеяться. Затем внезапно остановился.

Стив Касл с любопытством поинтересовался:

– В чем дело?

– Я тут подумал, – ответил Лоуренс тихим и странным голосом. – Мы разобрали прекрасное дело и возложили вину на единственного возможного преступника. Но вы никогда не сможете его арестовать.

Он снова засмеялся и сказал:

– Невозможно надеть наручники на... призрака.

Олджи Лоуренс стоял на верхней ступеньке, глядя как Стив Касл идет по дорожке к воротам.

Он лениво махнул рукой на прощание, а затем вернулся в дом. Олджи на мгновение остановился около телефона, и рука его потянулась к трубке.

Сверху раздался голос:

– Пссст!

Лоуренс поглядел в ту сторону. Над перилами маячила большеносая физиономия Рассела Крэйга.

– Мой мальчик, – вежливо обратился сей джентльмен, – я хотел бы вас на пару слов.

– Хорошо.

Лоуренс поднялся по широкой лестнице. С удивлением он увидел, что площадка пуста.

Затем вновь показалась голова Крэйга с широкой улыбкой, как голова Чеширского кота из «Алисы в Стране чудес». Старый жулик высунулся из двери комнаты около верхней лестничной площадки.

– Сюда, мой мальчик.

Лоуренс последовал за дядей Рассом через открытую дверь и с интересом осмотрелся. Очевидно, это было логово Крэйга, и выглядело оно очень уютно.

Дядя Одри указал на мягкое кресло, а сам уселся на кровать.

– Вы заходили сюда вчера вечером, – пробормотал он. – Но боюсь, я был слишком сонным, чтобы пригласить вас посидеть со мной.

– Пришлось чертовски потрудиться, – согласился Олджи, – чтобы разбудить вас.

– Да. – Крэйг погладил переносицу. – Я перешел из объятий Вакха в более нежные объятия Морфея.

Лоуренс кивнул:

– Приятная комната. Вы проводите здесь много времени?

– Обычно нет, – признался его собеседник. – Но сейчас дом кажется переполненным детективами. И они все, – хмуро закончил он, – относятся ко мне неодобрительно.

Олджи засмеялся.

– Не имеет значения. Я контрабандой принесу вам книгу из библиотеки.

– Я, – сказал дядя Расс, – хорошо позаботился о чтиве.

Он указал на том, лежащий около него на кровати.

– Краффт-Эбинг, – усмехнулся Лоуренс. – Надеюсь, вы можете читать на латыни.

– Мой мальчик, – вежливо ответил Крэйг, – я никогда не осознавал преимуществ классического образования, пока не увидел *Psychopathia Sexualis*.⁵ Как бы то ни было, достаточно фривольных вопросов, – горячо сказал он. – В последнее время я использовал досуг с большей пользой.

– Как именно?

Дядя Расс выразительно заявил:

5 «Психопатия секса».

– Я искал решение тайны смерти Роджера Кверрина.

– И нашли? – Лоуренс насмешливо глядел на старого жулика. – Хотелось бы услышать.

– И услышите, мой мальчик. Но не сейчас. В любом случае, – признал Рассел Крэйг, – мой анализ еще окончательно не завершен. – Он замялся. – Есть один момент, дорогой друг. Как я понимаю, вы в какой-то степени пользуетесь, скажем так, доверием полиции? Да? Ну, тогда... – Он чуть засмутился. – Они предлагают какую-нибудь награду?

Олджи постарался скрыть улыбку:

– Боюсь, что нет.

– О! – Крэйг выглядел разочарованным. – Жаль.

Лоуренс продолжал:

– Конечно, Питер может...

– Ага! – Дядя Расс повеселел. – Питер. Да, я могу поговорить с Питером.

Лоуренс встал:

– Если это все, то я...

Его прервал стук в дверь. Когда Крэйг сказал: «Войдите», Олджи повернулся и увидел на пороге Сьюзен Йорк.

Она скромно обратилась к молодому человеку.

– Прошу прощения, сэр. Вас к телефону.

– Спасибо. – Он кивнул и улыбнулся.

Она вышла, бросив на Рассела Крэйга взгляд, полный веселья и озорства.

Дядя Расс немного покраснел.

Он заявил, оправдываясь:

– Надеюсь, что полиция больше не интересуется тем небольшим делом, касающимся Сьюзен.

– Не переживайте по этому поводу.

Крэйг продолжил апологию:

– Мне нравится погладить пару симпатичных ножек или похлопать по мягкому месту. В этом нет ничего неправильного, мой мальчик. Это естественно!

– Там было больше, чем похлопывание, – возразил Олджи.

– Но у нее такой провоцирующе-привлекательный *derrière*,⁶ – сказал Крэйг. – Шлепнуть было самое то!

Улыбка все еще играла в углах рта молодого человека, когда он поднял трубку на столе в нижнем холле.

– Лоуренс у телефона.

– Здравствуйте, сэр. Это Хардиндж.

– Здравствуйте, сержант. Я рад, что вы позвонили. Я и сам думал звонить вам.

– О! – в голосе сержанта слышалось понимание. – О Тернере?

– Да.

– Хорошо. – Хардиндж казался довольным: – Я хотел бы поговорить с вами о старом Саймоне. У меня есть надежда, что он сможет оказаться довольно полезным.

Интерес заставил молодого человека говорить быстрее:

– Конечно. Вы в отделении, полагаю? Что если я приду к вам прямо сейчас?

– Как пожелаете, сэр, – И сержант решительно заявил: – Я предпочел бы не обсуждать это по телефону.

– Понимаю.

– Тут есть еще одна вещь, сэр. – В искаженном металлическом голосе Хардинджа послышалась неуверенность.

– Да?

– Мистер Питер, сэр. Вчера вечером он достаточно ясно заявил, что подозревает Тернера в соучастии в убийстве брата...

– Да?

– Без обид, сэр, но мистер Кверрин сейчас на грани истерики. Они с Тернером...

– Не должны встречаться. – Лоуренс помог сержанту закончить. – Согласен. Не волнуйтесь. Я уберу Питера с дороги.

6 Зад (фр.)

– Мисс Крэйг могла бы помочь вам, – предложил Хардиндж.

– Мммм, – глубокомысленно промычал Олджи. – А это мысль. Ей нужна компания. Я упомяну ей об этом. Ее дядя, – он усмехнулся, – занят другим.

– Тогда жду вас, – сказал Хардиндж.

– Выхожу немедленно.

Лоуренс бросил трубку на рычаг. На мгновение он замер, празднично опираясь на прибор. В холле он был один.

Где-то наверху тихо закрылась дверь.

6

Была уже вторая половина дня, когда Олджи Лоуренс вновь вошел в отделение полиции. Парадная дверь была открыта. Светловолосый молодой человек поднялся по ступенькам и оказался в подобию коробки из трех стен.

Толкнув внутреннюю дверь с надписью «Расследования», Лоуренс вошел в комнату для допросов.

Джон Хардиндж сидел за столом, выглядя усталым и немного нервным. Увидев вошедшего, он улыбнулся:

– Здравствуйте, сэр. Я рад, что вы здесь.

– Я пришел сразу. – Лоуренс вопросительно изогнул одну бровь. Сержант ответил кратко:

– Это по поводу Саймона Тернера.

Олджи задумался. Он нащупал было свой серебряный портсигар, но затем позволил ему вновь выскользнуть из пальцев.

– Вы, конечно, задержали его? – спросил он.

– Да. – Хардиндж наклонился над столом. – Едва ли мы могли поступить иначе. Он напал на вас и он напал на меня. – Губы под щеголеватыми усами изогнулись в легкой улыбке. – Боюсь, что последнее преступление в глазах полиции выглядит более серьезным.

Лоуренс рассмеялся:

– Но даже оно – пустяк по сравнению с главным преступлением вчерашнего вечера.

Хардиндж стал серьезен.

– Согласен. И именно это, – признался он, – беспокоит меня.

Лоуренс насторожился:

– Что именно?

– У меня такое чувство, – медленно произнес сержант, – что этот Тернер знает больше, чем рассказал нам.

Лоуренс заметил:

– Хэзлитт не согласен с вами.

– Нет. Послушайте, я не обвиняю его. У меня для этого нет никаких причин. Это – всего лишь догадка.

Олджи погладил подбородок.

– Я хотел бы увидеть этого приятеля.

– О! – сказал сержант с облегчением. – Об этом-то я и подумал. Разговор поможет вам оценить его. И хорошо, что вы пришли сегодня, – добавил он. – Инспектор хочет перевезти старого Саймона подальше от деревни. Бристли – мирное местечко. Я не привык держать в наших камерах важных заключенных.

Лоуренс кивнул:

– Тогда ведите.

Хардиндж открыл дверь в задней стороне главной комнаты, и двое мужчин вышли в короткий коридор. Сержант указал на маленькую каморку по левую сторону от них.

– При необходимости мы используем ее как кабинет. А там, – указал он, – камеры.

Он позвенел ключами в руке.

Лоуренс поглядел на единственное окно, перекрытое решеткой, и по лицу его пробежала гримаса отвращения. Атмосфера подавляла его.

Перехватив его взгляд, Хардиндж весело заметил:

– Кто там ни переделывал это здание в наше отделение полиции, он имел слабость к стальным решеткам. Господи прости, даже окна в моих жилых помещениях зарешечены. Что делать при пожаре, страшно подумать. – Он улыбнулся. – Однако это неважно.

Он подошел к двери камеры Тернера и повернул ключ в замке.

Когда мужчины вошли, старый Саймон поднял голову. Он не попытался встать, а просто, прищурившись, с подозрением смотрел на них.

Лоуренс, внимательно оглядывая тощего старика, едва мог поверить, что это тот самый человек, который с такой яростью напал на него вчера вечером. Еще один взгляд показал ему, что старик крепок, а в выцветших глазах у него затаилась злоба.

Лоуренс сел на койку рядом с ним. Хардиндж встал спиной к двери и объявил, хотя этого и не требовалось:

– Это Саймон Тернер.

– Мы встречались, – мрачно заметил молодой человек. Он погладил пластырь на виске.

Тернер вновь прищурился с некоторой опаской, но ничего не сказал.

Олджи резко спросил:

– Хотите выбраться отсюда?

Страх на лице старика сменился удивлением, и взгляд стал почти насмешливым. Затем Саймон презрительно процедил:

– А что, можете устроить?

– Что ж, для начала, – медленно произнес Лоуренс, – я мог бы отказаться от обвинений против вас.

Тернер искоса посмотрел на него:

– Вы же не сделаете это просто так?

– Нет. – Лоуренс достал из кармана портсигар и вежливо спросил:

– Сигарету?

Хардиндж нахмурился, но возражать не стал. Старый Саймон взял сигарету, не выказав благодарности. Лоуренс закрыл портсигар и щелкнул зажигалкой, вмонтированной в него.

– Сначала вы должны мне помочь, – продолжал он.

– Как?

– Расскажите мне что-нибудь, что вы знаете о смерти Роджера Кверрина.

Ответом Тернера было отвратительное рычание. Он направил большой палец на сержанта:

– Спросите его. Он знает все, что я могу сказать.

– Не дерзите! – В голосе Хардинджа слышалось предупреждение. – И отвечайте на вопросы мистера Лоуренса.

Молодой человек терпеливо продолжал:

– Я никак не связан с полицией. Естественно, вы не хотите обвинять себя. Но я искренне обещаю вам, что, если вы сможете пролить какой-то свет на эту тайну, то не пожалеете.

Саймон нахмурился:

– Что заставляет вас думать, будто я что-то знаю?

– Вы бродили вокруг Кверрин-Хауса весь день, не так ли?

– Возможно и бродил. Возможно, – с горечью сказал старик, – я просто хотел увидеть, как жестоковыйный ублюдок получит то, что заслужил. Я...

– Хватит об этом, – резко перебил его Олджи. – Нас не интересуют ваши обиды. И если только вы не хотите, чтобы мы поверили, что вы приложили руку к смерти Роджера Кверрина, то лучше не оскорбляйте его в нашем присутствии.

– Мне наплевать, – мрачно заявил Саймон.

– А зря. Вы продемонстрировали, что склонны к насилию. Убийство было бы вполне в вашем стиле.

Тернер сжал кулаки. Сигарета дико дергалась между его губами:

– Да, я ударил вас! Это ваша вина. Зачем вы прыгнули на меня? Я должен был освободиться!

– Прежде всего, почему вы вообще были там?

Увядающие глаза зажглись ненавистью. Старый Саймон прошипел:

– Он отнял у меня дом. Выгнал после службы в течение всей жизни... и я ничего не мог с этим поделать. – Он беззвучно засмеялся. – Но мне и не нужно было. Следовало просто ждать. Я знал, что он не ускользнет от старого Тома. Старый Том был моим другом. Старый Том отомстил бы за меня...

Его голос упал:

– Я хотел быть там.

Тишину нарушил Хардиндж:

– Я был на страже с одиннадцати до полуночи. Вы не приближались к дому.

Тернер ослабил:

– Вы такой умный? – Он повысил голос. – Я знал, что вы будете там. Поэтому я не подходил к комнате Кверрина. Но все-таки я был на территории. И слышал крик! – закончил он с явным удовольствием.

Лоуренсу на мгновение показалось, что его сейчас стошнит:

– А затем?

Казалось, на глаза старика опустились шторы. Он уклончиво произнес:

– Я бродил вокруг. Приехала полиция. И я видел, как они увезли Кверрина.

Лоуренс поднял руку:

– Забудьте это. Что еще вы видели, когда бродили вокруг?

– Ничего! – резко бросил Тернер. – Когда полиция уехала, я тоже ушел. По крайней мере, собирался, пока... – его рот искривился, – пока сержант не поймал меня на выходе.

Саймон с силой затянулся сигаретой, затем бросил ее на пол и раздавил окурочек ботинком.

Он с насмешкой посмотрел на Лоуренса и медленно сказал:

– Я ничего не видел и не слышал.

Лоуренс смирился с поражением. Он встал:

– Тогда не ждите от меня помощи.

И вновь – то озадачивающее выражение, помимо страха и гнева.

– Идите к черту! – медленно проговорил Тернер.

Хардиндж отошел в сторону, пропуская молодого человека из камеры. Стоя в проходе, Лоуренс мельком увидел старого Саймона, печально сидящего на койке: губы что-то шепчут, а выцветшие глаза моргают, – затем дверь захлопнулась, и сержант повернул ключ в замке.

Двое мужчин вернулись в комнату для допросов.

– Что вы думаете, сэр? – спокойно спросил Хардиндж.

Он положил ключи в стол и задвинул ящик.

– Думаю, вы правы, сержант, – ответил Лоуренс. – Этот старый мошенник что-то знает.

– Рад, что вы согласны, – криво улыбнулся Хардиндж. – Один раз я в нем обманулся: помните, я сказал вам вчера вечером, что от него больше не будет никаких проблем, – поэтому опасаясь ошибиться вновь.

Лоуренс взгромоздился на стул с жесткой спинкой.

– Мы не должны подозревать его в каком-то фактическом соучастии в убийстве, – заметил он. – Он, очевидно, сам верит в истории про призраков.

Сержант кивнул:

– Он не совсем нормален. Какая-то неопределенная преступная цель заставила его бродить вокруг Кверрин-Хауса.

– Ммм. Но он мог увидеть или услышать что-то, что могло бы помочь нам. – Лоуренс потер щеку. – Если бы мы только смогли проследить его перемещения в течение того дня.

– Боюсь, это невозможно, сэр. Проливной дождь стер все следы. – Хардиндж сделал паузу. – Мы действительно нашли какие-то неясные отпечатки на земле вне дорожки, идущей вокруг здания. Однако они, вероятно, были сделаны после полуночи, когда все мы были в доме. Тер-

нер увидел, что прибыл Хэзлитт вместе со своими ребятами, поэтому подобрался настолько близко к комнате, насколько хватило смелости.

Лоуренс кивнул:

– Он хотел узнать, что в точности произошло. – Олджи выглядел сонным. – Жаль, что мы не представляем его точного местоположения во время смерти Роджера.

– Он говорит: «на территории...» – пробормотал Хардиндж.

– Но так ли это?

– Что вы имеете в виду, сэр? – В голосе сержанта прорезался интерес.

– Я задаюсь вопросом, мог ли Тернер пробраться в дом.

– После того, как вас нокаутировали, – заметил Хардиндж, – все двери и окна были заперты изнутри.

Лоуренс неохотно согласился. Это был тот факт и выражение, которое он уже высказал сам:

– Знаю. О, Боже. Я просто хожу по кругу.

Хардиндж сочувственно склонил голову.

Лоуренс с тяжелым вздохом встал:

– Могу возвращаться в Кверрин-Хаус.

Сержант последовал за ним к двери, и его голос с приятной хрипотцой громко звучал в ушах Олджи, отвлекая весьма кстати молодого человека от беспокойных раздумий.

Мужчины постояли немного в подъезде, пристально глядя вась вдоль деревенской улицы. Затем Лоуренс уловил движение позади занавешенных окон почтового отделения напротив и улыбнулся:

– Мисс Уотсон все еще на страже.

Хардиндж ответил с ироничным цинизмом:

– Этого следовало ожидать. В Бристли никогда не случилось более сенсационного дела.

– Как и у меня, – печально согласился Лоуренс.

Сержант щелкнул пальцами:

– Чуть не забыл! Ваше оружие, сэр. Я могу вернуть его вам прямо сейчас.

Так как автоматический пистолет Лоуренса до некоторой степени фигурировал в деле, полиция конфисковала его для проведения обычной проверки.

Хардиндж открыл дверь с надписью «Расследования», и они вновь вошли в отделение.

Сержант указал на дверь слева от них:

– Я оставил его в жилом помещении. Сейчас принесу.

Лоуренс присел на край стола и лениво глядел ему вслед.

Хардиндж вернулся с пистолетом в руках:

– Теперь расписку, сэр...

Олджи нацарапал свою подпись на официальном бланке и забрал пистолет.

Хардиндж уселся за столом и нерешительно спросил:

– У вас есть какая-то особая причина возвращаться в Кверрин-Хаус?

– Нет, – признался Лоуренс. – Там сейчас делать нечего.

– Тогда, – предложил сержант, – у меня есть все копии отчетов по этому делу. Хотите ознакомиться? Возможно, они дадут какой-то намек.

Олджи печально усмехнулся:

– Сомневаюсь. Мы со Стивом Каслом... Подождите секунду. Был один отчет, который мы не видели. Анализ отпечатков пальцев.

Хардиндж выдвинул ящик и достал папку. Он извлек несколько бумаг и передал их Лоуренсу.

Лоуренс поблагодарил его и сел.

Сержант вежливо сказал:

– Я предложил бы перейти в жилое помещение, но не хочу покидать комнату для допросов, поскольку у меня есть заключенный, которого требуется охранять.

– Мммм? О, неважно, мне достаточно удобно. – Лоуренс просматривал отчет. – Вы, конечно, изучили его.

– Да, – медленно ответил сержант. – От него мало пользы. Мы можем объяснить все найденные отпечатки. Там в комнате их целый букет, включая убитого, ваши собственные, мистера Питера, мисс Крэйг, слуг – на самых разных поверхностях, как и можно было бы ожидать. Мистера Роджера, конечно, самые четкие, поскольку лежат поверх других: на двери, ключе, столе, каминной полке, лампе, задвижках, ручках...

Лоуренс почти не слушал.

– Кинжал! – перебил он. – Здесь есть любопытная особенность. Рукоятка, как я вижу, вытерта дочиста.

Хардиндж выглядел озадаченным:

– И что из этого? Мы и не ожидали, что убийца будет столь любезен, чтобы оставить собственные отпечатки.

Лоуренс отчаянно жестикулировал:

– Вы упускаете суть. Если бы убийца носил перчатки, как я ожидал, то вы нашли бы на кинжале смазанные отпечатки.

– Да. Но в данном случае рукоятка кинжала была вытерта начисто – практически отполирована. Возможно, носовым платком. – Вопрос, казалось, продолжал мучить сержанта. – Я все еще не вижу здесь ничего особенного.

– Фактор времени! – воскликнул Лоуренс. – Подумайте об этом. Убийца склонился над телом жертвы и думает только о спасении. Ему требуется все мыслимое время, чтобы выполнить свой трюк с исчезновением. Дорога каждая секунда. Зачем напрасно тратить время, протирая кинжал тканью, когда намного легче заранее надеть перчатки?

Хардиндж наморщил лоб.

– Возможно, кинжал метнули, – предположил он. – Тогда убийца не касался ручки. Он держался за кончик лезвия, который вытерся автоматически, войдя в тело Кверрина.

Олджи потер щеку:

– Это не метательный нож. Вес и баланс совсем другие.

– Такая деталь едва ли имеет значение, когда все дело – полная невозможность, – резонно заметил Хардиндж.

Лоуренс почувствовал себя жалким:

– Возможно, вы правы... Были какие-нибудь отпечатки на ножнах над каминной полкой?

– Да, – ответил Хардиндж с загадочной улыбкой. – Ваши.

– Что? – Рот молодого человека широко открылся. Но он вспомнил, что брал кинжал в руки предыдущим днем, и усмехнулся: – Забудьте. – Он задумался: – Вы сказали, отпечатки Роджера были на масляной лампе. Значит, он погасил ее?

Сержант ответил не сразу:

– Не знаю. Отпечатки немного стерты, поэтому, возможно, что свет погасил убийца. Возможно, обернув пальцы носовым платком.

Лоуренс почувствовал боль в висках:

– У меня от этого голова раскалывается. Давайте сменим тему.

Хардиндж улыбнулся:

– В шесть часов меня сменит Шоу. До того нас никто не потревожит. Можно просто спокойно беседовать. Мне было бы приятно ваше общество.

Лоуренс кивнул. Он резко откинулся на стуле.

Некоторое время они отрывочно болтали. Олджи начал успокаиваться.

И где-то в закоулках его ума забрезжила новая мысль.

Их разговор прервала тяжелая поступь у подъезда снаружи. Лоуренс повернул голову и увидел бесформенное пятно позади стекол в верхней части двери с надписью «Расследования».

Затем дверь открылась, и фигура превратилась в Рассела Крэйга.

Голос дяди Расса звучал ласково:

– А, Лоуренс, мой мальчик! Я так и знал, что найду вас здесь.

– Ваша племянница сказала вам, где я?

– Гм, нет. – Крэйг сделал совершенно честное лицо: – Я... в общем, я подслушал ваш разговор по телефону с нашим другом сержантом.

Игнорируя их насмешливые взгляды, дядя Расс снял свой «хомбург», положил его на маленький шкаф для хранения документов, рядом поместил перчатки, затем повесил трость на металлическую ручку.

Он повернулся к ним, приглаживая тонкими пальцами серебристые волосы, и решительно заявил:

– Джентльмены, я решил тайну смерти Роджера Кверрина!

Хардиндж почесал подбородок:

– Инспектор будет рад это услышать.

– Но он не заплатит награду! – злорадно пробормотал Лоуренс.

Крэйг поглядел на него с укоризной:

– Мой дорогой мальчик, я не торгаш. Буду просто счастлив исполнить свой долг гражданина без вульгарного ожидания финансовой выгоды. Я...

– Да, сэр, – перебил сержант. – Но что вы хотите нам рассказать?

Крэйг не собирался спешить. Он уселся, достал из нагрудного кармана очки, протер их и водрузил роговую оправу на огромный носик:

– Теперь я начну.

– Сделайте одолжение, – вежливо подбодрил его Лоуренс.

Дядя Расс откашлялся:

– Вы должны понять, мой мальчик, что теория, которую я собираюсь представить на обсуждение, в значительной степени предварительная. Мне, возможно, понадобится помощь в виде некоторых незначительных фактов по этому делу.

Лоуренс скрыл усмешку и посмотрел на сержанта. Несмотря на официальную серьезность лица, в острых голубых глазах Хардинджа плясали веселые искорки.

Рассел Крэйг откашлялся:

– Прежде всего, крик, который вы слышали в полночь. Вам не приходило в голову, что он мог быть ненастоящим?

Лоуренс кивнул:

– Приходило. Но не вижу, как это упрощает проблему.

Крэйг бросил на него косой взгляд и глубокомысленно сказал:

– Вы признаете, что очень трудно определить местонахождение источника звука, – особенно в темноте?

– Да.

Крэйг медленно продолжал:

– С вами был еще один человек. Предположим, что крикнул он? Это не так уж трудно. Вы удерживаете губы неподвижно, пока говорите, вот так, – он продемонстрировал, – и издаете приглушенный полузадушенный крик из глубины горла.

Он испустил жуткое карканье.

Олджи рассмеялся – он просто не мог сдержаться. Когда дыхание вернулось к нему, он лениво произнес:

– Из Питера чревоушатель никакой. А если вы предполагаете, что Роджер был цел в тот момент и Питер нанес удар ему, когда вошел в комнату... ладно, теперь я могу вам сказать: Кверрин вообще не подходил к телу брата.

– О! – дядя Расс был явно разочарован, но не смутился: – Я подумал, что полезно проверить ваши реакции на эту теорию. Однако это совершенно не затрагивает мою главную гипотезу.

Сержант пробормотал что-то, больше похожее на богохульство, чем на молитву.

Крэйг нарочито проигнорировал его:

– Давайте предположим, что убийца скрывался в комнате, когда Роджер туда вошел, – пока не берите в голову, где именно.

Лоуренс открыл было рот, но снова закрыл.

Дядя Расс продолжал:

– Он появляется и нападает на Кверрина сзади. Затем, оставив мертвого Роджера на полу, гасит лампу и отпирает французские окна.

Сержанту пришла на ум сразу дюжина возражений. Но Лоуренс перехватил его взгляд и сделал знак промолчать.

Крэйг, однако, не торопился продолжать. Он облизал губы и осторожно сказал:

– У меня в горле пересохло. Полагаю, в отделении нет таких вещей, как напитки?

Хардиндж встал:

– Я приготовлю чай.

Он вышел в дверь, ведущую в жилое помещение. Дядя Расс посмотрел ему вслед без особого энтузиазма.

– Я не совсем это имел в виду, – признался он.

Лоуренс постучал костяшками пальцев по подбородку:

– Эта ваша теория. До сих пор...

– Пожалуйста, – поднял руку Крэйг, – позвольте мне закончить. Я не профессионал, – добавил он, – но это вполне может быть делом, когда зритель видит значительно большую часть игры. Вы, мой мальчик, оказались слишком близко, чтобы ясно видеть.

– Как это?

– Мой дорогой коллега, – горячо заговорил старый жулик, – вы считали, что ваши меры защиты хороши. Смерть Роджера доказала обратное, и вы отступили и приняли нелогичное решение о невозможности доступа в комнату. В качестве защитного механизма, понимаете? Я говорю это, – торопливо добавил дядя Расс, – не желая никого обидеть.

Лоуренс решил быть великодушным:

– Конечно. И я всегда готов поучиться. Продолжайте.

– Спасибо. Я подожду возвращения сержанта. – Крэйг демонстративно сложил руки на груди.

Лоуренс кивнул.

Хардиндж вернулся и бодро объявил:

– Я поставил чайник.

Крэйг хмыкнул:

– Я продолжу.

Сержант вернулся за стол, не выказывая большого интереса.

Дядя Расс продолжал:

– Как я упоминал раньше, мой анализ проблемы зависит от выхода убийцы через окно. Как же, спросите вы, в таком случае после него остались запертыми задвижки?

– Действительно, как? – повторил Олджи с улыбкой.

– Вы забыли, – упрекнул его Крэйг, – один очень важный факт. Роджер был все еще жив!

Лоуренс уставился на него:

– Вы же не предполагаете, что сам Кверрин закрыл окна после того, как ему нанесли удар?

Рассел Крэйг начал терять терпение:

– Конечно. Поставьте себя на место Роджера. Из последних сил он встает. Окна открыты, возможно, его убийца все еще стоит на ступенях снаружи. О чем первом подумает Кверрин? Защитить себя от нового нападения. Он захлопывает окна и задвигает задвижки. Затем, обессиленный, теряет сознание...

Хардиндж посчитал теорию нелепой. Кроме того, его сердили выводы, которые из нее проистекали. Неспособный больше сдерживаться, он вспыхнул:

– Вы думаете, я слепой? И как, по вашему, ваш гипотетический убийца исчез со ступеней?

Крэйг был непреклонен. Не отвечая на первый вопрос, он заявил:

– Это просто. Убийца взобрался *наверх*.

Лоуренс усмехнулся:

– Не уточните?

– Мы знаем, – продолжал дядя Расс, – что у него не было никакой возможности пересечь цветники, не оставляя следов. Очевидно, тогда его единственное спасение – это поднытаться по стене дома, пока не достигнет окна или крыши. Он, возможно, заранее привязал веревку к водостокам.

– А что, – перебил его Олджи, – с криком?

– Это, – парировал Крэйг, – был последний штрих. Предположим, что убийца достиг крыши. Он втягивает за собой веревку. Должен добавить, была почти полночь. И оставалось сделать одно. У него должен был иметься маленький микрофон...

– Что?

– Маленький микрофон с длинным проводом. Он опустил один конец вниз в дымоход...

Хардиндж громко застонал, и даже Лоуренс протестующее воскликнул:

– Стойте! А огонь?

– Мой мальчик, – упрекнул его Крэйг, – когда вы ворвались в комнату, огонь почти погас. Оставались только тлеющие угольки... Итак, убийца закричал в микрофон, и звук через динамик попал в комнату. Затем он смотал провод и вернулся в дом через окно в крыше.

Сержант, сдерживаясь, спросил:

– А имя убийцы?

– Это, – признался Крэйг, – единственное, чего я не знаю.

От дальнейших комментариев Хардинджа спас пронзительный свист пара. Он сказал: «Это чайник», – и убежал.

Дядя Расс с удовлетворением подытожил:

– Вот так, мой мальчик. А детали я оставляю вам.

Лоуренс задавался вопросом, как пощадить чувства старого жулика. Он терпеливо предложил:

– Давайте пройдемся по вашей теории шаг за шагом. – Он стал загибать пальцы. – Первое, вы говорите, что убийца скрывался где-то в комнате. Но я же обыскал ее, прежде чем вышел, и там не было никого. Роджер был совершенно один.

Затем вы хотите, чтобы мы поверили, будто Кверрин повторно закрыл окна сам. Все же обе задвижки очень тугие, и нужно приложить значительное усилие, чтобы их закрыть. Умиравший человек никогда не смог бы найти в себе такие силы.

Крэйг нахохлился:

– Тогда дверь?

– То же самое возражение. Нелогично предполагать, что смертельно раненный человек достал бы свой ключ, запер дверь, затем аккуратно положил ключ и цепочку в карман брюк... давайте вернемся к вашей первоначальной теории. Вы говорите, что убийца, убегая, поднимается по веревке на крышу (между прочим, над комнатой, где умер Роджер, нет никаких окон), но он не мог этого сделать, не оставив небольших следов. Понимаете, полицейские исследовали крышу, и они считают, что никого там не было в течение многих месяцев. Внутренняя часть слухового окна на крыше полностью затянута ненарушенной паутиной. Что касается дымохода, он настолько забит сажей, что даже просунь кто-то провод, вниз обрушились бы ее тонны.

Крэйг не выглядел убежденным. Он горячо возразил:

– По крайней мере, я дал объяснение. А это больше, чем сделала полиция.

Лоуренс усмехнулся:

– Мне кажется, их мысли уже двигались в подобном направлении. Они обыскали дом и территорию, понимаете? Нигде вообще нет никаких пригодных веревок или лестниц.

Крэйг признал поражение:

– Хорошо. Возможно, тогда мы должны подойти к проблеме под другим углом. – Дядя Расс провел пальцем вдоль своего носика. – Ищите мотив, мой мальчик. Ищите мотив!

– И это...

Крэйг отчеканил медленно и выразительно:

– Если Роджер умер без завещания, состояние Кверринов унаследует его брат.

– О, Боже. Вы говорите мне, что Питер нанес удар своему брату прежде, чем мы оставили его одного в комнате? Это безумие. Я уходил последним. Кроме того, что заставляет вас думать, что Кверрин не составил завещание, оставив деньги не брату? Это возможно.

– Конечно, мы слышали бы, если бы такой документ действительно существовал, – возразил Крэйг. – Вам следует лишь связаться с поверенным Роджера.

– Если Кверрин убил своего брата, почему он привез меня охранять его?

– Это легко, – быстро ответил дядя Расс. – Чтобы отвести подозрения.

Лоуренс засмеялся:

– Вы прочли слишком много детективных романов.

Крэйг слегка обиделся:

– Хорошо, мой мальчик. Очень хорошо. Я представлю свою первоначальную теорию надлежащим властям.

– Ради Бога, – вежливо ответил Олджи. – Но я посоветовал бы вам объяснить, почему сержант Хардиндж не видел ничего из всего этого забавного упражнения с веревками.

– Очевидно, – спокойно сказал Крэйг, – сержант видел все. И планирует шантажировать убийцу.

Как раз в этот момент Джон Хардиндж открыл дверь в жилое помещение. На мгновение шок и удивление заставили сержанта замереть.

У дяди Рассы оказалось достаточно времени, чтобы бодро продолжить:

– Мы, вероятно, обнаружим, что Хардиндж – незаконный единокровный брат Роджера или что-то в этом роде, – и тут он заметил лицо сержанта и вздрогнул.

Но помимо гнева в глазах сержанта уже запрыгали веселые искорки, когда он услышал последние утверждения Крэйга.

Дядя Расс пристально с тревогой поглядел на него.

Хардиндж поставил поднос и вручил старому жулику дымящуюся чашку.

– Я предпочел бы не подавать иск о клевете, сэр, – спокойно сказал он. – Поэтому лучше бы вам не упоминать эту часть вашей теории моему инспектору... Сахар?

Крэйг с достоинством отказался:

– Я должен удалиться. – Он взял шляпу, перчатки и палку. – Хорошего дня вам обоим.

Дверь позади него закрылась с заметным стуком.

Хардиндж слабо улыбнулся, затем поставил чашку и блюдец на поднос:

– Полагаю, следовало ожидать чего-то в этом роде. – Он выглядел усталым.

Лоуренс задал вопрос.

– Что? – Сержант задумался над ответом. – Понимаете, сэр, вы и сами находитесь почти в такой же ситуации. Наши показания по сути одинаковы. Мы оба очутились в незавидном положении и вынуждены клясться в невозможном. Неудивительно, что нам не верят.

– Ну уж, – оптимистично возразил Олджи, – не так все плохо!

– Разве? – Сержант казался подавленным. – Я был на страже, и человек умер. В глазах Хэзлитта я виновен по меньшей мере в преступной небрежности.

Лоуренс понял, что дикие инсинуации Крэйга причинили сержанту боль больше, чем он думал. Он резко воскликнул:

– Инспектор – осел!

– Он – мой начальник, – устало напомнил ему Хардиндж. – Мне, вероятно, придется уйти из полиции.

– Нет, насколько я знаю, – проворчал Олджи, выведенный из своего обычного хорошего настроения. Он склонился над столом. – Послушайте, сержант. Я собираюсь решить эту проблему... И когда я это сделаю, вся честь достанется вам.

Хардиндж покачал головой:

– Вы не должны беспокоиться обо мне, сэр.

Это был нечестный и неубедительный ответ, но, поскольку сержант понял искренность намерений молодого человека, на душе у него потеплело.

Олджи взял чашку и стал быстро пить чай:

– Мы должны работать, – заметил он. И добавил: – У меня такое чувство, что все улики, которые нам нужны для объяснения тайны, уже в наших руках...

Они уселись и стали изучать отчеты еще раз. Чай сержанта в незамечаемой им чашке около локтя постепенно остывал и становился горьким.

Без четверти шесть сержант засунул бумаги назад в папку и откинулся назад на стуле.

– Бесполезно, сэр. Мы вообще не продвинулись.

Лоуренс вместо ответа пожал плечами.

Внезапно Хардиндж улыбнулся:

– Не думайте, что я неблагодарен. Но мы оба очень устали. Сомневаюсь, достаточно ли шевелятся наши мозги.

– Возможно, вы правы. – Лоуренс рад был уйти и встал со стула. – Хотя я не смогу отключиться от проблемы полностью.

– Заспите ее, – посоветовал сержант и добавил с улыбкой: – Шоу скоро придет. Я должен проверить, все ли в порядке.

Лоуренс распрощался с Хардинджем и вышел из отделения на улицу.

Некоторое время он пристально разглядывал почтовое отделение, задаваясь вопросом, принесет ли пользу разговор с бдительной мисс Уотсон.

Затем пожал плечами и пошел дальше.

Его голова все еще болела, а очевидная безнадежность этого дела мешала мыслить ясно... Он раздраженно нахмурился.

Он должен найти ответ.

Где-то в лабиринте вопросов, анализов и отчетов лежит ключ к разгадке преступления.

Он устало прикрыл глаза. Перед мысленным взором возникли лица и машинописный текст, они кружились, переплетались как в лабиринте, а потом померкли. В ушах диким попури звучали голоса...

И он увидел его!

Тот вопрос, который сам же содержал ответ и указывал путь из лабиринта.

Он прошептал: «Как же это могло...»

Он покачнулся, и кровь запульсировала в шее.

Олджи резко привалился к стене, оглядываясь назад, но не видя входа в отделение.

Он достал из кармана серебряный портсигар и сунул в рот сигарету.

Лоуренс казался спокойным и праздным, но хотя дружелюбная неопределенность в его ленивых голубых глазах превратилась в абсолютную пустоту, перегородки в его мозгу падали одна за другой...

Хардиндж выпрямился, руки его дрожали.

Он сделал шаг назад из камеры, а затем затопал вдоль короткого коридора назад в комнату для допросов. Его громкая поступь, казалось, говорила об ужасе и панике.

– Мистер Лоуренс!

Сержант начал кричать еще до того, как достиг двери на улицу.

– Мистер Лоуренс!

Он повернул ручку и переступил порог. Стоя снаружи, он вновь закричал.

Услышав надрывный голос сержанта, Лоуренс поспешно выпрямился. Сигарета незаметно выпала из открывшегося рта.

– Мистер Лоуренс! Скорее сюда!

Олджи оттолкнулся от стены и побежал. Приблизившись к сержанту, он крепко схватил его за руку.

– Что? Что случилось?

– В камере, сэр, – через силу произнес Хардиндж. – Идемте скорей!

Лоуренс взглянул на напряженное лицо сержанта. Затем, не говоря ни слова, бросился мимо него в здание.

В проходе позади комнаты для допросов он внезапно остановился. Дверь в камеру Тернера стояла открытой. Лоуренс медленно подошел.

Старый Саймон лежал на полу около койки лицом вниз. Лоуренс опустил на колени около него.

Он осторожно поднял голову старика и заглянул в невидящие глаза. Его пробил дрожь. Тело было очень холодным.

Он встал, пристально взглянул на маленькое зарешеченное окно над койкой, а затем обернулся к открытой двери.

Из коридора появился Хардиндж.

– Я нашел его в этом положении, – глухо сказал он. Затем облизнул губы и недоверчиво прошептал: – Он мертв.

7

– Этого человека убили, – холодно констатировал Хэзлитт. Тон его звучал обвиняюще.

Олджи Лоуренс не ответил. Он чувствовал себя больным.

В каждом звуке голоса инспектора слышался едва скрываемый гнев. Он прошел через дверь из комнаты для допросов и с неприязнью уставился на них.

Лоуренс и Хардиндж ждали в квартирке сержанта. В остальном отделении Хэзлитт и его люди расследовали смерть Тернера.

Хардиндж встал. Его начальник мрачно остановил его:

– Можете сесть, сержант. Вы в этом расследовании не участвуете.

Слова прозвучали зловеще.

Лоуренс через силу спросил:

– Как умер старый Саймон?

Инспектор нахмурился:

– А вы не знаете?

– Я бы предположил, что старика задушили.

– Да, это было удушение, – признал Хэзлитт, – Но не старое доброе традиционное удушение, – добавил он.

Он подошел к ним поближе:

– Можно задушить человека разными способами. Обхватить дыхательное горло руками, тканью, проводом, даже согнутой палкой. Но здесь... – от остановился. – Здесь другое. Я покажу.

Он встал позади стула Хардинджа. Сержант вытянулся на стуле, но лицо его не дрогнуло.

Инспектор продолжал:

– Не буду объяснять подробно. Но примерно способ таков. Вы приближаетесь к жертве сзади, затем помещаете большие пальцы в ямки на шее чуть ниже ушей, вот так, – он обхватил шею Хардинджа – и сильно жмете... я не претендую, что знаю все медицинские детали. Там что-то с нервными центрами и сонной артерией.

Он опустил руки:

– Давление приводит к бессознательному состоянию, затем смерть. Быстро и надежно.

Лоуренс кивнул:

– Значит, вот как умер Тернер. Я подозревал что-то в этом роде. Вы правы насчет способа, инспектор. Это блокирует поступление крови к мозгу.

Хэзлитт иронически поклонился:

– Здесь никакой тайны. Моя работа состоит в том, чтобы найти, кто его убил.

– Нелегкая задача, – задумчиво сказал Лоуренс. Он начал понимать сложность этой, последней проблемы.

– Правильно, – мрачно согласился Хэзлитт.

Он шагнул от них, повернулся спиной и бросил через плечо:

– Мотив, средства и возможность. Вот три вещи, которые мы должны рассмотреть. Мы не знаем, почему Тернер был убит, но знаем, как он умер. – Он повернулся и встал перед ними. – Но кто убил его?

Лоуренс сглотнул и раздраженно сказал:

– Продолжайте, инспектор. Мы знаем, что у вас на уме.

Хэзлитт усмехнулся:

– Давайте сначала установим время смерти. – Он посмотрел на Лоуренса. – Вы, сэр, пришли в отделение вскоре после четырех часов.

– Да. Жаль, не могу сказать точнее.

Инспектор продолжал:

– Вы поговорили с заключенным – я сейчас не хочу это комментировать – и вышли из его камеры приблизительно десять минут спустя. Тогда, он был жив и невредим.

Олджи кивнул:

– Готов поклясться.

– Возможно и придется. Хорошо. Без семи минут шесть вы, сержант, проверили камеры прежде, чем прибыла ваша смена.

Хардиндж кивнул:

– Да, инспектор. В шесть часов меня должен был сменить констебль Шоу... Дверь камеры Тернера была открыта. Я вбежал внутрь и нашел его на полу. Он был мертв.

Хэзлитт пробормотал:

– Затем вы позвали мистера Лоуренса и позвонили Тиссену и мне. Тем временем Шоу доложил о заступлении на дежурство, – пробормотал он, – остальное мы знаем. Вот так.

Он уставился на них обоих:

– Мы установили, что Тернер умер где-то между пятнадцатью или двадцатью пятого и без семи минут шесть. Достаточно широкие пределы. К счастью, мы можем их немного сузить.

Лоуренс перебил:

– Здесь я могу помочь. Я осмотрел тело Тернера. Я сказал бы, что он был мертв по меньшей мере час.

Хэзлитт внимательно посмотрел на него:

– Врач с вами согласен. Старик умер задолго до того, как тело обнаружили. Но, на всякий случай, примем, что Тернер был убит где-то между двадцатью минутами пятого и четвертью шестого. Это надежные внешние пределы.

Лоуренс сжал губы.

– Таким образом, он умер, когда мы с сержантом сидели в комнате для допросов.

– Точно. – В голосе инспектора слышались странные нотки. – Полагаю, вы готовы свидетельствовать, что никто не проходил через дверь к камерам?

– Да, – в один голос сказали Лоуренс и Хардиндж.

– Спасибо. – Хэзлитт вел себя подчеркнуто вежливо. Он оперся ладонями о край стола и с силой прижал пальцы к столешнице:

– Вновь ваши показания доказывают, что преступление невозможно!

– Ну, не может все быть так плохо, – возразил Лоуренс, но не очень уверенно.

– Судите сами. – Инспектор взял стул за спинку и крутанул его. – Слушайте, оба. Все окна в этом здании зарешечены. Вы это знаете, Хардиндж. Сами довольно часто жаловались на это... нет никакого черного хода, никаких возможностей попасть к камерам кроме как через дверь в задней стороне комнаты для допросов, и никаких средств сообщения между этой комнатой и жилыми помещениями сержанта, кроме как через эту дверь здесь. – Он показал большим пальцем позади себя.

– Другими словами есть только один вход в отделение. Парадная дверь.

– О, Боже, – вздохнул Олджи Лоуренс. – Мы знаем, что никто там не проходил, кроме...

– Кроме Рассела Крэйга. Который, по вашим словам, не ходил дальше комнаты для допросов, где вы разговаривали.

– И вскоре ушел. – К счастью, Лоуренс не упомянул о диких теориях старого жулика. – Подождите секунду. Кто-то мог скрываться в отделении? – И сам же ответил на этот вопрос: – Нет, это вне рассмотрения. Мы искали повсюду, как только обнаружили тело.

– Да. Едва ли вероятно, что кто-то мог войти в отделение невидимым. Но в любом случае не было никакого способа незаметно уйти. – Хэзлитт подпер кулаком подбородок.

родок. – Никто не просочился через решетки и не прошел сквозь прочные стены.

Лоуренс неловко передернул плечами. В голове начал разливаться страх.

– И у нас есть еще один свидетель, – добавил Хэзлитт.

Он замялся, а затем добавил, чуть извиняющимся тоном:

– Мисс Уотсон, заведующая почтой.

Олджи вспомнил эту леди:

– Конечно. Она, должно быть, постоянно наблюдала за нами.

– Вы правы. Наблюдала. После того, как мы посадили старого Саймона в камеру, она практически на отводила глаз от отделения.

Хардиндж слабо усмехнулся:

– За это можно ручаться.

Инспектор пробормотал:

– Она – старая надоеда, но на этот раз ее наблюдение нам полезно. – Хэзлитт повернулся к Лоуренсу: – Она видела, как вы вошли в отделение вскоре после четырех. Это пробудило ее любопытство – она, очевидно, знает вашу репутацию.

– Такова, – лениво заметил Олджи, – цена славы!

– Гм, – проворчал инспектор. – Так или иначе, она наблюдала. Она не может видеть, что происходит внутри, – слава Богу, в окнах матовые стекла, – но она не спускала глаз со входа. Готова поклясться, что никто не входил и не выходил из здания между временем вашего прибытия этим днем и моим этим вечером, кроме Рассела Крэйга...

– И нас с сержантом, когда он крикнул мне без пяти минут шесть. Ах, да, и констебля, который прибыл вовремя.

– Нам не нужно рассматривать Шоу, – проворчал Хэзлитт. – Или Тиссена.

– Правильно, – Лоуренс задумался. – Что ж, это, кажется, все решает. При условии, конечно, что старушке можно верить.

Хардиндж кашлянул:

– Мы сами согласны с ее свидетельствами. Невозможно пройти в отделение или в проход к камерам, не проходя через комнату для допросов.

Хэзлитт вмешался:

– Правильно. Помимо Саймона Тернера, в здании было только три мужчины: сержант, вы, мистер Лоуренс, и Рассел Крэйг.

Он прищурился и мрачно повторил:

– Только три.

Лоуренс легкомысленно предложил:

– Как говорится, вы платите, вам выбирать. Кто из нас убил его, инспектор?

Лицо сержанта напряглось:

– Это не шутка!

Лоуренс кивнул:

– Простите.

Хэзлитт резко встал:

– Давайте перейдем к сути. Никто не может быть выше подозрений в подобном деле, даже если он сержант полиции или, – его пристальный взгляд переключился на улыбающегося молодого человека с приглаженными светлыми волосами, – любитель детективов.

– Согласен, – вежливо сказал Олджи. – К счастью, у меня есть алиби.

– Мы его проверим, – холодно парировал инспектор.

Он открыл дверь в соседнее помещение и дал некоторые инструкции своим сотрудникам. Возвратившись, он недовольно прокомментировал:

– Был случай несколько лет назад, когда мы нашли тайный проход в стене отделения полиции. Я хочу убедиться, что здесь такого нет.

– Вы должны избавиться, – весело заметил Лоуренс, – от этого комплекса тайных ходов. Это безнадежно *vieux jeu*.⁷

Хардиндж резко посмотрел на своего молодого друга. Он понял, что легкомыслие Олджи было только маской... Очевидно, Лоуренс глубоко обеспокоен.

Как будто прочитав мысли сержанта, Олджи пробормотал:

– Не обращайтесь на меня внимания, джентльмены. – Он усмехнулся. – У меня нет улик.

Инспектор не засмеялся. Он сказал:

– Три человека. Мы по очереди рассмотрим всех вас.

Он начал рассказывать по комнате:

– Сначала Рассел Крэйг. Он прибыл примерно без четверти пять и оставался пятнадцать или двадцать минут.

– Угу.

– В течение всего времени он сидел в комнате для допросов. Это – ваши свидетельства, мистер Лоуренс и сержант. С этим все ясно.

Он добавил в скобках:

– Я послал к нему сотрудника, чтобы допросить дома. Хотя не предполагаю, что мы найдем что-то, чего уже не знаем. – Его тон подразумевал, что старому жулику все равно придется через это пройти.

Лоуренс сонно произнес:

– Таким образом, мы вычеркиваем дядю Расса. – Он зевнул. – Три минус один дает два.

– Затем, – мрачно продолжил Хэзлитт, – имеется сержант Хардиндж.

Лоуренс с любопытством поглядел на обоих полицейских. Он знал: ни один из них не чувствует себя спокойно.

Инспектор сказал:

– Мы подробно рассмотрим перемещения сержанта. Все оправдательные свидетельства – ваши, мистер Лоуренс. Поправьте меня, если ошибусь.

7 Устарело (фр.)

Хардиндж вспыхнул. Позже он доверился Олджи: «Это был самый неприятный момент в моей жизни».

Хэзлитт, подавляя свои чувства и корпоративную гордость, продолжал:

– Сержант сопровождал вас в камеру, где вы разговаривали с заключенным. Когда вы уходили, Тернер был все еще жив. Хардиндж прошел с вами вдоль коридора через комнату для допросов и к подъезду. Затем вы вернулись в отделение. Сержант принес ваше оружие, затем вы оба уселись в комнате для допросов, пока не прибыл Крэйг, прервав ваши разговоры. Он оставался, как я сказал прежде, в течение приблизительно двадцати минут. В течение этого времени сержант выходил дважды: на короткие промежутки, чтобы сделать чай.

Тон Хэзлитта выражал неодобрение.

Он продолжил:

– Крэйг ушел, и вы с Хардинджем оставались в комнате для допросов до без четверти шесть. К этому моменту, как мы теперь знаем, Тернер был уже мертв. Причем, как минимум уже полчаса.

Инспектор расслабился и улыбнулся.

– Ну, сержант, это обеляет вас. Вы не имели возможности войти в камеру. Вы были один очень краткое время, чтобы приготовить чай в жилом помещении. Поскольку каждое окно имеет решетку (а мы проверили все решетки) и нет никакой двери между жилыми помещениями и коридором с камерами, у вас не было никаких возможностей пройти из этой комнаты – он огляделся – к камере Тернера. Остальную часть времени вы были с мистером Лоуренсом.

Он посмотрел на Олджи, ожидая подтверждения. Лоуренс медленно наклонил свою светлую голову и спокойно сказал:

– Три минус два равно один.

Внезапно Джон Хардиндж вздрогнул. Чуть волнуясь, он сказал:

– Прежде, чем вы пойдете дальше, сэр! У меня идея.

– Рад это слышать, – ответил инспектор со свирепой улыбкой.

Неустрашимый сержант продолжал:

– Возможно, мы подходим к этой проблеме не с того угла. Все наши рассуждения направлены на то, чтобы доказать: никто не мог добраться до старого Саймона спереди...

– Дверь в комнате для допросов, – раздраженно перебил его начальник, – это единственный путь в камеру.

– Да, сэр. Но... – Хардиндж тут же начал развивать другую теорию. – Можно было бы предположить, что кто-то мог скрываться в одной из пустых камер или в кабинете сзади, пока, так сказать, берег не очистился, задушил Тернера, затем подождал, пока мистер Лоуренс не ушел, а я поспешил за ним...

– Но...

Сержант продолжал на одном дыхании:

– И тогда выскользнул из отделения. Но мы знаем, что этого не произошло, так как мисс Уотсон следила за входом и клянется, что никто не выходил. Таким образом, мы можем отбросить эту теорию.

Хэзлитт тяжеловерсно поблагодарил его.

– Я же не круглый дурак. Это решение было первым, которое я рассмотрел. Итак, если это все, что вы можете предложить...

– Нет, сэр. – Сержант явно спешил договорить. – Нет никакого черного хода. Однако убийца все еще мог напасть сзади.

– Через кирпичные стены? – саркастически осведомился Хэзлитт.

– Если вы позволите продемонстрировать, сэр?.. – Хардиндж умоляюще посмотрел на инспектора.

– Хорошо, – проворчал инспектор. – Что вы хотите сделать? Сержант быстро объяснил.

Хэзлитт вновь кивнул, а затем подошел к двери и крикнул:

– Шоу! Идите с сержантом!

Хардиндж и констебль вышли из отделения. Лоуренс и Хэзлитт прошли в комнату для допросов и в коридор позади нее.

Полицейские работали в проходе, исследуя стены.

– Каждый дюйм этого здания будет проверен, – прокомментировал инспектор: – Если есть тайник, мы его найдем.

Они вошли в камеру убитого. Тело уже унесли, хотя следы мела на полу показывали, где оно лежало.

– Что теперь? – проворчал Хэзлитт. – Я... А вот и Хардиндж!

Голос сержанта доносился из маленького окна выше их голов. Послышались звуки какой-то возни, а затем за решеткой появилось лицо Хардинджа:

– Я стою на спине констебля, сэр, таким образом, лучше не затягивать. Мистер Лоуренс, вы согласны играть роль Саймона Тернера?

Олджи согласился, хотя и не без опаски. Он уселся на койку.

Хардиндж тихо позвал:

– Саймон!

Лоуренс обернулся.

– Сюда, быстро... и ни звука!

Молодой человек встал на узкой кровати.

Хардиндж прошептал:

– Я выведу тебя.

Окно было открыто. Вдруг сержант просунул руку через решетку и указал внутрь комнаты:

– Что это позади тебя?

Лоуренс повернулся. Тут же руки сержанта, просунутые сквозь решетку, схватили его сзади за шею и сильно сжали.

Олджи машинально стал бороться, но не смог вырваться.

Хардиндж спокойно сказал:

– Прежде, чем Тернер смог бы вырваться, он уже был бы без сознания. Сильному человеку нетрудно удержать его вес. А когда старый Саймон умер, его убийца позволил ему упасть на пол.

Он освободил хватку. Лоуренс продолжил роль и красиво соскользнул с койки, распластавшись около зловещего мелового контура.

Хардиндж торжествовал:

– Вот и все, сэр. Я... Что такое? О, простите, констебль. Я спускаюсь.

Он исчез.

Лоуренс встал, отряхивая пыль с одежды. Он приподнял бровь.

– Итак, инспектор. Что вы думаете?

Хэзлитт покачал головой:

– Симпатичная теория. Но не выдерживает критики.

Лоуренс вновь присел на койку:

– Я, конечно, вижу один недостаток. Но...

Инспектор перебил его:

– Через минуту объясню.

В проходе снаружи слышались шаги. Хэзлитт подошел к двери и выглянул.

– Сюда, сержант.

Показался Хардиндж в сопровождении Шоу. Констебль с мрачным видом растирал спину.

Лоуренс с восхищением заметил:

– Прекрасная игра, сержант. Вы изрядно напугали меня.

Хардиндж улыбнулся:

– Надеюсь, я не причинил вам боли.

– Нет, – усмехнулся Олджи. – Мне лучше, чем констеблю.

Хардиндж серьезно сказал:

– Я не имею в виду, что у убийцы был помощник. Он, должно быть, нашел другую подпорку для ног.

Лоуренс снова усмехнулся:

– С трудом представляю даже самого инициативного убийцу, вышагивающего по Бристли с лестницей или старым ящиком из-под мыла.

Инспектор нахмурился:

– Пожалуйста, мистер Лоуренс. – Он повернулся к Хардинджу. – Мне не хочется разочаровывать вас, сержант. Ваше объяснение вполне допустимо. Оно соответствует большинству фактов. К сожалению, мы знаем, что преступление не было совершено таким способом!

В ленивых глазах Лоуренса загорелся интерес:

– У вас есть что-то в рукаве?

– Да, – веско ответил Хэзлитт, – У нас есть другой свидетель. – Он устало бросил: – Расскажите им, Шоу.

Молодой констебль сделал шаг вперед. На лице его явно читались гордость и смущение. Это был его первый опыт находиться в центре внимания.

– Во второй половине дня указанного числа я... – начал бормотать он.

– Вы не на месте для дачи свидетельских показаний, – перебил его инспектор. – Расскажите все просто и неофициально.

– Да, сэр. Хорошо... – Шоу облизнул губы. – Этим днем, как вы знаете, я не был на дежурстве. Когда утром я покинул Кверрин-Хаус, до шести вечера я был свободен. Но поскольку я квартирую в доме позади отделения и поскольку я знал, что Тернер арестован, я решил понаблюдать.

– Как наша мисс Уотсон, – сардонически вставил Хэзлитт. – Я думаю, констебль подозревал, что заключенный попытается удрать из камеры, как это делают в кино.

Шоу вспыхнул:

– Так или иначе, из окна моей комнаты открывается хороший вид на заднюю часть отделения. Я следил за камерой Тернера.

– Все время?

– С трех часов до половины шестого. – Он замялся. – Я должен был подготовиться к дежурству. Поэтому после этого наблюдала моя квартирная хозяйка. Она смотрела до шести часов.

– Эти детективы-любители, – проворчал Хэзлитт, – просто повсюду.

Комментарий был явно адресован конкретному человеку.

Лоуренс потер щеку:

– Знаю, куда все идет, – и он сделал паузу, приглашая констебля продолжать.

Шоу четко отрапортовал:

– Никто вообще не приближался к окну камеры Тернера.

Лоуренс ссутулился на койке. Радоваться было нечему.

– Вот оно как! – произнес он.

– Да. – Инспектор повернулся к Хардинджу. – Боюсь, что мы разбили вашу теорию. В любом случае имелись и другие возражения.

Он указал наверх:

– Это окно было заперто изнутри. Мы открыли его лишь после того, как начали расследование. Кроме того, была дверь.

Он подошел к ней:

– Вы сказали нам, что, когда вы обнаружили тело, она была открыта.

Хардиндж медленно кивнул.

Хэзлитт нахмурился:

– Мы исследовали внутренность замка. Были царапины – отметки на масляном покрытии, – которые предполагают использование отмычки.

– Удерживаемой, – добавил Лоуренс, – призрачной рукой. Инспектор не отреагировал. Он продолжал:

– Есть еще один момент. Тернера, похоже, хорошенько оглушили прежде, чем убили. Доктор Тиссен нашел ушиб в задней части головы мертвеца под волосами.

Лоуренс сел прямо. Слова звучали странно знакомо. Он щелкнул пальцами:

– Роджер Кверрин. Его также ударили по голове.

Хэзлитт согласился:

– Это не единственное сходство между преступлениями.

– Оба убийства, – бодро кивнул Олджи, – совершены невидимкой, способным проходить сквозь прочные стены. – И добавил зло: – Согласно свидетельствам.

Инспектор ответил ему с удивительной мягкостью:

– Вы, возможно, помните, что сержант прервал демонстрацией своей теории мой анализ ваших показаний.

Он пристально посмотрел на молодого человека на койке.

– Я собирался сказать, что только у одного человека была возможность невидимым добраться до камеры Тернера. У этого человека в течение краткого, но жизненно важного периода, нет вообще никакого алиби.

Брови Олджи взлетели:

– Таким образом, вы нашли виновного. Кто он, инспектор?

– Вы, мистер Лоуренс, – тихо произнес полицейский.

– Я под арестом? – ровным голосом спросил Лоуренс.

Хэзлитт рассмеялся и этим снял напряженность. Все еще наслаждаясь смущением молодого человека, он сказал:

– Нет. Но согласно показаниям, – он намеренно сделал акцент на этой фразе, – вы – единственный человек, имеющий возможность. Тогда по логике именно вы и убили Саймона Тернера.

– Мне такая логика не нравится, – пробормотал Лоуренс.

– Сэр, я уже предоставил мистеру Лоуренсу алиби, – за-
протестовал Хардиндж.

Инспектор покачал головой:

– Нет, сержант. Подумайте. После того, как вы оставили
заключенного, вы пошли с Лоуренсом к парадной двери.
Затем вы оба снова вошли в отделение. Почему?

– Я должен был вернуть его писто...

Слово замерло у него на губах.

Хэзлитт был удовлетворен:

– Именно. Вы прошли в жилые помещения, чтобы при-
нести оружие этого молодого человека. – Он повернулся к
Лоуренсу и вежливо попросил:

– Между прочим, не могли бы вы передать мне пистолет?

Олджи усмехнулся. Он достал пистолет и направил его
на инспектора. Затем рассмеялся, повернул оружие и по-
дал его, держа за ствол.

Хэзлитт схватил его за рукоятку и поблагодарил.

Затем он продолжил:

– В этот момент мистер Лоуренс был один в комнате
для допросов и имел доступ к проходу, ведущему к камерам.

Лоуренс лениво вытянул ноги.

– Я готов подвергнуться обыску. Вы убедитесь, что у
меня нет с собой никакой отмычки.

– Вам она и не нужна. Сержант оставил ключи к каме-
рам в столе.

– Ящик, – возразил Олджи, – был заперт.

– Возможно, он был все еще открыт. – Хэзлитт поспеш-
но продолжил: – Вы могли достичь заключенного...

Лоуренс поднял руку:

– Я возражаю, инспектор!

Он встал.

– Думаю, – спокойно сказал он, – мы сделаем рекон-
струкцию.

Он прошел первым через коридор в комнату для до-
просов:

– Сержант, пожалуйста, верните мое оружие в свою комнату!

Хардиндж взял пистолет из рук начальника и прошел через общую дверь. Вернувшись, он увидел, что Лоуренс сидит на столешнице.

Молодой человек пробормотал:

– Скажем, мы только что вернулись в отделение. Ваша реплика, сержант!

Хардиндж механически повторил:

– Я оставил его в жилом помещении. Сейчас принесу.

Как только сержант исчез за дверью, Лоуренс соскочил и бросился ко входу в проход. Он двигался бесшумно, но с удивительной скоростью.

Хэзлитт последовал за ним, оставив открытой дверь позади.

Хардиндж вернулся с пистолетом в руках.

Инспектор остановился:

– Хорошо, мистер Лоуренс. Пожалуйста, оставайтесь там, где стоите.

Он вернулся к Хардинджу.

– Ваш расчет времени точен?

– Да, сэр. На самом деле я сейчас двигался даже медленнее, чем тогда.

Они вошли в коридор. Лоуренс стоял на пороге камеры и улыбался.

– Итак, инспектор?

Хэзлитт пожал плечами:

– Вы победили. Вы успели лишь добраться до камеры, когда сержант вернулся. Конечно, у вас не было времени отпереть дверь, задушить Тернера и вернуться в комнату для допросов... Ваше алиби подтверждено.

– Спасибо. – Оживление на лице Лоуренса исчезло. Он пробормотал:

– Три минус три дает... что, инспектор?

Хэзлитт слишком устал, чтобы сердиться:

– Это преступление столь же безумное, как первое.

Хардиндж вертел в руках оружие с немим вопросом.

Инспектор нетерпеливо кивнул:

– Можете отдать.

Лоуренс взял пистолет и нежно погладил его.

Внезапно Хэзлитт ударил кулаком в стену:

– Черт бы все это побрал! Как убили Тернера?

– Понятия не имею, – честно ответил Лоуренс.

Он уставился в пол. Повисло молчание, а затем он сказал:

– Странно все это. Помните, что нам сказал Питер? Старый Саймон угрожал его брату местью призрака. – Он поднял глаза и посмотрел на инспектора. – Вы говорите об уликах и доказательствах. Мы доказали, что эти убийства невозможно было совершить. Что остается? Роджер, – он сделал тревожную паузу, – вызвал дьявола? Или Тернер послал к нему тень старого Тома Кверрина? – В его смехе не было никакого веселья. – Но если Саймон вызвал другого духа, чтобы тот открыл замки и освободил его... Он остановился, а затем пробормотал: – На сей раз тот вышел из-под контроля.

Он медленно закончил:

– И этот демон свернул ему шею!

8

– Лоуренс!

Олджи резко остановился около ворот Кверрин-Хауса. Из темноты показалась фигура и с тревогой повторила его имя.

Лоуренс успокоился.

– Хелло, Питер. Не узнал вас.

Кверрин схватил его за руку. Без всякой преамбулы он воскликнул:

– Что произошло в участке?

На лице его явно было написано волнение. Он выглядел почти вымотанным.

Лоуренс с интересом пристально поглядел на него. Он спросил себя, как Питер отреагирует на новости, но ответил просто:

– Тернер убит.

Пальцы Кверрина выпустили рукав собеседника:

– Старый Саймон мертв? – прошептал он. – Но почему... И как?

Лунный свет бросал рваные тени на его лицо.

Лоуренс мягко предложил:

– Давайте пойдем.

Они пошли по дорожке. Из дрожащего рта Питера потоком полились нервные слова:

– Приехала полиция... из деревни... чтобы допросить Рассела Крэйга. До нас дошли какие-то слухи, дикие истории... я не знал, чему верить. Крэйг тут не помог. Он продолжает рассуждать о невидимках, гоблинах и... одно Небо знает, о чем еще.

Выглядело так, словно дядя Расс упивался двойной ролью детектива и главного свидетеля. Лоуренс решил пого-

ворить со старым жуликом. А пока его больше интересовал молодой человек рядом с ним.

Четко, но экономно он изложил главные особенности загадки смерти Тернера.

Кверрин внимательно слушал. Довольно странно, но откровенное перечисление Лоуренсом сложностей дела, казалось, успокоило Питера.

Лоуренс почувствовал это изменение, и Кверрин попытался его объяснить.

Он сказал, вспоминая шок, который принесли ему эти новости:

– Когда мы услышали, что произошла другая смерть... другое убийство, которое невозможно было совершить...

Лоуренс вздохнул. Питер поспешно и отрывисто продолжал:

– Я испугался... ужасно. Это... это сделало кошмар еще хуже... казалось в мире больше нет логики, никакого здравомыслия. Теперь у меня есть факты, и, хотя вы сказали, что нет никакого мыслимого объяснения, все же мне легче. Где-то есть решение, и я уверен, что вы его найдете!

Лоуренс скривил недовольную гримасу, вглядываясь в темноту.

Питер продолжал:

– Я был не в силах прогнать опасения, что мой брат умер, потому что связался... со сверхъестественным... И, как вы знаете, я всегда верил, что старый Саймон имеет некоторое отношение к его убийству.

– Здесь вы неправы, – мягко возразил его собеседник. – Тернер не мог повредить вашему брату.

Речь Питера, как и его рассуждения, стала запутанной.

– Но, по крайней мере, мы знаем, что старый Саймон умер от рук человека. Не призрака!

Несмотря на собственный разговор о демонах, Лоуренс готов был согласиться. Все же он возразил:

– Что заставляет вас так говорить?

Ему было любопытно услышать мнение Питера.

– Дверь камеры была взломана, – ответил Кверрин.

– Замок пытались открыть, да. И что? О, понимаю. Вы подразумеваете, что это было действием человека, а не гоблина.

– Да. – Питер задумался: – Почему Тернер не кричал, когда услышал, как кто-то ломится в дверь?

– С чего бы? Он думал, что кто-то помогает ему сбежать. – Лоуренса пробил дрожь. Перед глазами встала страшная картина: старый Саймон, нетерпеливый и ничего не подозревающий, ждет, когда в камеру войдет человек без лица, который пришел за его жизнью.

Он пробормотал:

– Человек, который лопнул и исчез как мыльный пузырь.

– Что? – поразился Кверрин.

– Извините, Питер. Я размышлял вслух... Между прочим, кто сообщил вам новости? – поинтересовался он.

Кверрин прищурился:

– Одна из горничных. Мы с мисс Крэйг вышли прогуляться...

Лоуренс вспомнил, что днем попросил Одри последить за Питером на случай, если тот надумает явиться в полицейский участок.

– ...и мы были вместе большую часть дня и вечера. Так или иначе, эта девушка Сьюзен...

– Сьюзен Йорк?

– Да, она. Она сказала нам, что здесь была полиция и допрашивала дядю Одри, и девушка рассказала нам приблизительную версию дела. Узнала она ее от одного из констеблей или подслушала, не знаю...

– Не имеет значения.

Они пошли молча и приблизились ко входу в дом.

Лоуренс привел какие-то оправдания и распрощался с Кверрином на ступеньках.

Он почувствовал, что потерял достаточно времени на Питера. Ему хотелось подумать.

Он прогуливался вдоль мощенной дорожки вокруг здания и пристально глядел на комнату, в которой умер человек. Затем пожал плечами и вернулся той же дорогой.

Но он недолго оставался один.

В темноте зажегся красный огонек сигары и тихий голос вежливо приветствовал его:

– Лоуренс, мой мальчик!

Олджи застонал.

«Это дядя Расс», – уныло прошептал он. Молодой человек был не в настроении выслушивать новые теории старого жулика.

– Дорогой коллега, – сказал Крэйг. – Я рад, что нашел вас. У меня появилась, – выразительно продолжал он, – еще одна идея. А, мой мальчик? Вы что-то сказали?

– Нет.

– Еще одна идея насчет смерти Роджера.

Лоуренс что-то невнятно пробормотал. Затем спросил:

– Вы говорили с Питером о назначении награды?

– Гм, да. – Старый жулик казалось, несколько сник. – Поговорил. К сожалению, вынужден констатировать, что Питер повел себя агрессивно. Фактически он подразумевал, – в голосе Рассела Крэйга слышалась печаль, а не гнев, – что мой интерес к этому вопросу абсолютно меркантильный. Я, конечно, отмел этот аргумент.

– Конечно. Ну, и какова ваша последняя теория?

– Едва ли это теория. Просто предположение.

Крэйг вынул сигару изо рта и стал ею размахивать:

– Речь о внешней стене прохода между холлом и комнатой, где умер Роджер.

– Угу.

– Вы видите изолированное окно. Возможно, преступник после того, как закрыл дверь...

Лоуренс открыл было рот, но дядя Расс не дал ему возможности возразить. Он поспешно продолжил:

– ... сбежал из дома через это окно.

Лоуренс вздохнул:

– Оно было заперто.

– Не берите в голову, – отмахнулся Крэйг. – По-моему, единственное возражение против моей последней гипотезы – отсутствие следов на клумбах.

– И?

– Это можно объяснить, – заметил Крэйг. – Вы видели перевернутый ящик под окном?

– Да.

– Разве его присутствие там не кажется вам довольно странным?

– Нет.

– Нет?

– Нет. – Лоуренс кратко объяснил: – Кверрин помог мне вчера днем проверить окно. Он использовал ящик как ступеньку.

– О! – Дядя Расс явно был разочарован. Затем он вновь собрался: – Даже при том, что его присутствие было случайным, убийца все еще мог воспользоваться им.

– Как?

– Взял доску...

– Что?

– Доску, положив один конец на ящик, а другой – на дорожку. Таким образом, – с гордостью закончил Крэйг, – он смог пересечь почву, не оставляя следов.

Лоуренс уставился на него, а потом расхохотался:

– Простите, сэр. Но поверьте, никто не мог пройти тем путем. Эти клумбы слишком широки. Доска прогнулась бы в середине под весом человека. И сама доска была бы слишком громоздкой, чтобы ее можно было легко убрать. А кроме того, на территории не было такой доски. И...

– Ладно, – перебил Крэйг. – Я снимаю предложение.

Молодой человек подавил новый приступ смеха.

– Если это все, сэр, то я пойду.

Они подошли к боковой двери, которую Крэйг оставил открытой. В холле Лоуренс с ударением сказал:

– Я иду в свою комнату.

Дядя Расс не отреагировал на намек.

– Ведите, мой мальчик.

Олджи подавил раздражение. Они вместе поднялись по лестнице.

В комнате молодого человека Крэйг удобно расположился в кресле. Лоуренс смотрел на него с растущим нетерпением:

– Прошу простить меня, сэр, но я хотел потратить остальную часть вечера, анализируя доказательства.

Он тут же решил, что его речь прозвучала довольно напыщенно.

Но дядя Расс бодро сказал:

– Конечно, конечно. Я помогу вам.

И он принялся читать лекцию. При этом продемонстрировал знание таких подробностей убийства Тернера, что Лоуренс с любопытством спросил:

– Когда этим вечером приезжали полицейские, это они допрашивали вас или вы их?

Крэйг выглядел удивленным:

– Приблизительно пятьдесят на пятьдесят. – Он сильно затянулся сигарой, а затем загасил ее. – Я буду очень благодарен, мой мальчик, если вы проинформируете меня о последних новостях.

С неудовольствием Лоуренс вновь изложил таинственное дело.

Крэйг внимательно выслушал:

– У меня ум читателя дешевых бульварных романов. Вы уверены, что внутренние и внешние стены станции таковы, как кажутся?

– Да. Здесь не может быть никакого обмана. Здание – такое, как есть, не больше и не меньше.

– Дымоходы?

– Непроходимы.

– Тогда, – сказал дядя Расс, – я вижу только одно возможное решение.

Лоуренс закрыл глаза:

– Снова?

Он подошел к туалетному столику и достал из кармана пистолет.

Крэйг сказал, обращаясь к равнодушной спине молодого человека:

– Очевидно, Тернер умер способом, который описал сержант Хардиндж.

Олджи посмотрел в зеркало:

– Это невозможно. Шоу наблюдал за окном.

Дядя Расс ласково улыбнулся.

– Констебль лжет. Он сам и убил старого Саймона!

– Что?

Лоуренс обернулся. Пистолет в его руке словно указующий перст нацелился в голову старого жулика.

Крэйг наклонил голову в сторону:

– Мой мальчик. Не могли бы вы... гм... направить оружие куда-нибудь в другое место?

Олджи улыбнулся:

– Извините. – Он положил пистолет в ящик и запер его, затем стал машинально постукивать ключом по ногтю большого пальца.

– Вы должны быть более осторожным, – жестко заметил он. – Нельзя продолжать делать эти дикие обвинения. В самом деле, нельзя. Так вы скоро обвините и главного констебля!

– А он был где-то поблизости? – спросил Крэйг.

– О, Боже. – Лоуренс предпочел бы более крепкие выражения.

Дядя Расс продолжал проталкивать свой вариант.

– Вы должны признать, дорогой коллега, что гипотеза соучастия Шоу – единственная, которая объясняет все известные факты.

– О нет, – улыбнулся Олджи. – Возможно, мы с вами – сообщники. Тогда вы могли проскользнуть в камеру, пока я вел беседу, чтобы отвлечь сержанта.

Крэйг выглядел удивленным:

– Но, мой мальчик, мы же знаем, что это неправда!

– Мы-то знаем, – ответил Лоуренс. – А полиция?

Когда дядя Расс вышел, Лоуренс уселся за работу.

Его методы были уникальны. Прежде всего он скинул обувь и лениво вытянулся на кровати. Затем сцепил руки за головой, прижал их к подушке и закрыл глаза.

Казалось, он уснул.

Полностью отрешившись от всего окружающего, молодой человек рассматривал все дело на мысленном экране.

Роджер Кверрин умер в запертой комнате, за которой наблюдали. Теперь Лоуренс с горечью и отвращением знал, как был убит брат Питера. И он знал, кто убил его...

Проблема была не в этом. Еще один человек мертв. Еще одна жертва, которую он мог спасти.

Его затошнило. Действительно ли это последнее преступление, или насилие продолжится?

Он отбросил мысли о неудаче. Голова должна быть ясной...

Как умер Тернер? Так же, как Роджер?

Нет.

Эта комната не была заперта, сказал себе Лоуренс. Она была просто недоступна.

Но эта проблема еще хуже, чем первая.

Преступления должны быть связаны. Можно ли считать, что человек, убивший Кверрина, убил и старого Саймона?

Да, конечно.

И все же...

Лоуренс застонал от нетерпения.

Свидетельства были абсолютно ясны. Он должен верить словам мисс Уотсон и констебля: они не могли лгать больше, чем он.

Он с сожалением усмехнулся. Камнем преткновения было как раз его собственное свидетельство...

Медицинское заключение? Нет, его невозможно фальсифицировать. Тернер умер между двадцатью минутами пятого и четвертью шестого. В то время, когда никакой человек не мог к нему подойти.

Спокойно! Где-то тут обман. Должен быть.

Лоуренс расцепил руки, а затем сложил их на груди.

Он продолжал думать:

Теория Хардинджа. Конечно, она не может быть правдой. Нет, конечно, нет. Шоу доказал это.

О, ад!

Он открыл глаза и пристально взгляделся в потолок.

Дверь камеры. Замок и ручка были начисто вытерты от отпечатков пальцев с обеих сторон. Что это могло означать, если вообще что-то означало? Естественно, человек, взламывающий двери, не хотел оставлять там свои отпечатки... А что с теми царапинами? Конечно...

Проклятие! Лоуренс прижал пальцы к больной голове.

Дикие идеи Крэйга, казалось, полностью лишили его способности концентрироваться. Он был рад теперь, что отослал старого жулика, дав ему повод для волнения.

Внезапно Лоуренс сел и невидящими глазами уставился в окно. Отбросим все рассмотренные идеи. Назовем убийцу Иксом.

Подождите минутку!

Дверь в камеру находилась под его собственной непрерывной охраной в течение жизненно важного времени за

исключением одного краткого периода: когда он и Хардиндж стояли у подъезда снаружи.

Предположим Икс проскользнул в проход именно тогда?

Он покачал головой. Никто не проходил мимо них в отделение. Если только...

Он затаил дыхание.

Предположим, кто-то был в комнате для допросов в то время, когда они расспрашивали старого Саймона в его камере; предположим, что кто-то скрылся в жилых помещениях сержанта, пока они не вышли в подъезд; предположим, что Икс тогда поспешил войти в проход позади...

В течение короткого промежутка Лоуренс испытал триумф. А затем вспомнил.

Мисс Уотсон.

Никто не мог войти в отделение без того, чтобы она знала. А ее доказательства предельно четки.

Никто не приближался ко входу.

Сам Лоуренс вошел сразу после четырех.

Рассел Крэйг пришел без четверти пять и ушел в пять минут шестого.

Лоуренс ушел сразу после без четверти шесть, и тогда Тернер был уже мертв – по меньшей мере, полчаса.

Хардиндж выбежал, чтобы позвать Лоуренса, без пяти шесть, и они вновь вошли в отделение.

В шесть часов прибыл Шоу, затем доктор Тиссен и инспектор Хэзлитт со своими людьми.

Они были единственными, кто входил в здание или выходил из него, и ни у кого не было ни малейшей возможности совершить преступление.

«О, Боже!» – вздохнул Олджи. Это была почти молитва.

Он закрыл глаза, а затем плотно прикрыл их руками. Голова раскалывалась.

Внезапно он решил, что должен поговорить с Одри Крэйг.

Она еще не легла.

Он постучал, и она открыла дверь с удивлением на прекрасном лице:

– Олджи!

Он спросил без преамбулы:

– Могу я поговорить с вами?

Она замялась:

– Уже очень поздно.

– Пожалуйста.

Он чувствовал почти физическую потребность.

Она быстро улыбнулась:

– Хорошо. – Она оглядела комнату. – Лучше не здесь. Давайте спустимся в библиотеку.

Они молча спустились по лестнице.

В комнате, уставленной книгами, она повернулась к нему:

– Что вы хотите сказать?

В ее голосе не было никакого нетерпения, а лишь инстинктивное сочувствие.

– Сядьте, Одри. – Лоуренс сжал одну руку в кулак и задумчиво ударил им в ладонь другой руки. Казалось, он не знает, с чего начать.

Наконец, он произнес:

– Роджер умер. Он был убит... и я думаю, что знаю, кто убил его.

Девушка ничего не сказала, но глаза ее широко открылись.

Лоуренс тихо продолжал:

– Я запутался, и мне нужна ваша помощь. Не знаю, правильно ли то, что я делаю... Старый Саймон тоже мертв. Я понятия не имею, как он был убит.

Он почувствовал, что говорит почти бессвязно. Тогда он четко сказал:

– Одри, я могу бросить это дело со сравнительно чистой совестью... Но если я продолжу, то дойду до конца.

Ее глаза потемнели.

– На что вы намекаете? – прошептала она.

Лоуренс казался усталым.

– Только на то, что правда может причинить вам боль. Может быть, вам лучше продолжать считать, что ваш жених умер потому, что бросил вызов существам из другого мира.

Повисла краткая тишина.

Затем Одри сказала, решительно и бесповоротно:

– Я хочу, чтобы вы нашли правду!

Лоуренс улыбнулся ей в ответ. Его лицо вновь стало ленивым, спокойным и самодовольным.

– Хорошо. – Он достал свой серебряный портсигар и предложил ей: – Сигарету?

– Нет, спасибо.

Олджи кивнул:

– Вы не возражаете, если я закурю?

– Нет, конечно.

Молодой человек зажег спичку. Девушка с любопытством смотрела на него.

Лоуренс глубоко затянулся, а затем вынул сигарету из рта:

– Есть один маленький вопрос. Вы можете мне помочь.

Он резко спросил:

– Роджер составил завещание?

Она казалась удивленной:

– Конечно, его поверенные...

Лоуренс спокойно возразил:

– Этим вечером мы связались с ними. Они говорят, что Кверрин собирался составить завещание, но они не подготовили документ. Насколько они знают, он умер без завещания. Это означает, конечно, что вся собственность переходит к его брату.

Одри медленно кивнула:

– Роджер сказал мне... что, когда мы поженимся, он хочет оставить бóльшую часть своих денег мне. Мне казалось... Ее голос дрогнул: – Я подозревала, что он хотел показать мне это завещание в день нашей свадьбы. – На лице ее появилась теплая ласковая улыбка. – Это был бы жест как раз в его стиле.

Лоуренс сонно поглядел на нее. У мертвеца, при всех его высоких деловых качествах, осталось что-то от школьника. Возможно, он вообще обошел своих поверенных.

– Ммм. – Он задумался.

– Теперь моя очередь задать вопрос, – сказала она. – Олджи, почему вы попросили, чтобы я присматривала за Питером этим днем?

Лоуренс вздрогнул:

– А? О, простите, Одри. Я что-то задумался... Почему? Ну, откровенно говоря, я хотел держать Питера подальше от неприятностей. Он считал, что Тернер имеет некоторое отношение к смерти Роджера, понимаете. Я не хотел, чтобы он присутствовал при моем разговоре со старым Саймоном в его камере.

Он потер щеку.

– Молодой Кверрин настолько нервный... никогда не знаешь, что он мог бы сделать.

Одри сглотнула:

– Вы не имеете в виду...

Она остановилась.

Лоуренс с любопытством следил за ней.

– Продолжайте.

Она сказала с усилием:

– Тернер убит. Он умер, потому что Питер хотел отомстить за смерть своего брата?

Лоуренс улыбнулся:

– Это вопрос, на который вы можете ответить лучше всех остальных.

– Я?

– Да. Где был Питер между четырьмя и шестью?

Глаза девушки погасли. Она с сожалением рассмеялась.

– Он был со мной.

– Точно. Вы – его алиби, – Лоуренс покачал головой. –

Нет, Одри. Питер не убивал старого Саймона.

Она придвинулась поближе и положила ладонь на его рукав. Прикосновение было невысказанным вопросом.

Лоуренс ответил:

– Не знаю, Одри. Не могу объяснить эту тайну.

Ее голос прозвучал нежно:

– Вы найдете ответ.

– Возможно. Попробую.

– Попробуйте сейчас!

Она вышла. Лоуренс проводил ее взглядом и легкой улыбкой.

Сигарета обожгла ему пальцы. Он выбросил ее, достал из портсигара другую и рассеянно постучал ею по нему.

– Что ж, хорошо, – вздохнул он.

Он устроился в удобном кресле, подложив под голову подушку, а ноги – на обитую скамеечку.

Его глаза закрылись.

В комнате повисла тишина.

Сьюзен Йорк постучала в дверь и открыла ее. Она пристально и с откровенным любопытством оглядела библиотеку.

Единственный свет шел от маленькой настольной лампы, затянутой теперь сине-серым дымом.

Олджи Лоуренс встрепенулся при виде девушки и опустил ноги на пол. Он сонно прищурился на горничную.

Сьюзен скромно извинилась:

– Уже очень поздно, сэр. Я заглянула, чтобы спросить, не нужно ли вам чего-нибудь.

Лоуренс попытался что-то сказать и закашлялся. Он чувствовал себя очень усталым.

Сьюзен продолжала:

– О, сэр. Сколько сигарет. Вы себе не отказывали!

– Табак помогает мне думать. – Лоуренс потер переносицу и встал. – Все в порядке, Сьюзен. Я иду спать. – Затем загадочно добавил: – Я закончил...

Сьюзен Йорк была умной девушкой и знала, почему Лоуренс приехал в Кверрин-Хаус.

– Вы все еще работаете над делом, сэр? – робко спросила она.

– Мммм? Да, а что? Вас что-нибудь беспокоит?

Сьюзен замялась. Она провела руками по красивым бедрам и решила:

– Это о мистере Крэйге. Я не хотела говорить полиции... – Она покраснела. – О том небольшом недоразумении между нами. Но они вытянули это из меня, сэр. А мистер Крэйг – очень любезный старый джентльмен, хотя немного импульсивный. Мне не хочется, чтобы у него были неприятности, сэр.

Лоуренс скрыл улыбку и серьезно сказал:

– Не волнуйтесь, Сьюзен. Я прослежу, чтобы полиция его не беспокоила зря.

– О, спасибо, сэр. – Сьюзен захлопала ресницами. Ее большие карие глаза смотрели бесхитростно. – У вас такое влияние. И мистер Крэйг будет вам так благодарен! И я... я тоже буду благодарна.

Она быстро подошла к нему и прошептала:

– Я могу быть *очень* благодарной.

Лоуренс прищурился:

– Сьюзен, вы – очень привлекательная девушка.

Ее ответ был приятным. Ее губы встретились с его. Он почувствовал нежное давление, а затем оно пропало.

Она выскочила из комнаты с мимолетным смехом.

Лоуренс пристально и с удивлением глядел ей вслед. Затем усмехнулся и вытер рот носовым платком.

– Этот старый жулик Крэйг! – пробормотал он. – Интересно, а что если это он...

Он пожал плечами. Затем выключил свет и осторожно закрыл за собой дверь.

Улыбка исчезла с его лица еще прежде, чем он поднялся на лестницу. Он чувствовал себя физически опустошенным.

Поскольку теперь, наконец, он знал ответы на все вопросы.

Ловушки удалось перепрыгнуть, призраки рассеялись. Иллюзии объяснились...

Он ударил кулаком по балюстраде.

Начиналось время, которое он ненавидел больше всего. Теперь он становился союзником палача.

Олджи почувствовал себя больным. Нужно принять решение...

Его ум восставал против него.

Он громко крикнул:

– Но не сегодня вечером!

Затем, устыдившись, вошел в свою комнату. Быстро раздевшись, он залез под одеяло.

Без толку. Сон не шел.

Он сел и включил прикроватную лампу.

Олджи откинулся на подушках. Ему нужно что-то, чтобы ослабить шум в голове. Возможно, книга. Старое проверенное средство.

Он высунул руку из-под одеяла и пододвинул поближе сумку на молнии. Он никогда не путешествовал, не взяв с собой книгу из собственной библиотеки.

Он листал не очень толстый томик, и улыбка чистого удовольствия искривила его ленивый рот.

Лоуренс вновь откинулся на подушки с потрепанным романом в мягкой обложке в руках. Он рассматривал ил-

люстрации Сэвила Ламли⁸ в красном и синем цветах, а затем открыл тонкую книгу.

Это было очень дорогое воспоминание детства: «Детектив-школьник», Чарльза Гамильтона.⁹

В течение полутора часов он искал успокоения в приключениях Лена Лекса и Питера Порринджа из дома на Оукшот 5....

Со вздохом он закрыл книгу, чувствуя себя размягченным и счастливым.

По крайней мере, на некоторое время ему удалось сбежать от мрачных проблем, с которыми еще предстоит столкнуться.

Он взглянул на последнюю страницу обложки: *Библиотека школьника, выпуск 353*. Дата: 3.11.38.

Ноябрь 1938 года. Улыбка пропала с лица Лоуренса. Тогда он был мальчиком, криминальные загадки были просто игрой: уютные расследования между корешками книги.

Даже тогда у него имелся талант к анализу. Он мог решить любую проблему. Но это была лишь забава.

Но на сей раз это отнюдь не забава.

Теперь, когда игра приближается к последней и самой трагичной стадии, это совсем не забавно.

8 Сэвил Ламли (1876–1960) – английский карикатурист, художник по плакатам и иллюстратор.

9 Чарльз Гарольд Сент-Джон Гамильтон (1876–1961) – английский писатель, специализирующийся на сериях рассказов для еженедельных журналов. Наиболее часто он писал рассказы о школьниках, хотя работал и в других жанрах. Он использовал множество псевдонимов: разные для персонажей из разных серий, наиболее частые Фрэнк Ричардс, Мартин Клиффорд, Оуэн Конкест и Ральф Редвей.

Металлический голос звучал нетерпеливо:

– Вы не можете так поступить, Олджи! Это звучит слишком безумно!

Лоуренс сжал телефонную трубку.

– Это – единственный способ, – устало сказал он. – Разве я вас не убедил?

Приятный баритон Стива Касла звучал искаженно. Но даже по телефону слышался предательский страх.

– Вы убедили меня, что решили тайну. Но не убедили, что именно этим способом нужно доказывать ваши теории.

Лоуренс тяжело оперся о стенку телефонной будки.

Он упрямо настаивал:

– Нет никаких доказательств, которые можно представить суду.

– Это – наши проблемы. – Лоуренс слышал тяжелое дыхание друга. – Сделайте отчет главному констеблю. Он будет знать, что делать.

– Полковнику Джонсону? Это идея. – Олджи тяжело вздохнул. – Фактически я стою у него на пороге.

– Разве вы не в Бристли?

– А? О, нет, я не мог рисковать и звонить вам из деревни.

– Вы вообще больше не должны рисковать. Ваш сумасшедший план... это опасно!

– Не должно быть. – Лоуренс был терпелив. – Я разработал его до мелочей. Но мне нужна помощь.

– Вы ее не получите. – Голос старшего инспектора звучал уверенно. – Так или иначе, у Ярда нет никакой власти – нас еще не позвали. – Он проворчал: – Это не похоже на вас, Олджи. Вы пытаетесь заработать себе медаль?

– Я не хочу быть героем, – холодно заметил Лоуренс. – Что касается славы, ее может взять себе местная полиция. Я все время это повторяю. Хардиндж...

– Неважно, не имеет значения. – Голос Касла зазвучал примирительно. – Вы не охотник за публичностью, знаю... Но почему, почему...

Лоуренс чувствовал, что в нем начинает расти гнев. С лица исчезло спокойствие.

– Вы знаете, как Кверрин был убит. *Разве вы тоже не разгневаны?*

Повисла пауза.

Затем инспектор ответил:

– Да, черт побери! Разгневан. Роджер был моим другом. Ответ сам по себе был разрешением.

Лоуренс вздохнул и равнодушно сказал:

– Хорошо. Я поговорю с главным констеблем.

Он выиграл сражение, но все-таки не казался счастливым.

Касл вновь заговорил:

– Да. – Он замялся. – Можете сказать ему... я одобрил ваш план.

– Спасибо, Стив. До свидания.

– До свидания. И, Олджи...

– Да?

– Удачи.

Обычно румяное лицо полковника Джонсона было бледно.

– Это невероятно! – воскликнул он.

– Это правда, – спокойно возразил Лоуренс.

Двое мужчин сидели в кабинете главного констебля. Полковник открыл ладонь, посмотрел на нее и снова устало сжал руку в кулак.

– Я верю вам, – полковник коснулся пальцами столешницы. – Что вы хотите, чтобы я сделал?

Лоуренс наклонился вперед:

– Хочу, чтобы вы мне помогли...

– Я не разрешу подобного сумасшедшего плана! – рявкнул полковник.

– Как хотите. – Лоуренс потер щеку. – Но дознание назначено на вторую половину дня. И ваша полиция будет выглядеть не ахти.

Начальник полиции покраснел:

– Если вы ищете дешевой славы...

Настала очередь молодого человека перебить. Он холодно сказал:

– Я не вешаю убийц, чтобы польстить своему эго. Независимо от того, что сделал убийца, мне становится нехорошо, когда я расставляю ему ловушку... Я не хочу казаться напыщенным, черт побери, но думаю, что служу делу правосудия. И верю всем сердцем, что человек, который убил Роджера Кверрина, заслужил некоторой нервотрепки.

Полковник Джонсон пристально посмотрел на него, а затем извинился:

– Я не сомневаюсь в вашей порядочности. Но этот ваш план... чтобы вырвать признание... все легко может пойти не так, как надо.

– Не пойдет. Обещаю.

Полковник чуть сгорбился:

– Моя работа состоит в том, чтобы охранять порядок и чтобы не убивали людей.

– А обязанность гражданина – помочь полиции.

Полковник сжал руку в кулак.

– Но эта идея столь дика, столь нелепа! Как я могу дать ей официальное одобрение?

Лоуренс сухо сказал:

– Полицейские не всегда настолько щепетильны. Довольно часто человек в штатском просит кого-то налить ему после закрытия или пишет письмо, заказывая непристойные открытки... А здесь речь об убийстве, сэр.

Полковник опустил голову.

Все еще глядя в пол, он спокойно сказал:

– Хорошо, мистер Лоуренс. Я согласен.

Затем резко поднял глаза.

– Вы уверены, – спросил он, – абсолютно уверены, что убийца...

– Да, – сказал Олджи Лоуренс.

Джон Хардиндж был поражен.

Лоуренс наклонился к нему через стол, его речь лилась непрерывным потоком.

– Дело сдвинулось, сержант. Сегодня может наступить конец. – Он расслабился и лениво усмехнулся. – Я сдержал свое обещание. Когда вы арестуете... этого человека, вы наденете наручники на опасного убийцу.

– Но что... и кто...

– Нет времени на объяснения. – Лоуренс убрал руки со стола. – Я не сказал даже главному констеблю. Он доверяет Хэзлитту... Ждите у телефона, сержант. Но когда я позвоню, спешите в Кверрин-Хаус что есть мочи!

Хардиндж кивнул в знак согласия. Его голубые глаза блестели от подавляемых эмоций.

Лоуренс улыбнулся. Он сонно произнес:

– Это может означать повышение.

И вышел.

Лоуренс поднялся по ступеням на дрожащих ногах. Он грустно размышлял:

«Не хочу продолжать. Но должен».

Он открыл дверь и вошел в холл.

Кровь застыла в горле.

Настало время ...

Перед глазами возникла веревка палача.

Он задрожал. В доме было тихо. Казалось, все ждали...

Он миновал вход в проход.

Шторы, закрывающие двойные двери, внезапно зашевелились, и из коридора вышел человек.

Он произнес:

– Мой дорогой мальчик. Я ждал вас.

Лоуренс повернул голову. Усталость от слишком недолгого сна и слишком большого умственного напряжения, туманила глаза и сковывала язык.

Все же в его ответе слышалось странное возбуждение, проистекающее из вызова и принятия его. Он спокойно сказал:

– Идемте в мою комнату.

Очень много людей сидели и ждали.

В то время, как двое мужчин разговаривали, были и другие, которые сидели у телефонов.

В своем кабинете в Ярде Стивен Касл продолжал работать, но его мысли не были полностью заняты стоящей перед ним проблемой. Его пристальный взгляд часто падал на черный телефон перед ним.

В голове все еще звучало эхом: «Удачи, Олджи».

Полковник Джонсон шагал взад и вперед по кабинету. На розовом лице было написано беспокойство.

Внезапно он взорвался:

«Эти проклятые штатские!»

Но затем горько улыбнулся:

«По крайней мере, молодой Лоуренс пытается спасти мою репутацию».

Его глаза вернулись к телефону.

Сержант Хардиндж распутывал перекрученный телефонный шнур.

Он думал:

Один рывок, и прибор отключен. Хочется так и сделать и снять напряженность. Я могу сразу идти в Хаус...

Он рассмеялся над собой. Спокойнее, спокойнее.

Мысли разбегаются, когда ты чем-то озадачен. Лоуренс объяснит все, когда захочет. Он сделал мне комплимент...

Сержант остался в участке, ожидая звонка.

Были и другие: Хэзлитт и его сотрудники.

И девушка, разглаживающая покрывало на кровати и тревожно к чему-то прислушивающаяся.

Минуты шли. Время, казалось, потеряло свое значение.

Дуэль началась.

Время шло...

Олджи Лоуренс качнулся назад. На лбу остались кровь и след от удара. Он вслепую осел на стул, соскользнул, упал на пол и остался лежать неподвижно.

Питер Кверрин вышел из своей комнаты и неуверенно остановился в коридоре. Он прислушался. Внезапный шум заставил его вздрогнуть. Он услышал слабый стон.

Питер глупо пробормотал:

– Что?.. кто?..

Он подошел к двери спальни Лоуренса и распахнул ее. Потрясенно заглянул внутрь.

– О, Господи!

Он переступил через порог, а затем нагнулся и присел около молодого человека, растянувшегося на ковре.

– Лоуренс!

Питер дико оглядел комнату. Никого.

На полу, словно выроненная в спешке, лежала палка с кровью на металлическом наконечнике.

Кверрин подсунул руку под воротник Лоуренса и осторожно поднял голову молодого человека. Веки Олджи дрогнули. Он снова застонал.

Питер вновь обратился к лежащему:

– С вами все в порядке?

Лоуренс пробормотал:

– Все в по...

Его голова вновь упала на пол.

Кверрин отпустил Лоуренса и выпрямился. Затравленно оглянулся. Затем вылил немного воды из графина на чистый носовой платок и начал осторожно тереть виски Лоуренса.

Глаза Олджи чуть приоткрылись. Сознание быстро за светилось в них вновь.

С удивительной силой схватив запястья Питера, Лоуренс прохрипел:

– Где он?

– Кто?

Белокурый молодой человек не ответил. Он рывком сел, бормоча:

– Он ударил меня палкой... О, Небо! Я вспомнил.

Он резко замолчал.

Его пальцы сжали руки Кверрина. Он бессвязно забормotal:

– Все пошло не так, как надо. Я... я... Вы должны помочь мне. Человек, который убил вашего брата... Каким путем он пошел?

Шок лишил Питера голоса. Он оцепенело покачал головой.

Лоуренс закричал:

– Вы должны были видеть его!

Он попытался встать, затем вновь опустился, но продолжал говорить:

– Он ждал меня, когда я пришел... Мы поговорили. Я хотел заманить его в ловушку, но переиграл... О, черт побери! Нельзя терять ни минуты. Где он?

Питер вновь покачал головой и прошептал:

– Вы не понимаете. Я был рядом, когда вы упали и закричали. Я выходил из своей комнаты, и меня насторожил шум. Я посмотрел вдоль коридора. Я не отрывал глаз от вашей двери.

Он сделал паузу, вспоминая.

– Никто не выходил! – с ужасом закончил он.

Глаза Лоуренса затуманились.

– Значит, он снова исчез. Это фокус, Питер. Дьявольский фокус!

Он протянул руку. Кверрин помог ему встать.

Лоуренс запыхался:

– Мне нужно выпить.

Он прислонился к спинке кровати.

– Вот! – Питер вытащил из заднего кармана флягу и вложил ее в руку Олджи. Лоуренс позволил нескольким каплям огненной жидкости стечь в горло.

– Спасибо. – Он вытер рот. – Теперь мне лучше. – В голосе вновь послышалась сила.

Он горько констатировал:

– Вот и все с моими планами. Стив был прав!

Питер закричал:

– Ради Бога! Что произошло?

Лоуренс пробормотал:

– Вы имеете право знать. Я должен был сказать вам раньше. Питер, мы раскрыли, кто убил вашего брата.

– Кто тогда? – Слова выходили из Кверрина мучительно.

Лоуренс назвал имя.

Питер покраснел и выглядел недоверчивым.

– Что?!

Его крик был чем-то средним между вопросом и восклицанием. Он искренне добавил:

– Я не могу этому поверить!

– Думайте, Питер. Думайте. – Лоуренс для убедительности ударил рукой по спинке кровати. – Кто был человеком без надежного алиби, человеком, которого никто не видел в течение почти часа после того, как Роджер умер? Кто запер дверь своей спальни и оставался там, пока мы с сержантом не разбудили его? Кто сказал, что ничего не слышал, хотя его комната была около верхней лестничной площадки?

Кверрин тяжело задышал:

– Крик... и выстрелы...

– Да. – Олджи начал терять терпение. – Одри услышала их, хотя ее спальня находится от лестницы дальше всех.

– Я все еще не могу этому поверить! – воскликнул Питер.

Лоуренс мрачно ответил:

– Этот человек увидел перспективу потерять удобный дом. Он, вероятно, рассчитывал остаться здесь и после того, как Одри и Роджер поженятся. Но он сделал ошибку, заигрывая со служанкой, и ваш брат велел ему уезжать.

– Это не мотив...

Лоуренс безжалостно перебил его:

– Нам сказали, что Роджер умер без завещания. Но так ли это? Возможно, он составил завещание, которое собирался.

– Вы имеете в виду: завещал деньги Одри?

– Да. Возможно, такой документ существует. Возможно, он как раз у нашего человека... Он выдал себя, – устало закончил Лоуренс.

– Как?

Олджи усмехнулся:

– Эти безумные теории. Он приложил все усилия, чтобы сбить меня. Но он совершил одну ошибку.

Он сделал паузу.

– Он сказал мне, что, когда я ворвался в комнату Роджера, огонь в камине почти погас. Остались лишь тлеющие угольки.

Питер был озадачен:

– Но это же правда!

– Конечно. *Но откуда он знал?*

– Но я... – Питер резко замолк. – Я... я имею в виду... То есть...

Лоуренс выручил его.

– Он, должно быть, был в комнате сам, а мы не знали.

– Тогда как он вышел?

Лоуренс покачал головой:

– Это слишком длинная история. – Он дотронулся ногой до палки на ковре, вздрогнул и приложил пальцы ко лбу. Затем внезапно опустил руку.

– Нет... – прошептал он:

– Лоуренс! О чем вы?

Олджи показал. Кверрин уставился на туалетный столик.

– Тот ящик взломан, – резко объявил светловолосый молодой человек.

Он рванулся вперед и рывком выдвинул его.

Затем повернулся с отчаянным лицом и тихо и безнадежно сказал:

– Он взял пистолет.

...Внизу в комнате, где умер человек, толстая рука держала пистолет.

– Пожалуйста, не двигайтесь, – вежливо сказал Рассел Крэйг. – Мне не хотелось бы иметь вашу смерть на своей совести.

Лоуренс сжал челюсти и процедил:

– Этот старый жулик – убийца. Он не задумается убить снова.

– Ради Бога!

Замешательство Питера взорвалось криком. Он почувствовал себя больным и сбитым с толку.

Лоуренс с трудом ухватился на спинку кровати. Его суставы побелели.

Он пробормотал:

– Я должен подумать. Теперь, как никогда прежде, я должен подумать.

Его глаза закрылись...

Кверрин запаниковал:

– Мы должны вызвать полицию?

Олджи резко открыл глаза:

– Да. Звоните Хардинджу... Нет, черт побери, подождите... У нас нет времени.

Он дернулся, готовый действовать.

– Идите со мной, Питер. Мы должны решить все сами.

Они выбежали на площадку. Питер беспомощно огляделся вокруг.

– Сюда! – скомандовал Лоуренс.

Они спустились по лестнице. Олджи сделал три шага к двойным дверям на входе в проход и остановился.

Он пробормотал:

– Нет. Мы не сможем добраться до него этим путем. Следуйте за мной!

Боковая дверь открылась от одного его прикосновения. Мужчины неслышно побежали по дорожке, идущей вдоль внешней стены коридора. Когда они приблизились к повороту дорожки, Лоуренс предостерегающе схватил Кверрина за руку.

– Полегче. Мы должны быть внимательны.

Он осторожно приблизился и заглянул во французские окна. Затем облегченно вздохнул:

– Шторы отдернуты. Подходите, Питер.

Они сошли с дорожки и бесшумно прошли по мягкой коричневой почве. Следы отмечали их продвижение.

Когда они приблизились к комнате, в которой умер Роджер, до них донесся призрачный звук голосов.

Французские окна оказались не заперты. Лоуренс частично приоткрыл одну половину окна.

Голоса стали ясными и отчетливыми. Через щель в шторах можно было видеть Рассела Крэйга.

В комнате разговаривали два человека.

Один был невиновным, другой – безжалостным убийцей.

Дядя Расс спокойно сказал:

– Я никогда никого не убивал. Хотя Лоуренс думает, что это я ответственен, по меньшей мере, за две смерти. Но ведь он не очень умен, не так ли? Вы легко его одурачили.

Другой голос хрипло сказал:

– Что вы от меня хотите?

Крэйг так же мягко ответил:

– Узнаете в свое время. А пока, – он слегка качнул пистолет, – не делайте резких движений. Я не задумаюсь стрелять. Это, – вежливо закончил он, – предупреждение.

Раздался короткий, принужденный смех:

– Полагаю, вы знаете, что делаете.

– Да, – согласился дядя Расс. Он прислонился спиной к каминной полке. – Но, пожалуйста, садитесь. Устраивайтесь поудобнее.

Заскрипел стул.

Крэйг продолжал:

– Пару слов для объяснения. Не хочу, чтобы вы неверно истолковали мои побуждения. Я знаю свой долг гражданина. Если я хочу пренебречь им, это не потому что у меня сентиментальное отвращение к тому, чтобы привлечь вас к суду. Я спокойно смотрел бы, как вы умираете. – Его голос был тверд. – Нет, у меня другая причина разрешить вам остаться на свободе.

Его компаньон разрывался между облегчением и нехорошим предчувствием, но не ответил.

Крэйг продолжал:

– В этом жестоком мире я должен позаботиться о себе. Я плохо обеспечен, – он кашлянул, – материально. Поэтому нуждаюсь в небольшой толике комфорта.

В глазах его визави зажегся свет понимания.

– Продолжайте.

– Мне нужны, если можно так выразиться, талоны на питание. Я – старик, – сказал дядя Расс жалостливым тоном, – и хочу провести жизнь в комфорте. Поэтому, естественно, мне нужны деньги. И вы...

Второй голос перебил:

– Шантаж!

Слово прозвучало громко и грубо.

– Точно. – Тон Крэйга был доброжелательным и заботливым. – Вы дадите мне существенную ренту. Вы можете расценивать меня, как высланного эмигранта с пособием. – Он усмехнулся. – Или зависимого родственника. Хотя не советую вам записывать меня в свою налоговую декларацию.

– У меня нет никаких денег.

– О, не надо, – укоризненно произнес Крэйг. – Хотя в настоящее время это и так, вы прекрасно знаете, и я это знаю, что смерть Роджера сделала вас богатым человеком. Вы можете сэкономить немного и для меня. Фактически, – он рассмеялся, – вам придется сильно экономить!

Второй голос мягко возразил:

– Вы играете в опасную игру.

– Согласен. Но не думайте, что можете испугать меня. –

Крэйг указал на пистолет в руке.

– У вас не всегда будет оружие.

Старый мошенник глубокомысленно посмотрел на собеседника.

– Глупо угрожать мне.

Повисла тишина. Затем Крэйг пробормотал:

– Это не имеет никакого значения. Я усилю меры защиты.

Ответ прозвучал почти насмешкой:

– Как?

– О! – Крэйг провел пальцем вдоль носа. – Увидите.

Собеседник шевельнулся:

– Я терпеливо слушал вас. И вы несете чепуху. Вы не можете держать меня здесь все время. Когда я выйду, я пойду прямо в отделение полиции и...

– Я так не думаю. – Голос Крэйга был абсолютно спокойным. – Мне нечего бояться. Я дам свои свидетельские показания сегодня на дознании.

– Ваши свидетельства?

В вопросе послышался страх.

– Да. – Крэйг улыбнулся. Он был похож на кошку, играющую с мышью. – Понимаете, я не спал в ту ночь, когда умер наш друг Роджер. Я услышал крик, затем выстрелы...

Было слышно, как его собеседник затаил дыхание.

– Я торопливо встал. Моя комната около верхней лестничной площадки. Я посмотрел вниз из-за перил...

Он сделал паузу.

Что-то заклокотало в горле другого человека.

– И?

Крэйг тихо сказал:

– Я видел, как вы вышли из прохода через двойные двери и в холл.

– Кверрин и Лоуренс оба клялись...

– Что никто не проходил мимо них в коридоре. Знаю. Пожалуйста, не придирайтесь. Я также знаю, почему они не видели вас. – Крэйг оживился. – Давайте продолжим. Я увидел, как вы ушли. Тогда, – он широко улыбнулся, – я вернулся в свою комнату, запер дверь и забрался в кровать. Мне требовалось время, чтобы подумать.

– Это – ваши свидетельства?

– Да.

– И вы готовы их продать?

– Да.

– Хорошо. Я согласен.

В ответе слышалось облегчение.

Дядя Расс казался удивленным.

Неожиданно он сказал:

– Думаете, что провели меня, да?

– Что? – Другого явно застали врасплох.

Крэйг продолжал:

– Я не дурак. Я сделал ложные заявления полиции, но не под присягой. До сих пор фактически я ни в чем не клялся. Но если я дам ложное показание сегодня, я ослаблю свою позицию. Сегодня я могу выдать вас. В следующем году – не смогу. Вы рассчитываете на это. Разве не так?

– Я... я не понимаю.

– Ну-ну. – Крэйг неприятно усмехнулся. – Я не хочу становиться пособником. Не хочу подставлять шею под петлю.

– И что?

Вопрос содержал угрозу.

– Вы должны будете помочь мне.

Крэйг сунул свободную руку во внутренний карман пиджака и извлек тонкую пачку свернутых листов.

– Прочитайте, – велел он и бросил бумаги на колени собеседника.

Мягко зашелестели страницы.

Крэйг осторожно наблюдал за своим компаньоном.

Реакция оказалась стремительной:

– Это же признание!

– Да, – вежливо согласился дядя Расс. – От вашего имени. Пожалуйста, прочитайте его. В некоторых местах пришлось пользоваться собственным воображением. Но, думаю, вы сочтете его довольно точным.

Раздался смех.

– Я должен поставить свое имя? Вы что, считаете меня идиотом?

– Нет, – спокойно ответил Крэйг. – Но вы сделаете, как я хочу.

Вновь повисла тишина, во время которой человек стремительно читал. Затем:

– Значит, вы и это знаете?

– О, да, – сказал Крэйг. – Я ничего не опустил.

Послышалось громкое шелестение бумаги.

– Я не могу подписать это.

– Вы подпишете, – мягко возразил Крэйг, – каждую страницу.

В комнате чувствовалась угроза. Она просачивалась вокруг теней и вспыхивала в свете лампы. Лоуренс, всматриваясь в щель между отдернутыми шторами, с любопытством наблюдал за старым жуликом. Он без удивления отметил, что, несмотря на волнение, которое выдавали капельки пота на лбу, дядя Расс наслаждается происходящим.

Крэйг держал пистолет недрогнувшей рукой.

Он пояснил:

– Мне нужно ваше признание по очевидным причинам. Я не собираюсь становиться вашей третьей жертвой. И я не хочу, чтобы мое участие в этом деле стало известно полиции. Если когда-нибудь вы не сможете обеспечить мое... гм... пособие, то эти бумаги будут анонимно посланы в Нью-Скотланд-Ярд.

– Я все еще смогу назвать вас соучастником.

– Как, – вежливо спросил Крэйг, – как вы это докажете?

Ответа не было.

Дядя Расс спокойно сказал:

– Если у меня будут эти бумаги, мне бояться нечего. Ни вас, ни главного прокурора.

– Я не буду подписывать, – категорически заявил другой.

– Выбор за вами. – Старый жулик изящно пожал плечами. – Или вы ставите свое имя на этом признании, или я рассказываю коронеру все. – Крэйг усмехнулся. – Правдивая история этого преступления сделает бóльшую сенсацию, чем любая фантазия, которую я смог бы придумать. Я буду превосходным свидетелем, – добавил он.

– Вы...

Рука другого дернулась вверх.

Крэйг выставил пистолет вперед и рывкнул:

– Никаких шуточек, пожалуйста. – Он успокоился. – И никакого насилия. Хотя я вполне могу с вами справиться, – закончил он тихо.

Его голос вновь окреп.

– Вы приняли решение?

Наступил момент ужасного спокойствия. Затем ручка начала неистово царапать по бумаге.

Крэйг беззвучно рассмеялся.

Снаружи в саду, Лоуренс посмотрел на Питера. Кверрин слышал каждое слово. Его лицо побелело, и вся кровь отлила от него.

Лоуренс обернулся назад к шторам. Его тело напряглось.

– Вы закончили? – спросил дядя Расс.

– Да. – Ответ был тихим и покорным, но все же в голосе слышались странные нотки. – Вот.

В комнате возникло некое движение. Лоуренс видел, как глаза Крэйга блеснули, когда его компаньон встал с подписанным признанием. Тот, другой, тихо сказал:

– Возьмите.

Когда Крэйг схватил бумаги, его пристальный взгляд машинально сместился вниз. В этот краткий миг убийца бросился на него, как дикая кошка.

Две отчаянные руки ухватились за оружие, зажатое в кулаке, схватив его за ствол и заднюю часть. Крэйг почувствовал, как пистолет вывернулся и захватил в ловушку его палец, лежащий на спусковом крючке.

Он завопил от боли.

Давление ослабло, а затем он получил удар в искаженное от ужаса лицо. Он упал на колени, наполовину потеряв сознание.

– А теперь!

Глаза другого мерцали сталью. Схватив пистолет за ствол, он наклонился и со злостью размахнулся, чтобы нанести удар.

В течение долгой секунды Лоуренс оказался парализован страхом и шоком. Затем, когда дядя Расс упал, молодой человек отдернул в сторону штору и бросился на нападавшего.

Он захватил запястье убийцы и с силой вывернул. Рукоятка пистолета прошла лишь чуть мимо виска Крэйга.

Сила броска прижала Лоуренса к спине другого. Они сцепились и покатались по полу, дико борясь.

Пистолет, выпав из рук убийцы, заскользил по полу и ударился о ботинки Кверрина, когда тот входил в окно из сада.

Голова Лоуренса ударилась о ножку стола. Горящая лампа безумно закачалась.

Тут же придя в себя, молодой человек вскочил.

Его противник с непроницаемым лицом встретил его так же стоя.

Лоуренс не мог позволить себе сантименты. Он ударил ногой в промежность противника. Убийца упал, а Лоуренс бросился на него.

Олджи схватил носок ботинка противника левой рукой, затем перевернул лежащего и сел на него, захватив в результате ногу в замок. Тогда он откинулся назад и надавил.

– Ради себя самого, лежите смирно! – крикнул он.

Убийца не повиновался. Он продолжал отчаянно бороться за спасение. Лоуренс сжал зубы. Он услышал крик муки, и противник замер неподвижно.

Лоуренс вытер пот со лба. Он не чувствовал себя счастливым: он ненавидел насилие.

Лоуренс оглянулся в поисках оружия.

Оно было в руке у Питера.

Кверрин медленно вышел вперед. Одна штора была полностью отдернута в сторону, и через окно лился дневной свет.

Лоуренс, стараясь говорить спокойно, сказал:

– Дайте мне пистолет.

Питер Кверрин покачал головой. Рот искривился в слабой улыбке:

– Нет. – Его голос стал резким. – Предупреждаю вас. Не двигайтесь.

Рассел Крэйг внезапно пошевелился.

Кверрин взвизгнул:

– Вставайте! Встаньте там – позади Лоуренса.

Старый жулик заколебался.

– Делайте, как он говорит! – грубо приказал Олджи.

Крэйг мучительно поднялся. Тонкая струйка крови запеклась у него на щеке, а «стреляющий» палец на правой руки покраснел и опух.

Он сделал жалкую попытку поправить взъерошенные седые волосы и медленно пошел через комнату.

– Так-то лучше, – сказал Питер Кверрин.

Лоуренс чуть поменял положение.

Пистолет в руке Питера дернулся:

– Я сказал: не двигаться!

Олджи почувствовал, как тело под ним зашевелилось.

Сдавленный голос с мукой произнес:

– Прикончите его – дайте мне уйти...

Рот Кверрина задрожал:

– Нет. Я не доверяю вам. – Его голос охрип. – Вы выдали меня.

Лоуренс холодно посмотрел на него. Затем, двигаясь спокойно и лениво, он встал и освободил пленника.

Лицо Питера исказилось от гнева:

– Свинья! Вы хотите, чтобы я выстрелил?

Олджи Лоуренс спокойно сказал:

– Вы не убьете меня, Питер. Кишка тонка!

В тоне слышалось явное презрение.

Кверрин вспыхнул. Его согнутый палец задрожал на спусковом крючке.

Лоуренс прислонился бедром к столу.

Он сказал, словно между прочим:

– Вам всегда понадобится другой, – его взгляд сместился вбок и вниз, – чтобы сделать за вас грязную работу. А на сей раз, Питер, у вас нет нанятого убийцы.

Он расслабился и закрыл глаза.

– Скажите мне, Питер. Когда вы решили, – он сделал паузу, – что ваш брат должен умереть?

Что-то забулькало в горле Кверрина:

– Дайте мне это признание!

Бумаги были все еще в руке Крэйга. Он собрал их, когда поднимался с пола.

Лоуренс наклонился и перехватил их.

Глаза Кверрина помертвели.

Он прошептал:

– Дайте мне эти бумаги!

Лоуренс покачал головой:

– Вам придется убить за них, Питер. Легкого способа не существует.

– Стреляйте! – Хриплый голос заставил вздрогнуть их обоих.

Сообщник Кверрина попытался встать, а затем вновь опустился с криком боли, потирая травмированную ногу.

Лоуренс невесело усмехнулся:

– Это хороший совет. Последуйте ему.

– Я не хочу убивать вас...

– Но вам придется убить меня, Питер. Вам придется убить всех нас.

Кверрин казался на грани рыданий:

– Будьте вы прокляты!

Лоуренс пожал плечами:

– Вы не игрок, Питер. А ставки слишком высоки. Вы должны были остановиться и все обдумать, прежде чем готовить смерть Роджера.

Лицо Кверрина сморщилось. Он прошептал:

– Я не хотел, чтобы он умер. – Его тон был на грани истерики. – Все дело в этой комнате, я вам говорю! Здесь зло... я ненавижу вас, старый Том Кверрин! Вы заставили меня сделать все это!

– Вы сумасшедший, – жестоко сказал Лоуренс.

Ноздри Кверрина раздувались, он тяжело дышал:

– Той ночью, когда я здесь рассказывал эту историю им, Одри и Роджеру, я чувствовал, как зло просачивается в меня... Я видел, как легко будет...

– Убить вашего брата и унаследовать его состояние?

Питер дернулся, как от удара кнутом.

Он закричал:

– Это его собственная вина! Мы с Одри... мы умоляли его... Он не передумал. Он настаивал на том, чтобы исполнить... свой долг... Он не захотел снять... искушение.

Лоуренс заметил:

– У вас не хватило смелости убить его самому. Поэтому вы обратились...

Он показал жестом.

Кверрин сжал челюсти.

– Значит, вы знаете?

– О, да. – Лоуренс говорил совершенно спокойно. – Я знал через восемнадцать часов после смерти Роджера. – Он засмеялся. – Вы, надеюсь, не верили той сказочке, что я наплел наверху?

Он улыбнулся Расселу Крэйгу.

– Простите, сэр. Я ужасно вас очернил.

– Замолчите, вы. – Лицо Кверрина стало белым. – Мне нечего терять. Я буду висеть так или иначе, убью я вас или нет.

– Не валяйте дурака, – голос сообщника звучал горько и презрительно. – Заберите признание, не тратьте времени зря. Его достаточно, чтобы повесить нас обоих.

– Это вы его подписали, чтоб у вас глаза лопнули! – разозлился Кверрин.

– У меня не было выбора.

Лоуренс мягко улыбнулся:

– Вы можете сдатьсь.

Губы Питера превратились в тонкую линию:

– Дайте мне бумаги.

– Возьмите их, дурак! – крикнул его сообщник с гневом и болью. – Если бы я только мог встать... А-а-а! Моя нога...

– Простите, – сказал Лоуренс с искренним сожалением. – Но вам не следовало сопротивляться. Вы сами себе навредили.

– Замолчите! – закричал Кверрин.

Пистолет дико плясал в его руке.

Он отступил к окну.

Его сообщник тяжело дышал:

– Несчастный дурень! Не сдавайтесь! Выше голову. Стреляйте в него... верните... бумаги!

Кверрин весь сжался.

Лоуренс вздохнул:

– Бесполезно. Кверрин не может убить хладнокровно.

И с благодарностью подумал: «Я победил. Слава Богу!»

Питер прошептал:

– Мне придется... чтобы уйти.

Лоуренс ничего не сказал, и Крэйг хранил молчание, но слышался другой провоцирующий ответ.

– Вас повесят, Кверрин.

– Что?

– Вы не можете уйти вот так просто, оставив все доказательства... вас найдут и повесят. Войдут в вашу камеру однажды утром, свяжут вам руки, поставят на люк...

– Вы...

Голос Питера перешел в вопль. Он подбежал к мучителю и ударил его рукояткой пистолета.

– Прекратите!

Лоуренс прыгнул к нему и схватил за руку.

Кверрин с силой отчаяния отшвырнул его назад.

Он присел, как животное.

Лоуренс, отброшенный к столу, увидел в глазах Питера смерть.

Палец напрягся на спусковом крючке...

Но тут раздался новый голос:

– Бросьте пистолет!

Свет померк в глазах Кверрина.

Он медленно повернул голову и уставился на мужчину в форме, который вошел в окно.

В руке полицейский держал револьвер.

Лоуренс спокойно сказал:

– Я рад, что вы пришли, инспектор.

Никто не двигался.

По щеке Питера побежала слеза.

Затем он развернул оружие, и они услышали, как ствол стукнул о зубы.

Его палец дернулся на спусковом крючке, и тишину разорвал выстрел.

В течение одной ужасной секунды Питер Кверрин продолжал стоять, с лицом, превратившимся в кровавое месиво.

Затем упал на пол, как сломанная кукла.

Лоуренс медленно выпрямился и с состраданием посмотрел вниз.

– Теперь все кончено, – сказал он.

– Не совсем, – мрачно возразил Хэзлитт. Он подошел к тяжелым шторам и полностью раздвинул их. Дневной свет вновь затопил комнату, вытесняя тени.

– Сержант, вызовите доктора Тиссена, – распорядился инспектор. – И примите меры, – он бросил через плечо пристальный взгляд: – У нас арестованный.

Он пошел назад, с отвращением обходя мертвеца.

– У меня есть ордер... – начал он.

Сообщник Питера устало ответил:

– Давайте пропустим формальности. Я хочу перебраться парой слов с мистером Лоуренсом.

Хэзлитт колебался.

Лоуренс кивнул:

– Опасности больше нет.

– Хорошо. – Инспектор вручил молодому человеку револьвер. – Возьмите.

Он вышел. Крэйг последовал за ним, прижимая ко рту носовой платок.

Лоуренс спросил:

– Нога все еще болит?

– Нет. – резко ответил другой. – Дайте закурить.

– Конечно. – Лоуренс открыл портсигар и вставил сигарету между губами другого. Револьвер он достаточно небрежно опустил в карман.

Его компаньон усмехнулся:

– Не бойтесь, что я попытаюсь захватить оружие?

– Нет. Вам не убежать, когда полиция снаружи. И вы не думаете о самоубийстве.

– Правильно. – Конфликт завершился, и оба вернулись к старым отношениям. – Я не такой дурак, как Кверрин.

Повисла небольшая пауза.

– И вы еще не победили меня.

Лоуренс пожал плечами:

– У меня ваше признание.

– Полученное по принуждению, – торжествующе сказал другой. – Я буду все отрицать. Я не сдамся без борьбы.

Лоуренс поднял одно плечо.

– Давайте не будем спорить. У вас будет справедливый суд. Остальное – дело присяжных.

– И палача. – Другой горько рассмеялся. – Что проку? Я слишком честен, чтобы обманывать себя самого. И Питер оставил меня со всем этим один на один.

Внезапно Лоуренс спросил:

– Почему вы это сделали?

– Кто может сказать? Мне все надоело, и я устал... Я никогда не избегал рассчитанного риска. И, как вы сказали, ставки были высоки. Это была азартная игра, вот и все. Могла принести мне хороший куш.

Лоуренс тихо сказал:

– Мне жаль.

Он с любопытством смотрел на человека, которому еще недавно искренне симпатизировал.

– Не стоит, – ответил другой. – Я бросил вам вызов, когда убил Кверрина и Тернера. Вы оказались слишком умны для меня. У меня нет против вас злобы.

Он чуть усмехнулся:

– Хотя признаю, что это оскорбительно... он сделал паузу, – быть побитым проклятым любителем, – закончил сержант Хардиндж.

– Питер Кверрин, – медленно начал Лоуренс, – не был очень умелым преступником. И он был плохим актером. Мы с вами, – он уставился на крупного мужчину напротив, – видели, что он нервничает, напряжен и напуган.

– Да. – Стивен Касл нахмурился. – Его эмоции были подлинными. Мы сами неправильно их интерпретировали, вот и все.

В его голосе слышалась горечь.

Лоуренс чувствовал, что вновь в нем пробуждается старый гнев. Однако после секундной паузы он заметил нормальным тоном:

– Сейчас поздно винить себя. Да, нас одурачили. Но мы не могли знать, что, охраняя Роджера, ставим его жизнь под угрозу.

Старший инспектор выглядел усталым:

– Вы должны объяснить все с самого начала.

Лоуренс кивнул. Мужчины сидели в библиотеке. Молодой человек провел рукой по гладким светлым волосам и начал:

– Питер был слаб и полностью зависел от брата. Он, должно быть, долго возмущался, видя богатство Роджера и находясь в его власти.

– Роджер был моим другом, – заметил Стив, – но он мог быть высокомерным и властным. Его нелегко понять.

Лоуренс продолжал:

– Когда его брат решил жениться, Питер увидел, что состояние уплывает от него даже в перспективе. Он, воз-

можно, даже потеряет дом, поскольку молодожены, – Олджи усмехнулся, – обычно предпочитают быть одни.

Однако, он не думал об убийстве, пока Роджер не выдвинул свой сумасшедший план явиться на традиционную встречу Кверринов. Отдавая Питеру должное, признаю, что он пытался отговорить брата: он боялся своего собственного стремления ко злу.

Роджер оказался упрямым, и Питер не смог противиться искушению. Он решил, что его брат должен умереть.

Он знал, что Роджер еще не составил завещания, и поэтому богатство перейдет к нему. Эти деньги стали приманкой для Хардинджа.

Олджи делал все возможное, чтобы избежать взгляда старого друга.

Он продолжил:

– Мы никогда не узнаем в точности, что у них были за отношения. Несомненно, что Хардиндж и Питер были довольно близки. Они, должно быть, хорошо знали характер друг друга.

Касл пожал плечами:

– Мы можем выяснить. Не то, чтобы теперь это имело значение.

Лоуренс задумался:

– Сержант вообще практически не знал Роджера. Их первая неофициальная встреча состоялась в ту ночь, когда Хардиндж пришел, чтобы убить его.

Касл выругался. Его профессиональная гордость была уязвлена.

Лоуренс мягко заметил:

– Полицейские – люди, коим присущи ошибки и недостатки. Сержанту надоела и стала ненавистна бесперспективная работа в крошечной деревне. У него практически не было надежды на продвижение и не имелось никакого способа прилично заработать.

Когда Питер предложил свою сумасшедшую схему – достаточно робко, как я понимаю, – Джон Хардиндж воспользовался случаем. С этого момента всем заправлял сержант. Молодой Кверрин был лишь пешкой. Обмана полицейский не опасался. Хардиндж был более сильным человеком. Он знал, что, как только Роджер умрет, он сможет потребовать у Питера столько, сколько пожелает.

Он начал разрабатывать подробный план. Первое, что необходимо было сделать, это предоставить Питеру железное алиби.

Именно здесь появились вы, Стив. Вы прибыли сюда на отдых, и они наметили вас на роль идеального свидетеля.

Питер, изводимый собственными сомнениями и нерешительностью, но все же решивший проделать все до конца, рассказал вам красочную историю о призраке. Вы согласились помочь, и что важнее, – Олджи чуть улыбнулся, – Кверрину удалось убедить вас, что это вы сами решили призвать сержанта Хардинджа.

Касл выглядел мрачным.

Лоуренс ласково улыбнулся ему и продолжил:

– Они манипулировали вами. Будучи добросовестным человеком, вы согласились стоять на страже с Питером – в конце прохода, – в то время как сержант будет ждать снаружи в саду.

Это было необходимо. От этого зависел успех всего дела.

Замечательно! Все было улажено, а затем вас внезапно вызвали в Ярд.

Это почти разрушило их план. Вся схема требовала, чтобы безукоризненный свидетель подтвердил алиби Питера. В конце концов, Кверрин был самым очевидным подозреваемым. Они должны были обеспечить стопроцентное доказательство его невиновности.

Вы выбыли из игры. Они стали искать замену. По наивности вы посоветовали Питеру обратиться ко мне.

Глаза Олджи стали злыми:

– Я был его последней надеждой. Действительно, жизнь его брата зависела от моего ответа.

Если бы я отказался поехать с Питером, им пришлось бы отбросить свои планы... Мне достаточно было просто остаться в Лондоне.

Он сердито сцепил руки вместе:

– Если бы не я, Роджер был бы все еще жив.

Касл скривил рот:

– Это я заставил вас поехать. Простите.

Лоуренс приподнял одно плечо:

– Я попал в ловушку, как и вы. Кверрин не мог скрывать своих чувств. Он был на грани срыва от страха и волнения... Но он боялся не за брата. Это был страх перед палачом.

Говоря это, Олджи понял, что Питер также боялся потерять единственный шанс убить брата.

От этого его бросило в дрожь. Он резко сказал:

– Мне не хочется думать о борьбе темных сил в голове Кверрина. Скажем, он одурачил нас, и остановимся на этом.

Я поехал с ним в Бристли.

Как и вы до меня, я почувствовал угрозу и необходимость защиты. Тогда с облегчением он передал меня своему сообщнику.

Хардиндж был совсем другим человеком. Он был спокоен и эффективен. А кроме того, хотя тогда я этого не знал, абсолютно безжалостным.

Лоуренс усмехнулся:

– Достаточно странно, но мне он понравился с первого взгляда. Я все еще удивляюсь, когда задумываюсь об этом.

Он потер щеку:

– Сержант – человек без нервов. Старший Кверрин был для него просто пустым звуком: неким препятствием, которое нужно устранить.

Он быстро продолжал:

– Хардиндж осторожно ввел меня в разработанный им план. У меня не возникло никаких подозрений...

– Не обвиняйте себя в этом, – проворчал старший инспектор. – Он одурачил и меня. Он уже убедил меня встать на страже в доме. Вы просто заняли мое место.

– Даже в этом случае я, возможно, все еще разрушил бы их план, просто изменив принятые меры. Но, – его лицо помрачнело, – я этого не сделал. И Питер снова обманул меня.

Я позволил ему помочь мне проверить окно в проходе. Он получил возможность поставить старый деревянный ящик непосредственно под подоконником.

Стив выглядел озадаченным. Лоуренс продолжил:

– Я объясню позже. Ящик должен был находиться именно там. Невольно я дал ему шанс снять все подозрения.

– Маловероятно, – заметил Стив, – что полиция задавала бы вопросы о нем, так или иначе.

– На это и был расчет. – Лоуренс закрыл глаза. – Давайте на секунду отвлечемся.

Я не считаю, что они намеревались обратить мое внимание на старого Саймона. Но я разговорил Питера в поезде, и он решил, что история увольнения Тернера послужит полезным отвлекающим маневром.

Старый Саймон действительно весь день бродил вокруг Кверрин-Хауса. Он был единственным человеком, который поверил в историю о призраках, и хотел увидеть, как с Роджером произойдет несчастье.

Хардиндж был озадачен, когда услышал, что я подвергся нападению, но решил, что бродяга побоится вернуться. Это оказалось просчетом.

Однако, у него были другие поводы для волнения. Он задавался вопросом, потеряет Питер самообладание или нет. Это могло означать катастрофу для обоих. Участие

Кверрина в убийстве было достаточно небольшим, но, как вы увидите, жизненно важным.

Питер почти сорвался, когда дядя Расс напился и пытался присоединиться к охране. Все повисло на волоске. Однако этот кризис миновал и...

Лоуренс остановился и мрачно улыбнулся:

– Хардиндж фактически при мне сказал Питеру, что тот не обязан пройти через убийство, если хочет пойти на пятный.

– Что!

– Иносказательно. Но имел в виду именно это. Кверрин ответил: «Я смогу сделать все, что должен», – и участь Роджера была решена.

Теперь дальше. Роджер, очевидно, совершенно не подозревал людей, которые собирались его охранять.

Шел сильный дождь. Вскоре после того, как старшего Кверрина оставили одного, Хардиндж покинул свой пост на дорожке и пересек клумбу, подойдя к дому. Дождь смыл его следы.

Стоя на ступеньках, он слегка постучал в стекло. Роджер удивился, но у него не было причин для подозрений. Он раздвинул шторы, увидел, кто это, и открыл французское окно.

Как я понимаю, сержант снял свой плащ и оставил его под деревьями. После пересечения влажной почвы он снял галоши, и поэтому не принес грязи в комнату из сада.

Он как-то оправдал свое появление Кверрину, и поставил галоши у огня, чтобы высушить.

Было лишь чуть позже одиннадцати, и Роджер не возражал. Только позже, когда приблизилось время «встречи», Кверрин велел сержанту уходить.

Хардиндж встал позади него и оглушил дубинкой...

Касл приглушенно выругался.

– ...подхватив его, когда тот падал, чтобы не было шума. Затем уложил на пол. После этого он вытащил кинжал из ножен и стал ждать.

Лоуренс уселся поудобнее:

– К большому удовольствию сержанта, дождь перестал без двадцати минут двенадцать. Это был подарок судьбы. Раньше он рассчитывал, что его алиби будет зависеть исключительно от окон, которые Роджер повторно запер изнутри. Теперь в его поддержку говорила и нетронутая почва на клумбах.

Без десяти двенадцать он вновь надел на сапоги галоши (если какая-то высохшая грязь на подошвах и оставалась, он вытряхнул ее в тлеющие угли камина), взял кинжал и воткнул его в спину Роджера. Быстро протер ручку. Он не хотел оставлять на рукоятке никаких пятен.

Возможно, на нем были резиновые или тонкие хлопчатобумажные перчатки или он, возможно, обернул пальцы носовым платком. Он погасил лампу, и поэтому никакой свет не мог проникнуть в коридор...

Касл наклонился вперед и насторожился.

Лоуренс медленно продолжал:

– Также тщательно заботясь, чтобы не стереть отпечатки Кверрина на ручке, он открыл дверь...

– Один момент! – возмутился Стив. – Мы прекрасно знаем, что это невозможно...

Олджи печально улыбнулся:

– Фокус столь прост, что я почти стыжусь, объясняя его. Питер знал, что на двери будет новый замок, поэтому, когда он поехал в Лондон с вами, то пошел к изготовителю и купил новый ключ к замку такого же типа...

Касл выругался.

– Этот ключ он дал Хардинджу, когда тот в роковой вечер пришел в дом, и сержант заменил им настоящий ключ на цепочке Роджера, после того, как оглушил жертву.

Хардиндж отпер дверь, проскользнул в проход, а затем запер дверь снаружи.

Он бесшумно прошел вдоль коридора, пока не достиг одинокого окна. Он перелез через подоконник, опустил окно снаружи и присел на корточки на перевернутом ящике под подоконником.

Тем временем мы с Питером ждали на входе в проход. Питеру удалось занять командное положение, но даже если бы я глянул в коридор в неподходящий момент, маловероятно, что я увидел бы хоть что-то в черноте.

Кроме того Кверрин должен был отвлекать мое внимание. Заговорщики действовали точно по расписанию. Без десяти двенадцать Питер начал громко говорить, заглушая всякий небольшой шум от перемещения.

Без четырех двенадцать, когда он был уверен, что его сообщник ушел (вероятно, он увидел краткий проблеск лунного света, когда Хардиндж отодвигал шторы на окне), Питер заставил меня войти с ним в проход.

Я предложил проверить окно. Они этого ожидали.

Питер передал мне подсвечник, который нес, повернулся спиной ко мне и положил руки на шторы. Делая вид, что он отводит их в сторону, он подвинул запор в нужное положение – крохотное движение, которое я не заметил, поскольку его тело закрывало пальцы, – а затем показал мне надежно запертое окно.

Хардиндж сидел ниже подоконника. А свеча превратила стекло в зеркало, еще больше мешая видеть. Кроме того, мое внимание было сосредоточено на запоре... надеюсь, что это не звучит, словно я пытаюсь оправдаться?

– Продолжайте, – проворчал старший инспектор.

Лоуренс пожал плечами:

– Затем Кверрин выполнил все то же в обратном порядке. Я отвернулся. Закрывая шторы Питер освободил запор.

Мы пошли к комнате Роджера. Было двенадцать часов.

Сержант выпрямился, оперся руками о подоконник и прижал лицо к стеклу. Затем закричал...

– О, нет!

– Да-да. Рассел Крэйг, помимо всякой ерунды, сказал истину. Очень трудно определить местоположение источника звука, особенно в темноте... Я еще тогда подумал, что было что-то очень неправильное в этом полузадушенном звуке. Конечно было. Он донесся сзади, а не спереди.

Но Питер не дал мне времени на раздумья. Он выкрикнул имя брата, и неверное направление было принято.

Мы взломали дверь.

Вновь им повезло. Роджер пришел в сознание. С последним усилием он тянулся к двери. Это усилие оказалось слишком большим. Он умер, ничего не сказав.

Истерия Питера была подлинной. Спасение лишь по счастливой случайности, да еще сцена резни – для него это было уже слишком.

Лоуренс сделал паузу, вспоминая.

Хардиндж терпеливо ждал снаружи. Он не ожидал, что я стану стрелять в дверь, чтобы ее открыть, но не потерял головы. Как только я вломился внутрь, он проскользнул в открытое окно и соскочил в коридор. Питер остался в дверном проеме, чтобы загородить мне вид в проход.

Хардиндж запер окно, не оставляя отпечатков на запоре. Затем быстро побежал вдоль коридора (толстый ковер заглушил его шаги) через двойные двери в главный холл, а затем через короткий коридор к боковой двери.

Он отпер дверь и выскочил наружу. Побежал вдоль дорожки, огибающей дом, назад к исходному посту под деревьями. У него было время, чтобы подхватить плащ, затем...

Лоуренс сделал паузу.

– Могу представить его, стоящим там, под деревьями: он тяжело дышит и напряженно смотрит на дом. Одна

рука в кармане, возможно, нервно теребит ключ, который он должен заменить.

Самая большая опасность для него состояла в том, что я обнаружу подмену. Я действительно исследовал цепочку в кармане Роджера, но... – он пожал плечами – один новый ключ очень похож на другой новый ключ, и у меня не было времени, чтобы проверить его в замке.

Олджи виновато улыбнулся:

– Я подошел к окнам и дал сигнал сержанту. Питер сразу предложил, что впустит его. Это обеспечивало, что никто больше не исследовал боковую дверь, которая, конечно, больше не была заперта.

Хардиндж прошел вдоль дорожки. Его одежда была сухой, тогда как должна была быть влажной, но его плащ оставался на дожде и он задел мокрые листья.

Лоуренс снова улыбнулся и сказал, упрекая себя:

– Хэзлитт заметил, что сержант сухой. А я нет...

У Хардинджа был неприятный момент, когда он увидел цепочку для ключей Роджера, лежащую на ковре. Он знал, что я, должно быть, рассматривал ее, и быстро упрекнул меня в том, что я порчу улики.

Это было ошибкой, хотя тогда я этого не понял.

– А? – удивился Касл. – О, понимаю. Если Хардиндж был невиновным, он бы...

– Он не мог бы знать, что я вытащил цепочку. Она могла выпасть из кармана Кверрина при борьбе. Сержант знал, что этого не было, и пришел к правильному заключению, что я рассматривал ключ, – этим он выдал себя. Но он быстро сообразил. Он увидел свою ошибку и сразу перевернул свои слова. Он сделал вид, что говорит о шторах на французских окнах.

Но ему все еще требовалось заменить ключ прежде, чем мы обнаружим, что тот, который на цепочке, неправильный. Поэтому он велел мне ждать в холле и заменил ключ

прежде, чем прибыл инспектор. Фальшивый он опустил себе в карман, чтобы избавиться от него позже. Есть вопросы?

– Да. Как сюда вписывается старый Саймон?

– О, Тернеру не повезло. Он не смог держаться в отделении. Хардиндж прекрасно знал, что никакой бродяга не рискнет находиться около дома, пока он стоит на страже, но как только он оказался в комнате с Роджером...

Он пожал плечами.

– Тернер подошел ближе, оставив те загадочные отметки на земле вне дорожки. Он услышал крик, а немного позже увидел, как сержант бежит назад к деревьям.

Старый Саймон осторожно ушел. Он не хотел проблем. На свою беду он слишком задержался и столкнулся с Хардинджем, когда оба уходили утром.

Последовала схватка, и не было времени для разговоров и объяснений. Хардиндж никогда не арестовывал бы его, если бы знал, что видел старый Саймон. Но Тернер находился без сознания, а затем прибежали мы, поэтому у него не осталось выбора. Саймона поместили в камеру.

Они поговорили. Сержант не мог позволить, чтобы история старика пошла дальше. Как только возникло бы подозрение, что Хардиндж не был беспристрастным свидетелем, каковым казался, то...

Лоуренс сделал паузу:

– Старый Саймон должен был умереть.

Касл промолчал.

Его друг продолжал:

– Хардиндж оказался в опасной ситуации. Если Тернер окажется убит в отделении полиции, сержант неизбежно станет подозреваемым. Таким образом, он должен доказать свою невиновность.

– Так он и сделал. – Касл нахмурился. – Черт побери! Говорите, что хотите, но Хардиндж не мог до него добраться.

– Невозможности, – ответил Олджи, – были специальностью сержанта. Я вновь оказался простофилей. Он пригласил меня в отделение...

– Секундочку. Вы беседовали со старым Саймоном по приглашению Хардинджа. Как он мог пойти на такой риск?

– Не смущайте меня, Стив. Через минуту объясню. Прежде, чем я проанализирую вторую иллюзию, я должен объяснить, как решил первую.

Касл кивнул:

– По телефону вы были немногословны.

Лоуренс сложил ладони:

– Ключ к разгадке дал мне сам Хардиндж. Мне потребовались полтора часа, чтобы понять его значение. Но за это время пропала еще одна жизнь.

Касл сочувственно посмотрел на своего молодого друга.

– Не обвиняйте себя, – повторил он.

Лоуренс криво усмехнулся.

– Постараюсь изо всех сил... Ладно. – Его тон изменился. – Хардиндж показал мне рапорт по отпечаткам пальцев. Отпечатки Роджера оказались поверх любых других на многих предметах в комнате, где он умер, включая задвижки на окнах.

Он сделал паузу и с надеждой посмотрел на друга. Касл выглядел озадаченным, но затем понимающе улыбнулся.

Лоуренс кивнул:

– Да. Я лично закрыл те окна. Найденные отпечатки должны были быть моими. Очевидно, потом Роджер сначала отпер, а затем задвинул задвижки уже после того, как мы оставили его одного.

Почему? Ясно – чтобы позволить кому-то войти в комнату из сада.

Хардиндж не мог этого не видеть. Поэтому его свидетельства были ложны.

Теперь, Роджер не был дураком. Он знал, что мы его охраняем. Он не позволил бы войти в комнату никому,

кого не знал бы и не доверял, не подняв тревоги. Но в тот момент вокруг были лишь три таких человека.

Мы с Питером были в холле. Оставался только Хардиндж. Таким образом, было разумно предположить, что именно сержант был гостем Кверрина.

Касл согласно кивнул. Он пробормотал:

– Вероятно, Хардиндж как-то оправдал свой приход погодой.

– Ага. Попросил посидеть, пока дождь не прекратится. Что-то в этом роде... Я продолжу: Оказавшись внутри, Хардиндж смог легко избавиться от жертвы. – Лоуренс сознательно говорил банальными фразами. Он пытался уменьшить жестокость и боль случившегося, сведя все к лаконичности газетного отчета. – Но как он смог убежать? Через окна? Нет. Он не мог закрыть за собой задвижки и не мог возвратиться на дорожку, не оставив следов.

Итак, – Лоуренс пожал плечами, – он должен был выйти через дверь. Был только один ключ, таким образом, он должен был взять его с тела Роджера. Тем не менее, я нашел его в кармане мертвеца.

Я понял, в чем моя ошибка. Я нашел ключ и предположил, что он подлинный... А он поддельный. Всё же полиция проверила его в замке. Поэтому настоящий ключ должны были вернуть прежде, чем приехали полицейские.

Это мог сделать только сержант. Я сам оставался в комнате, пока не пошел встречать Хэзлитта. Никто не мог подменить ключ, пока я смотрел.

Следующий вопрос: как Хардиндж исчез из коридора? Он не проходил через двойные двери. Он не скрывался в проходе. Поэтому он должен был выйти из окна.

Как он смог это сделать, не оставляя следов? Был лишь один ответ. Он стоял на ящике снаружи.

Это привело меня к новой невозможности. Окно было заперто... я лично его проверил.

Я рассмотрел все обстоятельства, и понял, как Питер мог... должен был... одурачил меня.

Все срослось. Как только я убедился, что виноваты двое, вся тайна объяснилась.

Лоуренс потер щеку:

– Был еще один момент. Поставьте себя на место сержанта.

Стив выглядел удивленным.

Лоуренс продолжал:

– Я заставил вас охранять Роджера Кверрина. Вы ждете в саду. Вы слышите крик, затем три выстрела. Человек, которого вы призваны защищать, в опасности. А теперь быстро: что вы делаете?

– Бегу к окнам, чтобы посмотреть, что...

Голос Касла медленно замер, рот остался открытым. Лоуренс удовлетворенно заметил:

– Точно. Вы здесь находитесь, чтобы защищать Роджера, а не сохранять улики...

Естественно, Хардиндж не мог ступить на клумбу. Не хотел портить иллюзию. Но никакой невинный человек не мог иметь такое сверхчеловеческое самообладание... или черствость, чтобы проигнорировать такой очевидный крик о помощи.

Только у виновного могла быть причина оставаться там, где он был.

Касл задумался:

– Шторы были задернуты, и он ничего не видел. Или он мог опасаться... – Он остановился. – Нет, эти возражения слишком безосновательны. Вы правы, Олджи. Немедленная реакция любого человека состояла бы в том, чтобы броситься вперед.

Лоуренс наклонил голову:

– Я достиг в своих размышлениях примерно этой точки, когда столкнулся с новостями о смерти Тернера. Откровенно говоря, я был загнан в угол.

Казалось естественным предположить, что его убил Хардиндж. Всё же мои собственные свидетельства доказывали, что это невозможно.

Я ходил по кругу. А затем увидел правду.

Между четырьмя и шестью часами в отделении было только четыре человека: я, Хардиндж, Крэйг и Тернер.

Мы объяснили движения троих, но *ничего не знаем о четвертом!*

Внезапно Касл ударил себя ладонью по колену:

– Чтоб меня! Старый Саймон сам...

– Да. Я знаю, что он был в своей камере в четверть пятого. Я также нашел его там в шесть часов. Он был заключенным, таким образом, мы автоматически предположили, что он и оставался там, где был. И все же... кто запер его? Сержант Хардиндж...

Лоуренс закрыл глаза:

– Сержант сказал нам, что нашел Тернера в камере без семи минут шесть. Но никаких доказательств этому нет!

Касл что-то пробормотал.

Олджи продолжал:

– Так как два жизненно важных свидетельства Хардинджа не были подтверждены, можно было предположить, что старый Саймон вышел из своей камеры.

Теперь, дверь из коридора открывается в комнату для допросов. Единственная возможность Тернера уйти оттуда была во время краткого периода, когда я стоял в подъезде снаружи отделения.

Старший инспектор застонал:

– Можно не продолжать... Очевидно, старый Саймон скрывался в жилых помещениях сержанта.

Лоуренс кивнул:

– Давайте вернемся к началу.

Тернер считал, что Роджер умер, потому что он связался со сверхъестественным. Он не понимал, что Хардиндж –

убийца. Он думал, что сержант виновен лишь в халатном отношении к своим обязанностям.

Оказавшись под арестом, он сказал Хардинджу, что нуждался в помощи. Стал угрожать, что расскажет инспектору, как сержант покинул свой пост...

Касл перебил его:

– Тернер не видел, конечно, что Хардиндж входил в комнату?

– Нет. Но он знал, что в полночь никто не охранял французские окна. Когда он увидел, как сержант торопится назад немного позже, он, вероятно, предположил, что тот легкомысленно куда-то отлучался.

Лоуренс откашлялся:

– Тернер знал, что его почти наверняка признают виновным в нападении, даже если бы он убедил Хардинджа отказаться от одного из обвинений. Поэтому он решил сбежать.

Он потребовал у сержанта помощи. Хардиндж притворился, что согласен.

Он сказал: «Смотрите. Я не хочу, чтобы мои начальники знали, что я пренебрег своими обязанностями. Но мне будет еще хуже, если станет известно, что я позволил вам сбежать. Вы должны помочь мне обезопасить себя».

Таким образом, он рассказал заключенному свой план. Тернер заглотил наживку.

Хардиндж позвонил мне и хладнокровно предложил организовать Питеру алиби.

Инспектор возмущенно закашлялся.

Лоуренс продолжал:

– Кверрина нужно было обезопасить. Он был, как говорится, продовольственной карточкой сержанта. И я даже не думаю, что тот знал тогда, какая новая опасность ему угрожает.

Я пошел в отделение и поговорил со старым Саймоном.

Хардиндж попросил его быть осторожным. Даже в этом случае ему пришлось дважды вмешаться во время нашего разговора.

Мы оставили старика в его камере. Хардиндж сделал вид, что закрыл дверь, но на самом деле просто погремел ключом в замке.

Мы вернулись в комнату для допросов. Как только мы вышли из коридора, Тернер выскользнул из своей камеры и ждал за дверью, слушая наш разговор.

Как только он услышал, что мы вышли из подъезда (Хардиндж специально заговорил громче, подавая этим сигнал), он поспешил в комнату для допросов, а оттуда скрылся в жилых помещениях сержанта.

Затем Хардиндж «вспомнил» о моем оружии и привел меня обратно в отделение.

– Подождите минуту. – Касл нахмурился. – Предположим, вы не стали бы уходить?

– Тогда сержант повел бы меня в свою квартирку, а в это время Тернер выскользнул бы из коридора и спрятался позади открытой двери в комнату сержанта. Затем сержант повел бы меня назад в комнату для допросов, все время разговаривая, чтобы отвлечь внимание, и пока мы стояли бы к двери спиной, старый Саймон должен был бы проскользнуть через открытую дверь в комнату Хардинджа.

Касл немного подумал и кивнул:

– Опасный план. Но мог сработать.

– Хардиндж не боялся рассчитанного риска. И он хорошо натренировал свою жертву.

Стив спросил:

– Как он одурачил старого Саймона?

– Полагаю, он сказал ему что-то вроде этого. Тернер должен был прятаться в его комнатах, пока не стемнеет. Затем сержант отвлек бы внимание констебля, пока старый Саймон выбирается из отделения. Таким образом,

выглядело бы так, что заключенный убежал во время дежурства Шоу, а Хардиндж остался бы не причем.

Касл кивнул:

– Старик, как мне говорили, был довольно глуп. Его нетрудно было бы одурачить подобной историей.

– Ага. Хардиндж навесил ему на уши кучу правдоподобной лапши. Тернер ничего не подозревал.

Он скрылся в спальне сержанта. Неожиданно прибыл Рассел Крэйг. Хардиндж воспользовался возможностью и предложил сделать чай.

Он поставил чайник на плиту. Кроме того, он прошел в спальню и оглушил Тернера своей дубинкой.

Лоуренс на секунду прервался:

– Только пусть мой рассказ не вводит вас в заблуждение. Сержант не сделал ничего не запланированного заранее. Но присутствие Крэйга оказалось кстати. Это усиливало его алиби и отвлекало мое внимание.

Оставив старого Саймона лежать на полу, Хардиндж вернулся в комнату для допросов. Когда он снова вышел несколько минут спустя, то вернулся в спальню, опустился около Тернера и задушил его.

На некоторое время повисло молчание.

Затем Лоуренс произнес:

– Он уже приготовил немного чая в термосе. Налил его в три чашки, быстро вымыл термос, вылил кипящую воду из чайника и вернулся к нам с Крэйгом.

Олджи усмехнулся:

– Дядя Расс представил на обсуждение свои теории и на мгновение заставил Хардинджа запаниковать. Он подумал, что мы догадались о правде. Но даже тогда он не потерял головы. Когда, как последний олух, я выразил ему поддержку, он не стал терять шанса. Его «сомнительное положение» должно было стать возможным оправданием для ухода из полиции.

Касл вновь заворчал.

Лоуренс продолжал:

– Без четверти шесть он избавился от меня. Как только я ушел, он перенес тело старика в камеру. Он повернулся к двери и быстро вытер замок и ручку, чтобы удалить отпечатки пальцев Тернера.

– Что с царапинами в замке?

– Полагаю, он сделал их заранее – и не обязательно отмычкой. Старая проволока оставила бы такие же следы.

Касл нахмурился:

– Зачем ему вообще это понадобилось?

– Потому что он отвечал за ключи. Он предпочел, чтобы мы подумали, будто дверь взломана... Он не хотел озадачить нас второй запертой комнатой. Он даже не хотел еще одного невозможного преступления. Просто хотел создать себе алиби.

Лоуренс пожал плечами:

– Позже он «объяснил» убийство. Это было ошибкой, так как он уже сказал нам, что нашел дверь камеры открытой. Он не предвидел свидетельства Шоу и, так или иначе...

– Он хотел запутать вас, – перебил старший инспектор. – Таким образом, он навесил вам на уши лапшу об окне. Ему было все равно, поверите вы в эту теорию или нет.

Лоуренс кивнул:

– Это неважно... Так или иначе, убийство оказалось «невозможным». Но так как Хэзлитт был убежден в невиновности Хардинджа, сержант не сильно возражал.

Олджи вздохнул:

– Больше добавить и нечего. Хардиндж уложил тело старого Саймона почти в такое же положение, в котором оно лежало на полу в спальне. Он не хотел, чтобы его свидетельства противоречили состоянию, которое мы называем «трупным окоченением».

Молодой человек подошел к финишу:

– Почва была подготовлена. Он выпрямился с трясущимися руками (На этот раз сказалось напряжение) и побежал за мной на улицу.

Так как его алиби зависело от времени смерти Тернера, он хотел, чтобы тело старика обнаружили немедленно.

Лоуренс махнул рукой:

– Остальное вы знаете.

Касл тяжело выдохнул и задумчиво подытожил:

– Сложное дело.

– Не очень. – Лоуренс почесал подбородок. – У Хардинджа талант на детали. Например, когда он вернул ключ на цепочку, то не забыл прижать к поверхности пальцы Кверрина.

– Не говорите мне, какой он умный, будь он проклят! – рассердился старший инспектор. – Скажите лучше, как вы заманили его в ловушку.

Лоуренс недовольно нахмурился и медленно сказал:

– В отличие от большинства охотников, у меня нет никакого пристрастия к убийству. В большинстве случаев я рассказываю вам свои теории и предоставляю полиции их доказывать.

Его лицо еще больше потемнело:

– Я не горжусь собой. Но на сей раз я был зол. – Он прикрыл глаза. – Умерло два человека. Я должен был спасти их. Возможно... – Он сухо рассмеялся. – Возможно, это уязвило мою гордость. Так легко спутать месть с правосудием! Впервые я хотел, чтобы убийцы умерли.

Касл резко возразил:

– Вы лишь выполнили свой долг.

Лоуренс пожал плечами:

– Я доверился Расселу Крэйгу. Он согласился помочь.

О многом Лоуренс умолчал. Дядю Расса, которого вытаскивали из кровати среди ночи, было трудно убедить.

Все же Крэйг скоро понял, что многим «обязан» преступникам. Они отняли у него удобный дом, так как он надеялся остаться с племянницей после ее замужества.

Кроме того, старый жулик был рад возможности появиться в качестве главного свидетеля на сенсационном суде по делу об убийстве. Он подумал, что ситуация таит и коммерческие возможности...

Лоуренс предпочел не анализировать побуждения Крэйга.

Он продолжал:

– Я поговорил с полковником Джонсоном. Мне нужна была его помощь. И, так или иначе, я хотел спасти его репутацию. Хардиндж был членом полиции графства. Было лишь справедливо, чтобы арест произвели они сами.

Затем я побеседовал с самим сержантом и велел ему оставаться у телефона.

Я вернулся в Кверрин-Хаус. Дядя Расс ждал. Мы прошли в мою комнату, чтобы обсудить заключительные детали.

Крэйг уже попросил Одри держаться в стороне. Питер, к счастью для нас, также находился в своей комнате.

Крэйг позвонил Хардинджу от моего имени и попросил его прийти в дом. Он встретил его на дорожке и привел в комнату, где умер Роджер.

Я смотрел из окна своей комнаты. Затем разыграл небольшую комедию для Кверрина.

Лоуренс печально улыбнулся:

– Я расковырял рану на лбу и намазал на висок немного крови из порезанного пальца.

Касл перебил:

– Вы также намазали металлический наконечник палки Крэйга.

– Да. Когда я увидел, что дядя Расс занял сержанта Хардинджа, я привлек внимание Питера, упав со стула. – Он вздрогнул. – Немного перестарался... О, ладно.

Я сказал Кверрину, что его брата убил Крэйг.

Видя вопрос в глазах старшего инспектора, молодой человек объяснил:

– Моя конечная цель состояла в том, чтобы запутать Питера и заставить его потерять голову. Он был более слабым партнером. Я подумал, что его легче расколоть.

Я не дал ему времени на раздумья. Он не понимал, что мой разговор о завещаниях и мотивах был полной ерундой. – Олджи рассмеялся. – Он чуть не опроверг все мое построение.

Я сказал, что Крэйг мог узнать о том, что огонь в камине почти погас, потому что сам был в комнате.

Это было глупо. Поскольку Питер почти признался, что сам сказал Крэйгу об этом, когда они ждали допроса. К счастью для меня, Кверрин решил оставить меня в моем заблуждении.

– Минуточку, – проворчал Касл. – Почему это Питер так искал возможности сообщить Крэйгу такую деталь?

– Он и не искал. – терпеливо объяснил Лоуренс. – Но Хэзлитт собрал всех подозреваемых вместе в гостиной. Естественно, они разговаривали. Помимо меня Питер был единственным свидетелем. Осмелюсь сказать, что дядя Расс проявил свое неисправимое любопытство и выпросил у Кверрина все. Так он и узнал об огне.

– Забудьте, – Касл зевнул. – Это мелочь.

– Да. Я показал Питеру ящик (который взломал сам) и сказал ему, что мое оружие пропало. Затем я срочно повел его вниз по лестнице.

Тем временем Крэйг с удовольствием играл роль шантажиста.

– Есть ли какая-то правда в истории, которую он рассказал Хардинджу?

– Ни крупницы. Я снабдил его всеми деталями... выстрелы, которые я сделал, вполне могли разбудить Крэйга в тот момент, чтобы он смог заметить, как сержант бежит из

прохода. Фактически же, – усмехнулся Олджи, – дядя Расс пребывал в пьяном угаре.

Он потер щеку:

– История казалась убедительной. Хардиндж поверил. Он подписал признание, которое я напечатал сам.

Голос Олджи замер.

– Итак? – голос Касла был почти нежен.

Лоуренс вздохнул:

– К этому времени Питер почти потерял голову. Я запланировал столкнуть его с сообщником. Прежде, чем я успел двинуться, Хардиндж сделал отчаянную попытку напасть на дядю Расса. Крэйга застали врасплох. Пистолет, который я ему дал, не смог его защитить.

Остальное вы знаете. Я набросился на сержанта, но оружие отлетело к Кверрину.

К счастью, Хэзлитт и его парни ждали на территории. Поскольку я договорился с главным констеблем: как только я войду в комнату с Питером, полицейские подходят к окнам.

Они услышали признание Кверрина. И инспектор спас мне жизнь.

Но не спас Питера, – грустно закончил он.

Касл что-то проворчал.

Лоуренс встал. Более бодрым тоном он произнес:

– Это всё, Стив. Можете везти обвиняемого в суд. Но, – предупредил он, – Хардиндж жесткий человек. Он будет бороться с вами, Стив. Будет бороться, как дьявол!

Старший инспектор нахмурился:

– С ним кончено.

– Нет. Он свалит всю вину на Кверрина. Потребуется считать свое признание недействительным, так как оно подписано под дулом пистолета. Нет, – повторил Лоуренс, – он будет бороться, как дьявол!

Лицо Касла окаменело. Он мрачно отчеканил:

– Он будет висеть.

– Лоуренс, мой мальчик!

Рассел Крэйг приветствовал молодого человека, когда тот вышел из библиотеки. Лоуренс осмотрелся вокруг и увидел, что старый жулик стоит в проходе и одной рукой обнимает за тонкую талию племянницу.

Лоуренс улыбнулся им обоим.

– Здравствуйте, Одри. Здравствуйте, сэр. Надеюсь, после событий этого утра вам не стало хуже?

– Конечно, нет. Я просто наслаждался всем этим, – бесстыдно солгал старый мошенник. – Хотя признаюсь, мне стало значительно легче, когда я увидел инспектора с револьвером.

– Вы не поверите, – усмехнулся Олджи, – самым трудным для меня было убедить главного констебля вооружить полицейских.

Внезапно девушка сделала шаг вперед. Она нетерпеливо остановила их разговор и тихо сказала:

– Олджи. Я хотела бы с вами поговорить.

– Конечно. – Он взял ее за руку, и они прошли в гостиную. Она села.

Лоуренс оседлал стул и поглядел на нее с вежливым вопросом.

Она сказала с мукой:

– Наверное, я должна поблагодарить вас... за то, что вы заманили в ловушку людей, которые убили моего...

Лоуренс покачал головой:

– Нет, Одри. Вы не можете быть благодарны за то, что я послал двух человек на смерть. Мы не так скроены – вы и я.

Он сделал паузу:

– Человек, которого вы любили, убит. Но вы должны думать о будущем. Вы не можете допустить, чтобы вашу жизнь разъедала горечь и ненависть.

Губы девушки задрожали. Затем она закрыла лицо руками и зарыдала.

В голубых глазах Лоуренса появилось отчаяние. Он встал и посмотрел на ее трясущиеся плечи, положил руку на ее гладкие каштановые волосы и нежно погладил их. Она подняла голову – слезы текли по ее щекам.

– Роджер умер, потому что я любила его. – сказала она. Движением руки она остановила его протест: – Нет, нет. Не обманывайте меня. Вы предупредили меня, что было бы лучше продолжать верить, что мой жених умер, потому что бросил вызов потусторонним силам. Я не поняла тогда, что вы имеете в виду. Теперь знаю. Роджера убили потому, что он хотел жениться на мне. Всё просто. Я любила его, и я послала его на смерть.

Лоуренс спокойно ответил:

– Вы неправы, что обвиняете себя. Роджеру бы это не понравилось.

Он чуть заколебался, но внезапно решился:

– Я сказал, что правда может причинить вам боль. Но она может также и утешить вас.

В ее прекрасных серо-зеленых глазах был вопрос.

Олджи спокойно продолжал:

– Хочу вам кое-что сказать. Сейчас это не поможет, потому что боль слишком сильна. Но выслушайте меня. Слушайте внимательно.

Вам не приходило в голову, Одри, что это за такой странный вид зла, – он чуть запнулся, – который настолько меняет человека, что он готовит смерть своему брату?

Девушка чуть приоткрыла рот.

Лоуренс быстро продолжил:

– Возможно, это и было проклятием Кверринов. Возможно, именно поэтому молодой Мартин яростно набросился на старого Тома много лет назад. Возможно, старик сказал сыну, что их кровь отравлена безумием. Возможно,

в этом и была тайна. Алая нить безумия вплетена в ткань души Кверринов.

Поэтому один Кверрин наносит удар своему сыну, а другой убивает брата.

Но помните. Убийца или жертва – инфекция была в каждом.

Повисла долгая тишина.

Затем девушка задумчиво сказала:

– Вы правы. В том, что сейчас это мне не поможет...

Ее голос понизился до шепота.

– Но думаю... однажды... это мне поможет... очень...

Лоуренс вышел из комнаты.

Крэйг ждал снаружи. Он нетерпеливо поймал молодого человека за руку:

– Как она, хорошо?

Лоуренс осторожно ответил:

– Думаю, да.

Дядя Расс попытался обойти его. Олджи предупреждающе потянул старого жулика за рукав и пробормотал:

– Не говорите с ней сейчас. Ей лучше побыть одной.

– Хорошо, мой мальчик.

Двое мужчин пошли вместе.

Внезапно Крэйг сказал:

– Одри очень дорога мне.

Он сказал это совершенно искренне. Затем вновь проявился его инстинкт все драматизировать. Трагическим тоном он заявил:

– Я – старик. Больше нет никого, кто обо мне позаботится!

Лоуренс рассмеялся в голос и грубовато заявил:

– Не верю!

– А? – Старый жулик явно был огорошен.

– Вы уже под прицелом, дядя Расс. Возможно, стоит сдаться!

– Мой мальчик. Я не понимаю...

Лоуренс весело заметил:

– Девушек часто привлекают пожилые люди. А одна молодая особа уже продемонстрировала свою привязанность к вам.

Крэйг явно пришел в замешательство.

– Вы же не имеете в виду...

– Угу. Сьюзен Йорк. – Олджи улыбнулся. – Вчера вечером она пыталась меня соблазнить. Почему? Поскольку хотела, чтобы я помог вам решить проблемы с полицией.

Он хлопнул ладонью по плечу старого жулика.

Дядя Расс покраснел.

Лоуренс усмехнулся:

– Паршиво, – посочувствовал он. – Кажется, вас, наконец, поймали.

Крэйг расправил плечи.

– Мой мальчик, – воскликнул он с жаром, – Я – джентльмен и приму свою судьбу. – И он легкой походкой зашагал прочь.

Молодой белокурый человек пристально глядел из окна спальни и позволил мыслям свободно блуждать. Затем вздохнул и вернулся к укладыванию сумки. Он думал:

«Меньше трех дней, как Кверрины вошли в мою жизнь. А теперь они оба мертвы».

Он злобно потянул молнию.

Во рту было сухо, он чувствовал опустошение. Хэзлитт сообщил ему, что полиция обнаружила отпечатки пальцев Саймона Тернера в спальне Хардинджа. Еще один гвоздь в гроб сержанта...

Лоуренс надел плащ и нахлобучил шляпу.

Он не чувствовал гордости. Ему удалось отдать убийцу под суд, но он обвинял себя в том, что не смог предотвратить его преступления.

Олджи невесело рассмеялся. Он подумал:

«Одри и я. Мы созданы друг для друга. Неужели это просто самомнение делает нашу совесть такой чувствительной?»

Он продолжал думать о девушке.

Где-то внизу пронзительно загудел автомобиль. Лоуренс взял сумку и поторопился вниз.

...На секунду он замер на ступенях, глядя на автомобиль, стоящий на дорожке.

Касл опустил стекло и выглянул:

– Садитесь, Олджи. Я хочу успеть вернуться в Лондон до темноты. Черт побери, я нанял этот автомобиль лишь на день!

Лоуренс кивнул. Он открыл заднюю дверь и поставил сумку на сидение.

Затем оглянулся и посмотрел на Кверрин-Хаус. В открытой двери появилась женская фигура.

Молодой человек сжал зубы. На щеках вздулись желваки. Словно он увидел ее впервые.

– Одри... – вздохнул он.

Затем захлопнул дверцу и подбежал к ней вверх по ступенькам. Он нежно схватил ее за руки, словно погружаясь в ее очарование.

– Одри, дорогая. Я не могу вот так просто уехать. Вы одиноки.... и я одинок.

Он говорил сбивчиво и неловко, но не обращал на это внимания. Словно только что понял истину: неуверенно, но искренне.

Девушка ничего не ответила, но в ее полных горя серо-зеленых глазах пылали и другие эмоции. Она глубоко вздохнула, и ее молодая крепкая грудь изящно приподнялась.

– Олджи... я...

Он прижал свои губы к ее.

Их сердца бились в унисон. Руки Лоуренса скользили по изящным контурам ее фигуры. От невинной близости по телу разливалось тепло и слабость.

Он почувствовал, что ее губы открылись. Их языки встретились в долгом французском поцелуе. Затем она оттолкнула его и отчаянно воскликнула:

– Это бесполезно, Олджи. Бесполезно! – Она вновь зарыдала, а потом тихо произнесла:

– Давайте не будем делать глупостей. Вы не любите меня, а я не люблю вас.

– Одри...

– Нет, мой дорогой. Я все еще принадлежу Роджеру, а вы... – она запнулась, – вы принадлежите леди, которую ищете.

Олджи нежно улыбнулся ей в ответ.

Он поднял руку и отвел назад мягкий завиток, опустившийся ей на ухо. Потом снова поцеловал ее, но уже без страсти.

– До свидания, – совершенно спокойно сказал он.

Она смотрела, как он уходит.

Затем быстро прошептала, как когда-то:

– Надеюсь, вы скоро ее найдете...

Это были прощальные слова.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

ПИСЬМО ДЕРЕКА (МИТА ДУГЛАСУ ГРИНУ (ОТРЫВОК))

1 июня 1980

Дорогой Дуг,

Благодарю за ваше письмо, приятно отвлекающее меня в столь тревожное время. Рад, что вам понравилось “Вызвать дьявола”, которое создавалось как легкомысленное “посвящение” Джону Диксону Карру и Клейтону Роусону, хотя в конечном счёте я оказался тогда слишком неуверен в себе, чтобы послать книгу кому-либо из них.

Вы обратили внимание на одну большую ошибку в романе, которая внутренне тревожила меня с тех самых пор, как я увидел книгу изданной — но вы, на самом деле, первый, кто на неё указал! Я не столь дурен, как Реймонд Чандлер, который, когда его спросили, кто убил шофёра в “Большом сне”, ответил, как считается: “Чёрт подери, будто я сам знаю!”

Я могу объяснить момент в главе 10, связанный с нетронутой почвой и дождём, а именно: “Раньше он рассчитывал, что его алиби будет зависеть исключительно от окон, которые Роджер повторно запер изнутри. Теперь в его поддержку говорила и нетронутая почва на клумбах.” А также: “Но никакой невиновный человек не мог иметь такое сверхчеловеческое самообладание... или черствость, чтобы проигнорировать такой очевидный крик о помощи. Только у виновного могла быть причина оставаться там, где он был”.

Поскольку я по глупости своей не дал точного объяснения, то рад возможности сделать это прямо сейчас — думаю, я сохраню у себя копию этого письма для будущих справок. А именно:

Дождь дал незапланированный шанс подготовить уникальную невозможность.

Если бы стояла сухая погода, Хардиндж бы (в прямом смысле) скрыл свои следы следующим образом: он бы прошёл по не засаженным клумбам, оставив одну линию следов. Когда бы Лоуренс вышел из проклятой комнаты, оставив Роджера Кверрина одного, Хардиндж ещё несколько раз пересёк бы в том же направлении клумбы, скрыв собственные следы; он мог бы объяснить это тем, что периодически подходил ближе, смотря и слушая снаружи французских окон, чтобы убедиться, что Роджер в порядке. Затем он бы заставил жертву впустить его в комнату и совершил убийство, как запланировано. После преступления (в полночь) он вернулся бы на свой пост под деревьями и ждал, когда в комнату вломится Лоуренс. Услышав соответствующий шум, он бы вновь немедленно пересёк клумбы и остановился непосредственно у французских окон, чтобы быть замеченным Лоуренсом. Естественно, он заявил бы, что слышал крик, не говоря о шуме, произведённом вторжением Лоуренса, так что, естественно, вновь подошёл к окнам узнать, что происходит. Линии следов было бы на одну меньше, чем должно, но это едва ли было бы замечено, поскольку он бы вытоптал землю, несколько раз пройдя туда-сюда. Запертые французские окна подтвердили бы его рассказ и его алиби.

Подобно сержанту, я немножко переборщил в этом месте с фокусами. Если бы я писал этот роман сейчас, то убрал бы большую часть “следов на клумбе”, проложив от французских окон к деревьям дорожку, что было бы куда естественнее.

Думаю, что это всё проясняет. Я не против оставлять нерешённые вопросы в психологическом плане, но ненавижу, когда без разъяснения остаются факты.

Что до самого Олджи Лоуренса, вы также абсолютно правы. Он довольно расплывчатая и неубедительная фигура, и я рисковал создать в конечном счёте нелюбимый мной тип сыщика — тот, который Николас Блейк называл “неопределённым, как лист промокательной бумаги, впитывающим реакцию своих собеседников, гладким зеркалом, в котором мы видим отражённой каждую деталь преступления, чистым глазом-фотокамерой”. Я намеревался создать находящийся в развитии образ молодого идеалиста, очень умного, но довольно наивного и слегка сентиментального, романтика, в конечном счёте попадающего в ловушку собственной чувствительности.

Где-то в моих бумагах есть ужасно написанный юношеский фрагмент (тогда мне было лет семнадцать), служащий окончанием того, что по замыслу моему должно было стать мини-циклом из трёх или четырёх книг (написана была лишь вторая). Поскольку мои детективные вкусы в целом соответствуют дядюшке Рассу — своему равному, высокомерному, эксцентричному и непогрешимому (и я бы добавил, “слегка комичному”), то, полагаю, мои труды имели бы большой коммерческий успех, если бы я отказался от своего первоначального намерения и сделал в последующих книгах сыщиком дядюшку Рассу... Впрочем, грань между грубым просчётом и гениальным озарением очень зыбка. Полагаю, лучше всего было бы что-то среднее между мистером Кронком, созданным Дарлингтоном, и придуманным Уэббом мистером Пендлбери.

опущена остальная часть письма, посвящённая обсуждению иных произведений, издательской деятельности Д. Грина и семейным делам автора

ПИСЬМО ДЕРЕКА (МИТА ТОНИ МЕДАВАРУ (ОТРЫВОК))

Замените нижеследующий текст:

“Касл задумался:

— Шторы были задернуты, и он ничего не видел. Или он мог опасаться... — Он остановился. — Нет, эти возражения слишком безосновательны. Вы правы, Олджи. Немедленная реакция любого человека состояла бы в том, чтобы броситься вперед.

Лоуренс наклонил голову:”

На:

“Касл спросил:

— А что бы он делал, если бы дождь не смыл его следы?

Лоуренс пожал плечами.

— Я полагаю так: Хардинг прошёлся бы до французских окон три или четыре раза, якобы для того, чтобы сквозь просвет в занавесках убедиться в том, что Роджер в безопасности, но в действительности для того, чтобы взрыхлить землю по определённой линии, готовясь к финальной пробежке, когда будет поднята тревога. Естественно, там было бы на одну линию следов меньше, чем должно, но это едва ли кто-то заметил бы”.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	5
1.....	12
2.....	38
3.....	62
4.....	94
5.....	118
6.....	142
7.....	163
8.....	180
9.....	197
10.....	222
Вместо послесловия.....	251
Письмо Дерека Смита Дугласу Грину (отрывок).....	251
Письмо Дерека Смита Тони Медавара (отрывок).....	254

Литературно-художественное издание

16+

Дерек Смит
Вызвать дьявола

Гарнитура Cambria

© Перевод. Николай Баженов, 2020
© Перевод предисловия и послесловия. Д.Шаров, 2020